

ИЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

(годъ двѣнадцатый).

№ 30.

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ

ПЕЧАТАНО ТАВРИЧ. УЧЕНОЮ КОММИССІЕЮ

1899.

1532
2851

ИЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

(годъ двѣнадцатый).

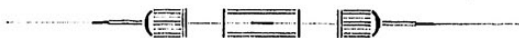
№ 30.

1532.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАВРИЧЕСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.

~~488~~

СИМФЕРОПОЛЬ

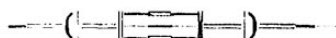
ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ.

1899.

Печатано по постановленію Таврической Ученой Архивной
Коммисіи 15 ноября 1899 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. Очеркъ военной службы крымскихъ татаръ съ 1783 по 1889 годъ. <i>Измаила Муфтійзаде</i>	1
II. А. С. Пушкинъ и Крымъ. <i>Арсенія Маркевича</i>	25
III. Архивовѣдѣніе на XI-мъ Археологическомъ Сѣздѣ. <i>Хр. Яцуржискаго</i>	59
IV. XI-й Кіевскій Археологическій Сѣздъ и труды его по исторіи Новороссійскаго края. Профессора <i>Ал. Маркевича</i>	65
V. Чмырева могила. <i>Д. Я. Сердюкова</i>	80
VI. По поводу отрывковъ двухъ свитковъ Пятигнѣзія изъ Осодосійской еврейской синагоги. <i>А. Гидалевича</i>	82
VII. Отчетъ о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммисіи за 1898 годъ	87
VIII. Протоколы засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммисіи:	
а) 27-го марта 1899 года	94
б) 12-го мая 1899 года	105
в) 25-го мая 1899 года	107
г) 25-го сентября 1899 года.	108
д) 15-го ноября 1899 года	118

ОЧЕРКЪ

ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ

съ 1783 по 1899 годъ.

(По архивнымъ матеріаламъ).

Для каждаго служба предковъ Царю и Отечеству составляетъ гордость; это чувство не чуждо и татарскому населенію Тавриды.

Въ ноябрѣ 1899-го года исполнится 25-ти-лѣтіе служенія татаръ въ Крымскомъ дивизионѣ, основанномъ въ 1874 году, съ введеніемъ общей воинской повинности, исключительно для татаръ Крыма. Но служба татаръ въ русской арміи началась гораздо раньше.

Въ былое время старики-татары на всѣхъ меджлисахъ ¹⁾ и ханушма, ²⁾ въ стихахъ и разсказахъ, вспоминали старину и ея героевъ, что врѣзывалось въ память молодежи и передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но теперь не то, все измѣнилось; нѣтъ уже тѣхъ меджлисовъ, а ханушма потеряла прежній характеръ и значеніе, старина понемногу стала забываться, и дѣды—герои скоро совсѣмъ будутъ забыты внуками, а ихъ въ свое время полезная и славная служба для края и Отечества изгладится изъ памяти потомства. Для знакомства, главнымъ образомъ, татарской молодежи со службой предковъ и для воскрешенія прошлаго въ памяти стариковъ, ряды которыхъ, къ сожалѣнію, быстро рѣдѣютъ, авторъ, какъ одинъ изъ послѣднихъ въ настоящее время старо-служилыхъ татаръ, считаетъ обязанностью подѣлиться своими знаніями и собранными свѣдѣніями о службѣ Крымскихъ татаръ со

¹⁾ Собраніе, сходъ.

²⁾ Попойка, веселая бесѣда.

времени присоединенія Крима къ Россіи, т. е. съ 1783 года, съ указаніемъ документовъ, изъ которыхъ извлечены свѣдѣнія,—для того, во-первыхъ, чтобы сохранить старину въ памяти потомства: во-вторыхъ для того, чтобы татарская молодежь, оцѣнивъ заслуги предковъ, въ случаѣ надобности, приободрилась къ службѣ за Царя и Отечество.

Правда, представляемыя свѣдѣнія слишкомъ кратки и сухо изложены: но это только матеріаль для будущаго историка службы татаръ Крима.

По присоединеніи Крима къ Россіи въ 1783 г. многіе изъ татарскихъ мурзъ, стоявшіе во главѣ населенія и тѣ, которые своими услугами и усердіемъ обратили на себя вниманіе русскаго правительства того времени, князя Потемкина и другихъ начальствующихъ лицъ, были награждены военными и гражданскими чинами и назначены по способностямъ своимъ на должности въ новыя учрежденія по Области, по мѣрѣ ихъ открытія.

Такъ, были награждены сразу чинами: *коллежскаго совѣтника*: 1) Меметша бей Ширинскій, 58 лѣтъ, назначенный областнымъ предводителемъ дворянства; 2) Казындаръ Мегметъ ага ¹⁾, 52 лѣтъ (родоначальникъ фамиліи Балатуковыхъ), назначенный областнымъ совѣстнымъ судьей; 3) Темиръ-ага, 68 лѣтъ (родоначальникъ фамиліи Погаевыхъ), назначенный совѣтникомъ палаты гражданскаго суда; 4) Кутлуша ага Кіатовъ—совѣтникомъ палаты уголовного суда; 5) *коллежскаго ассесора*: Аджл Газы ага, 61 года, назначенный ассесоромъ палаты гражданскаго суда; 6) Мегметша Мурза Аргинскій, 50 лѣтъ, совѣтникомъ казенной палаты; 7) Хамить ага, 60 лѣтъ (завѣдывавшій монетнымъ дворомъ при ханѣ, родоначальникъ фамиліи Челебевыхъ),—ассесоромъ казенной палаты; 8) Джаумъ ага (родоначальникъ фамиліи Чалбашевыхъ)—ассесоромъ палаты уголовного суда ²⁾.

Затѣмъ, на основаніи указа, даннаго президенту военной коллегіи князю Потемкину отъ 1-го марта 1784 года за № 15936 (помѣщ. въ общемъ собраніи узаконеній за тотъ

¹⁾ Слово „ага“ понималось и переводилось „вельможа, сановникъ“; при ханахъ лица, занимавшіе мѣста при дворѣ и въ управленіи, прибавляли къ своимъ именамъ „ага“.

²⁾ См. Архивъ Канцеляріи Таврическаго Губернатора, св. 26, № 26-й.

годъ), о составленіи національнаго войска изъ новыхъ подданныхъ Таврической Области въ составѣ пяти дивизіоновъ, на первыхъ порахъ было сформировано только три дивизіона. По штату положено было въ каждомъ дивизіонѣ по 1-му маіору, по 2 ротмистра, 2 поручика, 2 прапорщика, 10 наказныхъ и 195 рядовыхъ, съ жалованьемъ въ годъ: маіору—300 р., ротмистру—200 р., поручику—150 р., прапорщику—120 р., наказному—40 р. и рядовому—35 р. ассигнаціями. Всѣ офицеры и большинство наказныхъ были назначены изъ молодыхъ мурзъ выдающихся фамилій Крыма; изъ отчетовъ о содержаніи этихъ дивизіоновъ ¹⁾ видно, что 1-ымъ дивизіономъ командовалъ ротмистръ Мустафа Мурза Кіатовъ, 2-ымъ дивизіономъ—маіоръ Абдулла Величь, 3-имъ—маіоръ Батырь ага Тамагуль Крымтайскій. ²⁾

Въ концѣ 1787 г. люди всѣхъ 3-хъ дивизіоновъ были пересортированы, и изъ лучшихъ были составлены два дивизіона, а 3-ій дивизіонъ былъ распущенъ по домамъ впредь до востребованія. Командиромъ 1-го дивизіона былъ назначенъ маіоръ и кавалеръ Св. Владиміра 3-го класса Мегметша бей Кантакузинъ ³⁾ (изъ молдавскихъ князей), получившій вышеупомянутой орденъ при взятіи кр. Очакова въ званіи адъютанта кн. Потемкина. рѣдкостная награда для маіора. По расформированіи дивизіоновъ онъ служилъ въ государственной конской экспедиціи и былъ смотрителемъ симферопольскаго конскаго завода въ 1800 г. ⁴⁾ Маіоръ-же Батырь ага (родоначальникъ фамиліи Крымтаевыхъ) съ переименованіемъ

¹⁾ Арх. Канц. Таврич. Губ. № 18, св. 26.

²⁾ Сохранился приказъ о назначеніи послѣдняго въ эту должность.

О Р Д Б Р Ъ

С Е К У Н Д Ѣ М А І О Р У В А Т Ы Р Ъ А Г А

Высочайшее ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА есть дозволеніе составить въ Области Таврической изъ жителей ея, добровольно службу воспріять желающихъ, пять дивизіоновъ конныхъ войскъ, которые въ какомъ должны состоять числѣ людей и съ какимъ жалованьемъ, усмотрите вы изъ приложеннаго здѣсь штата. По извѣстной вамъ способности и усердію къ службѣ вамъ препоручаю я сформированіе и командованіе третьяго дивизіона, вслѣдствіе чего имѣете употребить стараніе ваше къ собранію потребнаго числа наказныхъ и рядовыхъ для составленія порученнаго вамъ дивизіона, донося прямо ко мнѣ объ успѣхѣхъ въ семь возложенномъ на васъ дѣлѣ, такъ какъ всѣ сіи дивизіоны подь собственнымъ моимъ имѣютъ состоять начальствомъ.

Г. Перекопъ. Іюня 1-го дня 1784 года. Князь Потемкинъ. Подлинникъ хранится въ документахъ колл. сов. Батырь Ага. въ Арх. Таврич. Двор. Депут. Собр. за № 252.

³⁾ Онъ былъ полководцемъ Беншійскаго войска при Шагинъ-Гирей ханѣ. (Арх. Тавр. Губ. Пр., св. 15, № 42, его формулярный списокъ).

⁴⁾ (Арх. Губ. Пр., св. 9, № 271). Въ 1803 г. былъ избранъ въ Симферополь уѣзднымъ предводителемъ дворянства и умеръ въ 1805 году. (Арх. Канц. Тавр. Губерн. св. 97, № 278.

въ надворные совѣтники былъ назначенъ совѣтникомъ Таврической палаты уголовного суда.

До 1790 года эти два дивизиона отправляли службу внутри Крыма, сопровождали почту, властей, охраняли лѣса, соляныя озера, преслѣдовали бѣглыхъ, разбойниковъ и развозили эстафеты между городами и селами Крыма. Во время же приѣзда въ Крымъ въ май 1787 г. Императрицы Екатерины II всѣ три дивизиона участвовали въ торжественномъ шествіи Ея Величества по Крыму, вновь обмундированные передъ самымъ приѣздомъ специально для этого командированнымъ отъ кн. Потемкина полковникомъ Горичемъ въ чекмени и шаровары изъ чернаго сукна и съ новой аммуниціей. 1-ый дивизионъ 19-го мая 1787 года встрѣтилъ императорскій кортежъ въ Перекопѣ и, разбившись по частямъ, конвоировалъ его до ст. Айбары, гдѣ Ея Величество имѣла ночлегъ, а на другой день сопровождалъ до г. Бахчисарая, гдѣ у вѣзда въ городъ были выстроены въ полномъ составѣ 2-й и 3-й дивизионы. Известно, что въ 15 верстахъ отъ Бахчисарая встрѣтили императорскій кортежъ въ богатыхъ расшитыхъ національныхъ костюмахъ верхами молодые мурзы и бей Крыма, о чемъ Императрица въ своемъ письмѣ къ ученому Гримму пишетъ: „Всю дорогу насъ конвоировали татары, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бахчисарая Мы нашли все, что есть лучшаго въ Крыму, на конѣ. Картина была великолѣпная. Предшествуемые такимъ образомъ, въ открытой коляскѣ, въ которой сидѣло 8 персонъ, Мы вѣхали въ г. Бахчисарай въ 6 ч. вечера“.

Торжественное шествіе Императрицы Екатерины II по Таврической Области неоднократно было уже описано, но наиболѣе интересные факты, доказывающіе энергичную дѣятельность татаръ и достойное подражанія ихъ единодушіе въ общемъ дѣлѣ, считаю не лишнимъ указать и здѣсь.

Такъ, въ концѣ 1784 года мурзы, собравшись въ Бахчисараѣ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ предстоящимъ Высочайшимъ приѣздомъ, и назначенія для этого лошадей, рѣшили представить черезъ правителя области Василя Васильевича Каховскаго князю Потемкину выраженіе радостныхъ чувствъ своихъ и всего татарскаго населенія Тавриды, по случаю предстоящаго прибытія Императрицы въ Крымъ. Этотъ адресъ подписали: Муфтіи Мусаллафъ Эфендій (родоначальникъ фамиліи Муфтизаде), Ширинскій Меметша бей, Кадій-Эскеръ Сеитъ Мегметъ, Кутлуша ага, Темиръ ага, Се-

лимша мурза Ширинскій, Мансурскій бей Псеипъ, Седжеутскій бей Девлетша, Ширинскій Султанъ Мегметъ, Джауль ага, Аджи Газы ага, Аргинскій бей Исламъ, Меметша мурза, Смаиль ага, Батыръ ага, Кемаль ага, Али ага, Байдарскій Али ага, Кипчакъ Меметша мурза. 1199 г. луннаго мѣсяца Тесри 2 (въ 17-ый день ноября 1784 г.).

Тутъ-же знатнѣйшіе представители татарскаго населенія Крыма выразили обязательство приготовить 3000 лошадей изъ городовъ и деревень для Высочайшаго шествія, а также принять участіе людьми въ исправленіи дорогъ.

Въ концѣ декабря 1786 г. князь Потемкинъ прибылъ въ Крымъ. Его встрѣтили въ г. Херсонѣ секундъ-маіоры: Велиша мурза Кіатовъ и Азамать ага, а въ г. Перекопѣ коллежскіе совѣтники: Темиръ ага, Мегметъ ага (казындаръ), Мегметша Ширинскій, Атай мурза Ширинскій. Всѣ они вмѣстѣ съ княземъ проѣхали по всему пути, предназначенному для Высочайшаго шествія. Въ концѣ января 1787 г. князь Потемкинъ выѣхалъ изъ Крыма въ г. Кременчугъ, а 9-го марта выѣхали изъ г. Карасубазара въ Кіевъ выбранные отъ дворянства депутаты: Темиръ ага, Абдувели ага (предв. дв. Симф. у.), Меметша мурза Аргинскій, коллежскій ассесоръ Юсуфъ Ибраимовичъ¹⁾ (переводчикъ) и дворянскій секретарь Гусейнъ мурза Ширинскій—для привѣтствованія Ея Величества съ пріѣздомъ на Югъ.

Въ январѣ 1787 года были произведены въ Крыму первые дворянскіе выборы, на которые съѣхалось со всего Крыма до ста мурзъ, и закрытыми шарами были избраны:

Уздыми предводителями дворянства:

Симферопольскимъ—Абдувели ага Тонечокракскій.
 Феодосійскимъ—маіоръ Атай мурза Ширинскій (влад. д. Учкуй).
 Перекопскимъ—Усейнъ бей Мансурскій.
 Евпаторійскимъ—Арсланша мурза Ширинскій (влад. д. Ортлекъ).

Уздыми судьями:

Симферопольскимъ—Черкесъ Мегмедъ ага.
 Феодосійскимъ—Мамбетъ мурза Ширинскій.
 Перекопскимъ—Мердимша мурза Мансурскій.
 Евпаторійскимъ—Батыръ ага (влад. дер. Кабачъ).

¹⁾ Родной племянникъ извѣстнаго Якубъ аги Рудзевича: оба они изъ Буджакскихъ татаръ, явились подъ Бендерами въ 1770 г. къ графу Петру Ивановичу Панину, принимали живое участіе въ дѣлахъ и много способствовали мирному и спокойному присоединенію Крыма къ Россіи. Ибраимовичъ умеръ полковникомъ въ 1795 году. (Арх. Канц. Тавр. Губ. св. 54, № 38).

Уьздными исправниками:

Симферопольскимъ—капитанъ Болать бей.

Феодосійскимъ—Темирша мурза.

Перекопскимъ—Сейтъ Ибрамъ ага Тащи-оглу.

Евпаторійскимъ—капитанъ Абдураманъ ага Мамайскій.

Всѣ мѣста депутатовъ, засѣдателей, какъ дворянскихъ оцекъ, такъ верхнихъ и нижнихъ земскихъ судовъ, были замѣщены молодыми мурзами съ чинами. Перечень именъ ихъ считаю лишнимъ помѣщать здѣсь; но позволю себѣ упомянуть, что до 1840 года большинство выборныхъ мѣстъ по Крыму были заняты мурзами ¹⁾.

Въ 1790 году сформировано было изъ Крымскихъ татаръ еще 4 дивизиона, и всѣ эти 6 дивизионовъ подъ общей командой полковника Мерметша бей князя Кантакузина были отправлены къ польской границѣ, съ выдачей имъ отъ казны аммуниціи и лошадей. Но, дойдя до Черниговскаго намѣстничества, они были остановлены и поступили въ корпусъ генералъ-аншефа Кречетникова. Пробывъ тамъ болѣе 2-хъ лѣтъ, въ 1792 году были возвращены обратно въ Крымъ, и 4 дивизиона были окончательно расформированы и распущены по домамъ, а остальные два продолжали службу въ Крыму. Службой ихъ начальство оставалось довольнымъ и находило полезной для края. Но все-таки со смертью Екатерины Великой въ 1796 году и эти два дивизиона были расформированы ²⁾.

Съ началомъ войны съ Французами въ концѣ 1806 года все мусульманское населеніе Крыма во главѣ со своимъ муфтіемъ Муртаза Челеби ³⁾ (родоначальникъ фамиліи Эмировыхъ) и мурзами прошеніемъ, поданнымъ на Высочайшее Имя черезъ бывшаго тогда Таврическаго губернатора Дмитрія Борисовича Мертваго, заявило желаніе выставить нужное число конныхъ полковъ на своемъ иждивеніи для за-

¹⁾ Арх. Тавр. Губ. Пр., св. 5, № 189 и Канц. Губ. св. 26, № 7.

²⁾ Арх. Тавр. Губ. Пр., св. № 10.

³⁾ Коллежскій ассессоръ, началъ службу въ канцеляріи Князя Потемкина съ 1783 года, а съ 1790 года служилъ по выборамъ дворянства, былъ Перекопскимъ исправникомъ два 3-хъ лѣтія, депутатомъ, засѣдателемъ отъ дворянства, въ 1803 году былъ избранъ и утверждень предводителемъ дворянства Перекопскаго уѣзда, а въ 1806 году избранъ Таврическимъ муфтіемъ. (Арх. Губерн. Правл. св. 8 № 250, св. 9, № 271, св. 15 № 42). Это былъ человекъ развитой, вполнѣ грамотный для того времени по-русски, что можно судить по представленной имъ собственноручной запискѣ въ 1809 году о перекламеновскѣ всего магометанскаго духовенства и исключеніи изъ него лицъ неспособныхъ. (Арх. Канцел. Тавр. Губерн. св. 133, № д. 338).

щиты Отечества. Императоръ Александръ I-й, милостиво принявъ такуюю просьбу, Высочайше повѣлѣлъ указомъ за № 22772 (помѣщ. въ собраніи зак. 1807 года) разработать этотъ проектъ и сформировать четыре конныхъ полка изъ Крымскихъ татаръ по образцу казачьихъ полковъ. Въ проектѣ было предположено о назначеніи офицеровъ и командировъ Высочайшею властью изъ русскихъ. Но хорошо знакомый съ населеніемъ края таврической губернаторъ Дмитрій Борисовичъ въ своемъ мнѣніи указалъ на неудобство во время войны незнанія командиромъ языка вѣрренныхъ ему людей и на то недовѣріе, съ которымъ отнесутся люди къ неизвѣстному лицу: справедливо полагая, что, при ихъ жертвованіи людьми и лошадьми уходящимъ далеко отъ родины необходимы свои начальники, а тѣмъ болѣе, что въ настоящее время изъ мурзъ Крыма есть много воспитанныхъ и достойныхъ офицеровъ занять эти мѣста, онъ возбудилъ особое ходатайство для пользы дѣла назначить всѣхъ командировъ и офицеровъ непременно изъ мурзъ Крыма. Такое ходатайство свое Мертваго отправилъ въ Одессу исп. долж. Херсонскаго военнаго губернатора маркизу де-Траверсе съ молодымъ поручикомъ Мустафа Мурзой (сынъ Темиръ аги), котораго, въ свою очередь, маркизь де-Траверсе съ тѣми-же бумагами отправилъ въ С.-Петербургъ министру военно-сухопутныхъ силъ генераль-адъютанту Феншау. Министръ внимательно отнесся къ дѣлу, а молодого татарскаго офицера лично представилъ Государю. Его Величество, милостиво распросивъ его о Крымѣ, говорилъ о проектируемыхъ полкахъ и при прощаніи высказалъ, что онъ рассчитываетъ на ихъ полезную службу отечеству ¹⁾.

Съ утвержденнымъ проектомъ Мустафа мурза прискакалъ въ Одессу и оттуда въ Крымъ. Мурзы и все населеніе Крыма, подъ наблюденіемъ Д. Б. Мертваго и Херсонскаго генераль-губернатора Дюка-де-Риншелье, усиленно принялись за составленіе, сформированіе и снаряженіе 4-хъ конныхъ татарскихъ полковъ по казачьему образцу, такъ что въ маѣ 1807 года эти полки были совершенно готовы къ выстуленію; всѣ люди были одѣты въ черные суконные чекмени и шаровары по казачьему образцу, въ татарскихъ шапкахъ, вооружены были частью вполнѣ, т. е. имѣли пиви, пистолеты

¹⁾ Арх. Канц. Губ. св. 204, № 144 и 3. Записки Д. Б. Мертваго. Рус. Арх. 1876 г. стр. 203.

или ружья и сабли, а частью имѣли только пики и кюлюки ¹⁾ да татарскіе ножи.

Херсонскій генераль-губернаторъ въ рапортахъ своихъ къ Министру военно-сухопутныхъ силъ отъ 12-го и 31-го августа 1807 года ²⁾ доносить, что, „находясь по Іюнь мѣсяцъ въ Крыму, онъ усиленно былъ занятъ, какъ-бы лучше устроить татарское сіе войско магометанскаго закона, обывателями Крыма добровольное представленное“. Побуждаемый желаніями татаръ; „людьми изъ себя и лошадыми жертвовавшихъ“, онъ находилъ нужнымъ согласиться и въ томъ, „чтобы и изъ ихъ имянитѣйшихъ фамилій назначены были въ полки сіи офицеры“. Полки были наименованы по уѣздамъ, изъ жителей которыхъ они составились. Симферопольскимъ конно-татарскимъ полкомъ командовалъ маіоръ Кая бей Балатуковъ ³⁾, Перекопскимъ—маіоръ Ахметъ бей Хункаловъ ⁴⁾, Евпаторійскимъ—капитанъ Абдулла ага Мамайскій ⁵⁾, Феодосійскимъ—поручикъ Али мурза Ширинскій.

Все снабженіе людей на мѣстѣ зависѣло отъ татаръ, но путевое довольствіе людей и лошадей обратилось на счетъ казны. Въ среднихъ числахъ іюня все полки двинулись изъ Крыма, направляя путь свой черезъ Кременчугъ къ г. Вильно.

Для удержанія въ этихъ полкахъ устройства во время марша и для лучшаго надзора за людьми къ каждому татарскому полку придало было по одному лучшаго поведенія и привыкшаго къ порядку службы штабъ-офицеру. Въ этомъ видѣ прошли было татарскіе полки до Кременчуга, нѣкоторые и за Кременчугъ. Но когда извѣстно стало о прекращеніи военныхъ дѣйствій съ Французами, Ришелье 9-го іюля приказалъ остановиться полкамъ, а 9-го Августа велѣлъ возвратиться въ Крымъ, предполагая, что они „ни къ чему уже на бывшемъ театрѣ сраженій употребленными быть не могутъ“.

¹⁾ Кюлюкъ-балга—старинное татарское орудіе въ родѣ кирки съ короткой ручкой, у которой съ одной стороны закругленная головка въ родѣ молотка, съ другой заостренный носъ журавля. Это орудіе бросали иногда въ догонку противнику на тонкомъ волосяномъ канатѣ.

²⁾ Пом. въ Собраніи Узак. № 22772.

³⁾ Воспитывался въ греческомъ корпусѣ, въ 1793 г. былъ выпущенъ подпоручикомъ въ Севастопольскій мушкетерскій полкъ, 1801 г. вышелъ въ отставку маіоромъ и служилъ по выборамъ. Въ 1803—1806 г. былъ Симф. уѣзди. предв. двор.

⁴⁾ Поступилъ сержантомъ въ Тамбовскій мушкетерскій полкъ въ 1784 г., поручикомъ въ 1790 г., перевелся въ дивизионъ ротмистромъ, по расформированіи его вышелъ въ отставку маіоромъ. Служилъ по выборамъ, былъ Перекопскимъ уѣзд. предв. двор.

⁵⁾ Служилъ по выборамъ дворянства, былъ Евпаторійскимъ уѣзднымъ исправникомъ въ 1806 г.

Изъ документовъ, имѣющихся въ архивѣ Таврическаго губернскаго правленія, видно, что полки прибыли въ Крымъ и были распущены по домамъ, съ подтвержденіемъ быть готовыми къ выступленію по первому требованію. Начальство же было озабочено обновленіемъ аммуниціи и присканіемъ недостающаго оружія.

Затѣмъ Симферопольскій конно-татарскій полкъ выступилъ изъ Симферополя 21-го мая 1808 года, прибылъ по маршруту въ г. Вильно 13-го сентября и былъ расположенъ съ казачьей бригадой генерала Пловайскаго 3-го на прусской границѣ кордонами въ пяти-верстномъ разстояніи. Штабъ-квартирой полка было мѣстечко Юрбургъ ¹⁾.

Перекопскій полкъ выступилъ изъ г. Перекопа 31-го мая 1808 года и прибылъ въ г. Гродно 22-го августа, расположился кордонами въ Бѣлостокской области, начиная отъ селенія Каменки до Крипички. Штабъ-квартира полка была въ м. Гоніондзахъ ²⁾.

Черезъ годъ выступили изъ г. Перекопа—30-го мая 1809 года Евпаторійскій конно-татарскій полкъ, а 1-го іюня Θεодосійскій, и оба были направлены въ г. Махновку Кіевской губерніи, куда прибыли 16-го іюля и были расположены на границѣ Кіевской и Житомирской губерній ³⁾.

¹⁾ Списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ Симферопольскаго конно-татарскаго полка:
Командиръ полка: майоръ Кая бей Балатуковъ.
Есаулы: Муратна мурза Ширинскій, Мустафа мурза, Максютъ бей Віярслановъ, Сефергази бей, Абдурремъ челеби Пльисовъ І-й.

Сотники: Мурадъ мурза, Османъ челеби Пльисовъ 2-ой, Адильша мурза, Аджи мурза, Пермамбетъ ага.

Хорунжіе (по непмѣющіе чина): Меджидъ ага, Сентъ ага, Эрмамбетъ ага Джаминскій, Османъ, Али.

Имамъ Абиль-Ваанъ эфенди. Въ полку состояло 25 урядниковъ и 475 рядовыхъ. Подлинный списокъ подписанъ генераль-лейтенантомъ Дюкомъ де-Ринелье. (Арх. Канц. Таврич. Губ., св. 23, № 65).

²⁾ Списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ Перекопскаго конно-татарскаго полка, составленный 20-го мая 1808 года.

Командиръ полка: майоръ Ахметъ бей Хункаловъ І-й.
Есаулы: Селяметъ бей Хункаловъ II-й, Менгли Гирей мурза Ширинскій, Батыръ мурза Уздемниковъ І-й, Ягья мурза, Ась мурза Бочала.

Сотники: Селяметъ мурза Хункаловъ III-й, Батыръ Гирей Султанъ, Хасанъ мурза Уздемниковъ 2-ой, Мустафа мурза Кантакузинъ, Касымъ мурза Карапай.

Хорунжіе (неутвержденные въ чинѣ): Бойса ага, Кайчу ага, Мемедля, мурза Али, Кенджаметъ Али.

Имамъ—Абдурремъ эфенди. Полковой квартирмейстеръ 12-го класса Абрамовъ. Число нижнихъ чиновъ то же, что и въ Симферопольскомъ полку. Подлинный списокъ подписанъ генераль-лейтенантомъ Дюкомъ де-Ринелье. (Тамъ-же).

³⁾ Списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ Евпаторійскаго конно-татарскаго полка:
Командиръ полка: капитанъ Абдулла ага Мамайскій.
Есаулы: Касымъ мурза Мансурскій, Мустафа мурза, Фетля мурза, Аметъ мурза Джаминскій, Садысь-ага Кунтуганскій.

20-го мая 1808 года получены были при письмѣ за № 611 отъ Херсонскаго военнаго губернатора Высочайшія награды и подарки именитымъ мурзамъ Кърыма, принимавшимъ участіе въ составленіи татарскихъ полковъ, а именно: Таврическому муфтію Муртаза Челеби эфендію золотая медаль, осыпанная алмазами, на голубой лентѣ; коллежскому совѣтнику Батырь агѣ Кърымтайскому, маіорамъ: Мердимшѣ мурзѣ Мансурскому (Евпат. уѣздн. предв. двор.), Атай мурзѣ Ширинскому, Сеитъ Ибрамъ агѣ Таціюму, капитану Катыршѣ мурзѣ Ширинскому и коллежскому ассесору Измаиль бею Балатукову (испр. должн. губ. предв. двор.) золотые часы, осыпанные алмазами; чины—губернскаго секретаря Сале мурзѣ Кипчакскому и коллежскаго регистратора: Джелаль мурзѣ Кипчакскому, Еиъ мурзѣ Эдилеръ, Мурать мурзѣ Аргинскому, Мегметъ агѣ Джемиковъ-Мамайскому, Мегметъ мурзѣ Кърымтайскому, Кутлушѣ мурзѣ Черикову, Осмапъ мурзѣ ¹⁾.

До открытія военныхъ дѣйствій Симферопольскій и Перекопскій конно-татарскіе полки находились на прусской границѣ, а въ 1812 году, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, принимали живое участіе во всѣхъ бояхъ и сраженіяхъ въ корпусѣ войскового атамана графа Платова, какъ-то: при Мирѣ, Романовѣ, Могилевѣ, Молевѣ, Смоленскѣ, Порѣчьѣ, Духовщинѣ, Рузѣ, Можайскѣ, Бородинѣ. При преслѣдованіи непріятеля изъ Москвы крымцы участвовали въ ежедневныхъ сраженіяхъ, между прочимъ при Тарутинѣ, Гжатскѣ, Дорогобужѣ, у Боровицкаго перевоза, по дорогѣ къ Вильно, при Юрбургѣ, при переходѣ че-

Сотники: Адильпа мурза Карагутскій, Темирпа мурза Булгапъ, Сартланъ мурза Карасичакъ, Мурать мурза, Темиръ мурза Джакербердинскій.

Хорунжіе (но неутвержденные въ чинѣ): Боре-Акай, Абла-Акай, Джиенгазы, Омеръ Векъ, Сеитъ Селяметъ.

Имамъ—дер. Кангылъ Халипъ эфенди.

Полковой квартирмейстеръ П. Ланкаревъ.

Число нижнихъ чиновъ то же, что и въ Симферопольскомъ татарскомъ полку.

Подлинный списокъ подписанъ генераль-лейтенантомъ Дюкъ де-Риншелье.

Списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ Феодосійскаго конно-татарскаго полка:

Командиръ полка: поручикъ Али мурза Ширинскій.

Есаулы: Меметпа мурза Ширинскій 2-ой, Джиенгазы мурза Шиязовъ, Аджи Гирей мурза Ширинскій, Куртъ беи Седжеутскій, Ягья ага Сендаметовъ.

Сотники: Абдуль Кадырь ага, Батырина мурза Кемельчинскій, Сейдали ага, Кап мурза Ширинскій 4-ый, Сеитъ Тегметовъ (адъютантъ).

Хорунжіе (не утвержденные въ чинахъ): Сеитъ Омеровъ, Петля ага Омеровъ, Вели Чаушъ Алиевъ, Джелаль Мустафа, Суинъ Сулейманъ.

Имамъ—дер. Орусъ-Ходжа Абитъ челеби.

Полковой квартирмейстеръ Якимовичъ.

Число нижнихъ чиновъ то же, что и въ Симферопольскомъ полку. Подлинный списокъ подписанъ генераль-лейтенантомъ Дюкъ де-Риншелье. (Тамъ-же).

¹⁾ Арх. Канц. Таврич. Губ., св. 126, № 276.

резь Нѣманъ и въ заграничныхъ дѣлахъ, находясь въ корпусѣ генерала отъ кавалеріи герцога Александра Виртембергскаго, въ сраженіяхъ при Тильзитѣ, Рогнидѣ, Бранденбургѣ, въ блокадѣ и взятіи крѣпости Данцига, гдѣ въ особенности отличились и были полезны наши татарскіе полки; командиръ Симферопольскаго полка полковникъ князь Балатуковъ произведенъ былъ за это дѣло въ генераль-маіоры (7 дек. 1813 г.).

Евпаторійскій-же конно-татарскій полкъ въ началѣ 1812 года былъ выдвинутъ въ Виленскую губернію и поступилъ во вторую западную армію, вначалѣ занималъ кордоны по рѣкѣ Нѣману и участвовалъ въ сраженіяхъ съ авангардными войсками при изгнаніи непріятеля изъ Брестъ-Литовска, подъ городомъ Кобриномъ и при отобраніи онаго, при занятіи г. Вѣлостока и разбитіи французскаго генерала Ферьера подъ мѣстечкомъ Заблудовомъ, при ретирадѣ изъ-подъ г. Пружанъ, при селеніи Городечнѣ. Въ этомъ сраженіи, при атакѣ Евпаторійскаго полка, у есаула Садыкъ ага Кунтуганскаго правая рука по локоть и указательный палецъ были разсѣчены саблѣй; но онъ послѣ перевязки вернулся въ строй и участвовалъ вмѣстѣ съ полкомъ въ послѣдующихъ сраженіяхъ—при ретирадѣ къ г. Кобрину, подъ мѣстечкомъ Любомлемъ, при нападеніи цезарскаго генераль-цейхмейстера, въ разбитіи его при дер. Низевичи, а въ 1813 году во многихъ сраженіяхъ въ Германіи, м.-пр. при м. Люценѣ и при дер. Кульмѣ, гдѣ Кунтуганскій былъ раненъ второй разъ саблѣй въ голову выше брови, съ раздробленіемъ кости, и въ правую ногу выше голени пулей на вылетъ. За отличіе въ этомъ дѣлѣ онъ былъ произведенъ въ войсковые старшины и для излеченія отъ ранъ возвращенъ въ Крымъ. Въ 1812 году въ одной изъ перестрѣлокъ былъ убитъ сотникъ Перекопскаго полка и кавалеръ ордена св. Анны 4-го класса Хасанъ мурза Уздеминовъ,¹⁾ а въ 1813 году въ дѣлѣ близъ г. Можайска былъ убитъ его братъ, войсковой старшина Перекопскаго полка и кавалеръ ордена св. Владиміра 4-ой степени Батыръ мурза Уздеминовъ. Въ дѣлѣ у Боровицкаго перевоза былъ раненъ въ ногу пулей на вылетъ Симферопольскаго полка есауль Абдуреймъ челеби Ильясовъ І-й, но онъ все время оставался въ строю и участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ вплоть до блокады кр. Данцига, откуда былъ отправленъ въ Крымъ для привода новобранцевъ для пополненія убыли Симферопольскаго и Перекопскаго полковъ,

¹⁾ Арх. Канц. Тавр. Губер., св. 254, № дѣло 447.

съ каковыми людьми и прибылъ въ полкъ по взятіи Данцига. Нужно замѣтить, что убыль людей въ этихъ полкахъ была пополнена еще въ 1811 году приведенными есауломъ Мурать мурзой и есауломъ Менгли Гиреемъ Ширинскимъ людьми (въ Симферопольскій полкъ—53 человекъ, въ Перекопскій—121 чел.), изъ чего можно заключить, что убыли нижнихъ чиновъ въ полкахъ было не мало ¹⁾. Въ сраженіи близъ горы Цыганкенбергъ была оторвана картечью нога у хорунжаго Мегмедъ бей Текятова.

Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій и заключеніемъ мира съ Франціей Симферопольскій, Перекопскій и Евпаторійскій конно-татарскіе полки вернулись съ большой дѣйствующей арміей черезъ Германію на городъ Брестъ-Литовскъ и прибыли въ Крымъ 5-го октября 1814 года, а дня черезъ два были распущены по домамъ впредь до востребованія ²⁾.

Феодосійскій конно-татарскій полкъ въ сраженіяхъ не участвовалъ, надо полагать, влѣдствіе плохого вооруженія, такъ какъ онъ кромѣ шкѣ да татарскихъ пожей никакого оружія не имѣлъ. Онъ все время оставался въ предѣлахъ Россіи, занимая кордоны по берегу рѣки Буга Гродненской губерніи, и вернулся въ Крымъ 15-го мая 1815 года. Люди были распущены по домамъ такъ-же, какъ и люди первыхъ полковъ, впредь до востребованія.

Въ 1817 году, по Высочайшему повелѣнію и распоряженіемъ главнаго штаба отъ 7-го мая за № 404, всѣ четыре полка были расформированы. Нижніе чины обращены „въ первобытное состояніе“, всѣ оберъ-офицеры повышены въ чинахъ, удостоены Монаршаго благоволенія и пожизненно оставлены по списку въ рядахъ русской арміи съ сохраненіемъ мундира полка ³⁾.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ видно, что татарскіе полки Крыма вернулись домой черезъ шесть съ половиною лѣтъ, вернулись не въ томъ составѣ и не въ томъ видѣ, какъ вышли изъ Крыма, но зато въ точности исполнивъ долгъ присяги и послуживъ Отечеству съ нѣкоторою пользою и сла-

¹⁾ Арх. Канц. Тавр. Губ. св. 151, № 137 и формулярные списки офицеровъ въ архивѣ Тавр. Депут. Собранія.

²⁾ Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ формулярныхъ списковъ офицеровъ, наход. въ Архивѣ Таврич. Двор. Депут. Собранія.

³⁾ Арх. Канц. Тавр. Губ., св. 204, № 144.

вой, о чемъ свидѣтельствуютъ рапы, полученныя крымцами, и знаки отличія, а также свидѣтельства ихъ начальства ¹⁾.

Многіе крымцы остались на поляхъ битвъ, а многіе и естественной смертью заняли мѣста на чужбинѣ, какъ напримѣръ, Евпаторійскаго полка есаулъ Касымъ мурза Мансурскій, умершій 10-го января 1810 года. Нѣкоторые-же вернулись калѣками. Но герои-инвалиды не были оставлены милостію Царя; такъ, войсковому старшинѣ Кунтуганскому назначена была пенсія въ 900 руб. въ годъ, есаулу Касымъ мурзѣ Карашаю— 800 руб., сотнику Османъ Челеби Ильясову 2-му—500 руб., хоружему Мегмедъ бею Текятову—500 руб. Кроме того, всѣ они получили единовременное пособіе въ размѣрѣ пенсін. 35 человекъ раненныхъ изъ нижнихъ чиновъ получили пенсію отъ 50 до 100 рублей въ годъ, смотря по ранамъ, а 18 нижнихъ чиновъ получили единовременное пособіе на излѣченіе ранъ въ томъ-же размѣрѣ. ²⁾.

Изъ пятидесяти офицеровъ болѣе половины вернулись кавалерами за военныя отличія, а нѣкоторые и съ большими наградами. Такъ, командиръ Симферопольскаго конно-татарскаго полка Кая бей князь Балатуковъ, ушедшій майоромъ, вернулся генераль-майоромъ и кавалеромъ св. Георгія 4-го класса, св. Анны 2-го класса и Владиміра 3-го и 4-го классовъ; командиръ Перекопскаго конно-татарскаго полка Аметъ бей князь Хункаловъ—полковникомъ съ золотой саблей и орденомъ Владиміра 4-го класса и св. Анны 2-го класса; командиръ Евпаторійскаго конно-татарскаго полка Мамайскій—майоромъ и кавалеромъ св. Анны 3-го класса. Кроме того, всѣ

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, свидѣтельство, данное есаулу Евпаторійскаго крымско-татарскаго полка Садыкъ агъ Кунтуганскому.

„Именемъ Его Императорскаго Величества и властію Высочайше мнѣ вѣренной въ справедливомъ уваженіи къ отличной храбрости вашей, оказанной въ сраженіяхъ авангардныхъ и при Люпенѣ 20-го апрѣля 1813 года, гдѣ вы отличили себя особеннымъ мужествомъ и расторопностью подавая собою примѣръ подчиненнымъ по засвидѣствованію генераль-адъютанта барона Виценгерода препровождая при семь для возложенія на васъ знака ордена св. Анны 3-го класса. Главная квартира въ г. Галле. Ноября 22-го дня 1813 года. Подлинное подписали генераль отъ кавалеріи графъ Виттенштейнъ.“ (Изъ документахъ Кунтуганскаго въ Арх. Таврич. Дв. Собр.)

Приведемъ еще грамоту, данную есаулу Ильясову 1-му.

„Именемъ Его Императорскаго Величества и властію Высочайше мнѣ вѣренной въ справедливомъ уваженіи къ отличной храбрости вашей, въ сраженіяхъ 27-го іюля признанной, по засвидѣствованію начальства, препровождая у сего для возложенія на васъ знака ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-ой степени съ бантомъ. Главная квартира, село Рождество, 19-го сентября 1812 года. Подлинное подписано такъ: главнокомандующій 1-й западной арміи генераль отъ инфантеріи Барклаѣ де-Толли. Полковникъ Закревскій. (Арх. Тавр. Двор. Деп. Соб., докум. мурзы Ильясова.

²⁾ Распор. Ком. Ран. 17-го марта и 19-го мая 1817 года, №№ 1175 и 1985, Арх. Канц. Таврич. Губерн. св. 204, № д. 354.

чины получили по серебряной медали на голубой лентѣ съ надписью: „не намъ, не намъ, а имени Твоему“. 1).

Со дня расформированія полковъ у перваго боевого генерала изъ крымскихъ татаръ Кая бей Балатукова зародилась мысль, какъ-бы оградить навсегда крымцевъ отъ могущей пасть на нихъ когда-нибудь рекрутской повинности, для чего и возбудилъ онъ ходатайство объ утвержденіи постоянной гвардейской части изъ татаръ Крыма, по примѣру Донского и Уральскаго казачьяго войска, за боевую службу въ отечественную войну. Долголѣтняя бытность его въ арміи, масса товарищей его, какъ по корпусу, такъ и по боевымъ бивакамъ среди высокопоставленныхъ лицъ способствовали ему и дали возможность осуществить этотъ проектъ крымско-гвардейскаго эскадрона, чему также много помогъ пріѣздъ Императора Александра I-го въ Крымъ въ 1825 году, такъ какъ Кая бей все время находился въ свитѣ и сопровождалъ Государя по всему Крыму.

Вопросъ о гвардейскомъ эскадронѣ изъ татаръ Крыма былъ окончательно рѣшенъ, но внезапная смерть Александра I вызвала нѣкоторую задержку, и только въ 1826 году состоялся Высочайшій приказъ о сформированіи лейбъ-гвардіи крымско-татарскаго эскадрона, въ которомъ по утвержденному штату состояло: 1 полковникъ, 9 оберъ-офицеровъ, 24 унтеръ-офицера, 4 трубача и 192 рядовыхъ. Эскадронъ былъ раздѣленъ на три части: двѣ части находились постоянно на службѣ въ С.-Петербургѣ, а третья, въ составѣ 3-хъ офицеровъ, 8 унтеръ-офицеровъ и 64 рядовыхъ, находилась на льготѣ въ Крыму; черезъ каждые три года льготная часть шла на службу въ С.-Петербургъ. Срокъ всей службы нижнимъ чинамъ былъ 15-ти-лѣтній, изъ коихъ 9 на службѣ, а 6 на льготѣ. Все содержаніе во время сбора, снаряженіе людей на службѣ одеждой и лошадьми отнесены на счетъ общества, для чего все татарское населеніе Крыма облагалось по 17 коп. съ души въ годъ; все-же содержаніе во время пути на службу и въ С.-Петербургѣ производилось на счетъ казны. Жалованье получали на службѣ отъ казны: унтеръ-офицеры по 54 рубля,

1) Къ сожалѣнію, болѣе точнаго и подробнаго списка крымскихъ кавалеровъ, которыхъ, должно быть, было не мало, нѣтъ возможности привести, такъ какъ дѣла, значащагося по описи Арх. Канц. Тавр. Губ. за № 374 въ связкѣ 179-й за 1814 годъ, о возвращеніи татарскихъ полковъ изъ заграницы и роспускѣ ихъ по домамъ, не оказались.

а рядовые по 37 рублей серебромъ въ годъ, офицеры-же по обще-гвардейско-кавалерійскому окладу.

Такимъ образомъ, мысль генерала Балатукова осуществилась, и въ это же время онъ удостоился Высочайшей грамоты съ пожалованіемъ ему знаковъ ордена св. Анны 1-ой степени. Со свойственною ему энергіей онъ принялся за сформированіе и снаряженіе гвардейскаго эскадрона. Сохранились списки первыхъ гвардейцевъ изъ крымскихъ татаръ ¹⁾; все нижніе чины были ростомъ выше 8-ми вершковъ; многіе, въ особенности унтеръ-офицеры, были кавалерами отечественной войны. Одѣтъ былъ эскадронъ въ куртки и шаровары синяго сукна—это обыкновенная форма, а парадная—куртка красного сукна съ 4-мя газырями на груди, кругомъ обшитыми желтымъ гвардейскимъ басономъ, а у офицеровъ галуномъ; кивера были старо-мурзацкаго образца шапокъ, также обшитые вдоль и поперекъ басономъ, у офицеровъ галуномъ; люди вооружены были пикой, саблей и пистолетомъ.

При сформированіи эскадрона, въ выборѣ людей и лошадей самымъ живымъ и энергичнымъ помощникомъ генерала Балатукова ²⁾ былъ корнетъ Мурадъ мурза Аргинскій, но ему не удалось идти съ эскадрономъ въ С.-Петербургъ въ первой очереди: въ одной изъ поѣздокъ своихъ по дѣламъ выбора людей, около г. Карасубазара, онъ опрокинулся съ бричкой и вывихнулъ себѣ ногу; немного оправившись, онъ поѣхалъ за эскадрономъ, получилъ чинъ поручика, но служить не могъ, въ скоромъ времени вернулся въ Крымъ и вышелъ въ отставку штабъ-ротмистромъ.

Первая очередь двухъ третей крымско-татарскаго гвардейскаго эскадрона выступила изъ Симферополя 20-го апрѣля 1827 года подъ командой героя отечественной войны подполковника Адиль бей Балатукова и прибыла въ Петербургъ 20-го августа. Черезъ два дня эскадронъ былъ представленъ на смотръ великому князю Михаилу Павловичу, а на четвертый день Императору Николаю I-му. Его Величество остался очень доволенъ видомъ людей и лошадей, и Адиль бей съ производствомъ въ полковники былъ утвержденъ командиромъ эскадрона. По приходѣ въ Петербургъ эскадронъ поступилъ въ составъ лейбъ-гвардіи сводно-казачья-

¹⁾ Въ дѣлахъ Арх. Канц. Таврич. Губернатора.

²⁾ Генералъ Кая бей съ отправкой эскадрона въ С.-Петербургъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ въ октябрѣ 1827 года; похороненъ въ родовомъ имѣніи Каралезъ.

го полка ¹⁾ и расположенъ былъ по обывательскимъ квартирамъ по Лиговкѣ, на Ямской.

Въ 1846 г. была окончена постройка 3-хъ-этажнаго зданія на Обводномъ каналѣ, въ ряду казачьихъ казармъ, для помѣщенія эскадрона, на счетъ сбора съ крымскихъ татаръ—стоимостью болѣе 700 тысячъ рублей. Въ верхнемъ этажѣ были квартиры для командира эскадрона, для муллы и большая роскошная зала подъ мечеть, стѣны которой, михрабъ и каѳедры для проповѣди и чтенія кутбе были выкрашены бѣлой масляной краской съ золотымъ ободкомъ и украшеніями карниза; весь полъ былъ устланъ толстымъ бѣлымъ сукномъ. Съ окончаніемъ постройки этихъ казармъ эскадронъ помѣщался тамъ до расформированія его, т.-е. до 15-го мая 1864 года, когда казармы эти, по распоряженію начальства, были переданы богатому Донскому войску и нынѣ заняты гвардейской казачьей батареей ²⁾.

Черезъ годъ, 16-го марта 1828 года, Высочайшимъ приказомъ командиръ эскадрона полковникъ князь Балатуконъ по болѣзни отчисленъ и возвращенъ въ Крымъ, а на его мѣсто назначенъ командиромъ полковникъ Ахметъ бей князь Хункаловъ. Въ то же время, съ открытіемъ войны съ Турціей, эскадронъ подъ командой ротмистра Біяреланова, въ составѣ лейбъ-гвардіи сводно-казачьяго полка, выступилъ изъ С.-Петербурга къ границѣ Турціи, перешелъ Дунай и, въ конвой гвардейскаго штаба, черезъ крѣпость Исакчи прошелъ берегомъ Чернаго моря къ крѣпости Кюстенджи-Мангалия, далѣе къ крѣпости Варна, участвовалъ при осадѣ и взятіи ея, за что вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи сводно-казачьимъ полкомъ заслужилъ серебряныя трубы, а нѣсколько нижнихъ чиновъ получили знаки отличія военнаго ордена. Съ окончаніемъ войны 7-го октября 1829 года эскадронъ, вмѣстѣ съ гвардейскимъ корпусомъ, вернулся въ С.-Петербургъ подъ командой командира эскадрона полковника князя Хункалова, принявшаго эскадронъ за Дунаемъ въ 1828 году.

Затѣмъ крымско-татарскій гвардейскій эскадронъ продолжалъ свою мирную службу въ С.-Петербургѣ, отправляя все

¹⁾ Общ. узак. 20-го іюля 1827 года, ст. 1258.

²⁾ Списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ лейбъ-гвардіи крымско-татарскаго эскадрона первой отправкѣ въ С.-Петербургъ, составленный 5-го апрѣля 1827 года:

Подполковникъ Адиль бей Балатуконъ, ротмистръ Максютъ бей Біярелановъ; поручики: Муратъ мурза Аргинскій, Адиль бей Дедакскій, Пельямъ мурза Кучукъ бей; корнетъ: Мамутъ бей Хункаловъ и Кемаль мурза Ногаевъ; имамъ и хатинъ Али эфенди изъ г. Керчи.

обязанности службы паравиѣ съ гвардейскими частями Донского, Черноморскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ, не оставая отъ нихъ ни въ чемъ, до 1864 года.

Съ началомъ восточной войны въ 1853 году съ Англїей, Франціей и Турціей, эскадронъ, находившійся въ Петербургѣ подъ командой полковника Батыръ Челеби Муфтїйзаде, былъ выдвинутъ въ крѣпость Кронштадтъ и все время былъ занятъ охраной береговъ Балтійскаго моря. Льготная-же часть эскадрона, подъ командой ротмистра Омеръ бей Балатукова, находилась въ Севастополѣ, принимала участіе въ защитѣ его и участвовала въ дѣйствїяхъ на Черной рѣчкѣ въ отрядѣ генераль-лейтенанта Рыжова, а 25-го сентября 1854 года развѣздъ этого полуэскадрона снялъ на Мекензїевой горѣ пикетъ англїйскихъ гвардейскихъ драгунъ, захвативъ въ плѣнъ одного офицера и пять нижнихъ чиновъ ¹⁾, за что изъ рукъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова получили знаки отличія военнаго ордена унтеръ-офицеръ Свѣтла Баловъ и рядовые Селимъ Абульхайровъ и Молладжанъ Аметовъ.

Въ теченіе всего времени съ 1827 по 1864 годъ гвардейскимъ крымско-татарскимъ эскадрономъ командовали слѣдующія достойныя памяти лица: полковники: Адиль бей князь Балатуковъ—командовалъ 1 годъ; Ахметъ бей князь Хункаловъ съ 1828 по 1831 годъ, когда былъ произведенъ въ генераль-маіоры; Максютъ бей Бірелановъ съ 1831 по 1836 годъ; Махмутъ бей князь Хункаловъ съ 1835 по 1838 годъ; ротмистръ Улавъ—изъ литовскихъ татаръ, съ 1838 по 1840 годъ; полковники: Сепдъ Гирей мурза Тевкелевъ, изъ оренбургскихъ татаръ, съ 1840 по 1850 годъ; Батыръ Челеби Муфтїйзаде съ 1850 по 1862 годъ (въ 1863 году произведенъ въ генераль-маіоры); Омеръ бей Балатуковъ съ 1862 по 1864 годъ.

Въ виду значительнаго выселенія татаръ изъ Крыма въ 1860—1861 годахъ и тяжести содержанія и комплектованія эскадрона изъ остающагося небольшого числа татаръ, Высочайшею милостію повелѣно было въ 1863 году съ 1-го мая 1864 года лейбъ-гвардіи крымско-татарскїей эскадронъ изъ состава гвардейскаго корпуса исключить, выбравъ изъ него 3-хъ офицеровъ и 21 нижнихъ чиновъ, съ причисленіемъ ихъ въ Собственный Его Величества конвой, съ именованіемъ: „команда лейбъ-гвардіи крымскихъ татаръ Собственнаго Его Величества конвоя“. Эта команда была раздѣлена на 3 смѣны; одна слу-

¹⁾ См. Мат. для ист. Крымской войны Дубровина, 3 ч., стр. 221.

1532

жила въ Петербургѣ въ составѣ лейбъ-гвардіи Кавказскаго казачьяго эскадрона, вмѣстѣ съ кубанцами и терцами, а двѣ смѣны, т.-е. 2 офицера и 14 человекъ нижнихъ чиновъ, находились на льготѣ въ Крыму,—по очереди смѣняясь черезъ каждые три года. По выслугѣ 12-ти-лѣтняго срока службы людьми бывшаго крымско-татарскаго эскадрона, команда эта комплектовалась до 1880 года изъ охотниковъ крымскихъ татаръ по выбору офицера смѣны. Съ 1880 же года въ конвой Его Величества поступали люди изъ крымскаго дивизіона по выбору командира дивизіона и офицера смѣны. Форма одежды команды была почти та же, что въ бывшемъ лейбъ-гвардіи крымско-татарскомъ эскадронѣ; только мундиры были длиннѣе, рукава шире, и на груди по пяти газырей; вмѣсто киверовъ—татарскія шапки изъ черной смушки; вооруженіе составляли: кавказское ружье, шашка, кинжалъ и пистолеть¹⁾.

Во время послѣдней войны съ Турціей въ 1877—1878 г.г. двѣ льготныя команды лейбъ-гвардіи крымскихъ татаръ Собственнаго Его Величества конвой вмѣстѣ со льготными эскадронами находились въ дѣйствующей арміи за Дунаемъ, при главной квартирѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го, участвовали при взятіи Горняго Дубняка, Ловчи и Шлевны. Изъ 14 человекъ нижнихъ чиновъ 5 удостоились получить знаки отличія военнаго ордена, а поручикъ Бектемиръ мурза Абдурраманчиковъ и корнетъ Али бей Балатуковъ за военныя отличія были произведены въ слѣдующіе чины, награждены орденомъ св. Анны 4-ой степени съ надписью „за храбрость“, а также удостоились Высочайшаго подарка изъ рукъ Его Величества—мемной шапки кавказскаго образца въ серебряной оправѣ.

16-го октября 1878 года семнадцатипятичленный сборъ съ татаръ Крыма на содержаніе команды лейбъ-гвардіи крымско-татарскаго Собственнаго Его Величества конвой былъ государственнымъ совѣтомъ отмѣненъ, а остатокъ съ капитала, болѣе 400 тысячъ, переданъ въ смѣту военнаго министерства сверхъ нормальнаго его бюджета.

Въ 1890 году, 16-го мая, команда лейбъ-гвардіи крымскихъ татаръ, состоявшая при Кавказскомъ казачьемъ эскадронѣ

¹⁾ Въ настоящее время изъ офицеровъ б. крымско-татарскаго гвардейскаго эскадрона находятся въ живыхъ только двое: Пазанлы мурза Муфтіизаде (полковникъ въ отставкѣ) и Асланъ ага Абдурраманчиковъ (коллежскій совѣтникъ, живетъ въ своемъ имѣніи въ Каралезѣ) и нѣсколько нижнихъ чиновъ.

Собственнаго Его Величества конвоя, исключена, и безупречная 64-хъ-лѣтняя служба крымцевъ въ гвардіи окончилась ¹⁾.

Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности въ 1874 году, крымскіе татары удостоились милостиваго вниманія Августѣйшаго Монарха въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го и были отличены по отбытію воинской повинности тѣмъ, что новобранцы ихъ получили возможность поступать во вновь сформированный исключительно для нихъ эскадронъ, для котораго были измѣнены нѣкоторыя положенія и правила строевого образованія и порядка внутренней службы, примѣнительно къ національнымъ особенностямъ и характеру крымскихъ татаръ. *Крымскій эскадронъ* былъ расположенъ подъ Бахчисараемъ, гдѣ для него были приспособлены старыя казармы инженернаго вѣдомства. По штату эскадронъ состоялъ изъ 2-хъ штабъ-офицеровъ, 10-ти оберъ-офицеровъ, 38-ми унтеръ-офицеровъ, 6-ти трубачей и 175-ти рядовыхъ (изъ татаръ-новобранцевъ). Всѣ унтеръ-офицеры и трубачи до 1895 года были исключительно изъ русскихъ, кадровые, назначаемые изъ разныхъ кавалерійскихъ полковъ. Утвержденная форма эскадрона: короткій мундиръ покроя бешмета чернаго сукна и шаровары синяго сукна; воротникъ и бортъ мундира обшиты краснымъ басономъ, у офицеровъ галупомъ; черная смушковая татарская шапка съ красной суконной выпушкой. Вооружены эскадронцы казачьей шапкой и винтовкой драгунскаго образца съ таковымъ-же конскимъ приборомъ. Лошади были приведены съ Кавказа, кабардинской породы, лучшихъ заводовъ, и всѣ вороной масти; были онѣ закуплены назначеннымъ командиромъ эскадрона полковникомъ Полторацкимъ.

Первый командиръ эскадрона Владиміръ Алексѣевичъ Полторацкій былъ человѣкъ высокообразованный, развитой и въ высшей степени гуманнѣйшій, чрезвычайно гостепріимнѣйшій и большой хлѣбосоль. Душой это былъ истый кавалеристъ. Онъ съ особенной любовью принялся за сформированіе эскадрона, подобравъ изъ разныхъ кавалерійскихъ полковъ достойнѣй-

¹⁾ Списокъ офицеровъ изъ крымскихъ татаръ, имѣвшихъ счастье служить въ Собственномъ Его Величества конвоя съ 1-го мая 1864 года по 16-е мая 1890 года:

Измаиль мурза Муфтѣйзаде (полковникъ въ отставкѣ), Селяметъ бей Булгаковъ (умеръ въ отставкѣ полковникомъ), Темирша мурза Булгаковъ (умеръ ротмистромъ), Кемаль мурза Джамбайскій (умеръ въ отставкѣ майоромъ), Вектемиръ мурза Абдураманчиковъ (состоялъ по роду оружія майоромъ), Али бей Балатуковъ (ротмистръ въ отставкѣ), Максютъ бей Балатуковъ (въ запасѣ ротмистръ), Николай Георгіевичъ князь Тумановъ (изъ грузинскихъ князей, генераль-майоръ, состоитъ при Главной квартирѣ).

шихъ офицеровъ, и всѣ вмѣстѣ они усилренно занялись обученіемъ крымцевъ. Въ числѣ офицеровъ были два крымца: поручикъ Темиръ мурза Нагаевъ, произведенный изъ юнкеровъ, и корнетъ Османъ Бѣляловъ изъ унтеръ-офицеровъ бывшаго лейбъ-гвардіи крымско-татарскаго эскадрона. Черезъ 3—4 мѣсяца новобранцы были неузнаваемы, и видѣвшіе ихъ на инспекторскомъ смотрѣ начальника штаба 8-го корпуса ген.-лейт. А. В. Рихтера были поражены выправкой, стройностью и выполненіемъ всѣхъ заѣздовъ на полномъ ходу, молодецкой джигитовкой и въ особенности отвѣтами людей, взятыхъ четыре мѣсяца тому назадъ отъ сохи и въ большинствѣ совершенно незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ. Во время церемоніальнаго марша игралъ хоръ трубачей, составленный на половину изъ татаръ.

Въ 1875 году изъ новыхъ новобранцевъ былъ сформированъ 2-й эскадронъ, расположенный въ Симферополѣ. Дивизионеромъ былъ Владиміръ Алексѣевичъ, а его помощникомъ подполковникъ баронъ фонъ-Герцдорфъ, 1-мъ эскадрономъ командовалъ ротмистръ Амилохваровъ, а 2-мъ—ротмистръ Рихтеръ, адъютантомъ былъ поручикъ Вертели. Срокъ службы людямъ до 1893 года былъ 2-хъ лѣтній, а съ 1893 года положенъ 4-хъ лѣтній.

Во время послѣдней войны съ Турціей 1877—1878 г.г. дивизионъ находился въ Севастополѣ, занимая аванпосты и дѣлая разѣзды по берегу Чернаго моря.

Изъ поступавшихъ въ послѣдующіе годы сверхъ штатнаго числа новобранцевъ образовалась пѣшая команда, которая въ послѣдствіи достигла до штата эскадрона, каковымъ командовалъ ротмистръ Темиръ мурза Нагаевъ съ 1879 года до 1882 года: въ этомъ же году пѣшій эскадронъ переименованъ въ крымскую стрѣлковую роту, по утвержденному штату, въ которой состояло 4 оберъ-офицера, 26 унтеръ-офицеровъ, 22 ефрейтора, 195 рядовыхъ и 2 горниста. Этой ротой до 1892 года командовалъ капитанъ Мирецъ, а затѣмъ послѣдній годъ капитанъ Тимофѣевъ. По стрѣльбѣ крымскіе татары скоро оказались лучшими стрѣлками во всемъ округѣ; они на всѣхъ смотрахъ всегда выбивали выше отличнаго. Генераль Потбекъ, инспекторъ стрѣлковой части, расхваливая ихъ, сравнивалъ ихъ съ Альпійскими стрѣлками, и мнѣніе, высказанное еще въ 1873 году военнымъ министромъ графомъ Милютинымъ, что „изъ татаръ Крыма будутъ лучшіе стрѣлки“, вполне оправдалось. Съ 1-го января 1893 года крымская

стрѣлковая рота была уничтожена, и изъ принимаемыхъ новобранцевъ изъ татаръ Крима, ежегодно отъ 500 до 550 человекъ, за выдѣленіемъ на пополненіе крымскаго дивизіона 90 человекъ, остальные распределяются по полкамъ 14 и 34-й пѣхотныхъ и 7-й и 8-й кавалерійскихъ дивизій.

Съ 1895 года въ Крымскомъ дивизіонѣ начали производить изъ татаръ въ унтеръ-офицеры, и присылка кадровыхъ уменьшилась на половину. Въ настоящее время въ дивизіонѣ по штату состоитъ: 1 штабъ-офицеръ, 17 оберъ-офицеровъ (въ числѣ ихъ одинъ изъ мурзъ Крима), 60 унтеръ-офицеровъ (изъ нихъ 23 изъ татаръ Крима), 55 нестроевыхъ (въ большинствѣ изъ евреевъ) и хоръ музыкантовъ въ 30 человекъ, на половину изъ татаръ. Жалованья получаютъ въ годъ: старшій унтеръ-офицеръ 18 руб., младшій 4 руб. 80 коп., ефрейторъ 4 руб. 5 коп., рядовой 3 руб. 45 коп., офицеры же по армейскому кавалерійскому окладу. При дивизіонѣ имѣется мулла съ жалованьемъ въ годъ по 394 рубля. Дивизіонъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ начальника штаба 7-го корпуса.

6-го мая 1897 года Всемилостивѣйше пожалованъ Крымскому дивизіону штандартъ. Узнавъ объ этомъ, все мусульманское населеніе Крима было несказанно обрадовано таковой милостью и новымъ вниманіемъ нынѣ благополучно царствующаго Августѣйшаго Монарха ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Во время пріѣзда 10-го октября 1894 года въ Россію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, тогда еще Высokonареченной невѣсты ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Герцогини Гессенской, изъ всей русской кавалеріи на долю Крымскаго дивизіона выпала первая честь встрѣтить ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО въ г. Симферополѣ у станціи желѣзной дороги, откуда всѣ офицеры дивизіона, во главѣ со своимъ командиромъ полковникомъ Баумгартеномъ, конвоировали Высокую Путешественницу до станціи Мамуть-Султанъ, гдѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО удостоила всѣхъ офицеровъ милостивымъ своимъ вниманіемъ и благодарностію.

Съ 1886 года, во время Высочайшаго пріѣзда въ Крымъ, одинъ эскадронъ по-очередно командировается въ Ливадію для почетной службы въ охранѣ. И въ прошломъ 1898 году 2-й эскадронъ, подъ командой своего командира ротмистра Лихачева, съ офицерами два раза, 8-го и 17-го октября, удостоил

ся счастья конвоировать ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА въ г. Севастополь и обратно въ Ливадію, гдѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ лично благодарилъ г.г. офицеровъ и людей, а на другой день 18-го октября изволилъ спросить у ротмистра Лихачева о здоровьи г.г. офицеровъ, нижнихъ чиновъ и лошадей; на отвѣтъ ротмистра, что все здоровы и все въ порядкѣ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО милостиво сказалъ: „*значитъ все исполнъ молодцами*“.

Въ теченіе 25-ти лѣтняго существованія дивизіона имѣли честь служить въ рядахъ его изъ мурзъ Крыма и вообще изъ магометанъ: ротмистры: Темиръ мурза Нагаевъ (умеръ въ отставкѣ подполковникомъ), Али Уланъ (изъ литовскихъ татаръ); штабъ-ротмистръ Османъ Бѣляловъ (умеръ на службѣ); корнеты: Адиль бей Балатуковъ (перевелся въ копвой Его Величества), Арсланъ Али Султановъ (сынъ Оренбургскаго муфтія); Селяметъ мурза Киччакскій (состоитъ на лицо); гвардіи штабъ-ротмистръ Измаиль Муфтіязадѣ (былъ прикомандированъ во время льготы 1875 г.); эстандартъ-юнкера: Меметъ мурза Муфти-заде (изъ крымской стрѣлковой роты произведенъ въ 14-й стрѣлковый полкъ подпоручикомъ); Алимъ Гирей Султанъ Крымъ Гирей (за неимѣніемъ вакансіи въ дивизіонѣ произведенъ въ корнеты въ 23-й драгунскій полкъ); Османъ бей Бірслановъ (за неимѣніемъ вакансіи произведенъ въ корнеты въ 22-й драгунскій полкъ); Смаиль мурза Карашайскій (не имѣя никакой надежды на вакансію, вышелъ въ запасъ съ производствомъ въ корнеты); Омеръ мурза Булгаковъ (на лицо при дивизіонѣ).

Въ настоящее время дивизіономъ командуетъ полковникъ Василій Трофимовичъ Карташевъ; 1-мъ эскадрономъ ротмистръ О. А. Кокораки; 2-мъ эскадрономъ ротмистръ Н. А. Лихачевъ; завѣдующій хозяйствомъ ротмистръ Н. Л. Поляковъ; квартирмейстеръ и казначей поручикъ П. М. Ставраки; адъютантъ штабъ-ротмистръ С. Л. Николаевъ.

Въ теченіе четверти вѣка дивизіономъ командовали слѣдующія лица: полковникъ В. А. Полторацкій (съ 1874 по 1878 годъ, умеръ генераль-майоромъ); А. Д. Волковскій (съ 1878 по 1880 годъ, умеръ); графъ А. Д. Милотинъ съ 1880 по 1886 годъ, нынѣ Курскій губернаторъ); Ф. Н. Бабарыкинъ съ 1886 по 1888 годъ, нынѣ генераль-майоръ); Е. Е. фонъ-Трапзе съ 1888 по 1894 г., ком. Кырасирскимъ полкомъ); Л. Ф. Баумгартенъ съ 1894 по 1896 годъ (командиръ 41-го драг. полка);

С. И. Пуцинъ съ 1896 по 1897 годъ (командиръ 53-го драг. полка); В. Т. Карталевъ съ 1897 года.

Графъ Алексѣй Дмитриевичъ Милютинъ дольше всѣхъ командовалъ дивизиономъ и, съ перваго дня своего прїѣзда въ Крымъ, своей общительностью завоевалъ расположеніе всего общества и мурзь Крыма, подчиненные же его боготворили. Таврическая губернія также ему много обязана улучшеніемъ породы лошадей, такъ какъ по его инициативѣ и ходатайству образовалось въ Симферополѣ скаковое общество, открылось отдѣленіе государственнаго коннозаводства, и всѣ владѣльцы теперь пользуются хорошими производителями. При оставленіи имъ дивизиона и выѣздѣ его изъ Крыма, многіе разставались съ нимъ съ глубокимъ сожалѣніемъ. Прощальный обѣдъ, данный ему мусульманами Крыма 13-го марта 1886 года, выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ; въ немъ участвовало не только одно высшее общество и мурзы, но и представители разныхъ сословій со всѣхъ уѣздовъ Крыма.

Таковымъ же расположеніемъ населенія Крыма и дивизиона пользовался Егоръ Егоровичъ фонъ-Транзе, а затѣмъ, несмотря на короткій срокъ своего пребыванія среди крымцевъ, оставилъ самое пріятное воспоминаніе о себѣ и Сергѣй Ивановичъ Пуцинъ.

Для полнаго выполненія своей задачи, я долженъ указать, что въ настоящее время многіе изъ татаръ Крыма служатъ нижними чинами въ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полкахъ, расположенныхъ на югѣ Россіи,—изъ мурзь-же подпоручики: Иса мурза Тайганскій и Османъ Османовъ въ 51-мъ Литовскомъ полку и Ильясъ мурза Даирскій въ Крымскомъ пѣхотномъ полку.

И такъ, съ 1783 года по настоящее время много татаръ и мурзь крымскихъ служили въ русской арміи достойными представителями татарскаго населенія Крыма, за службу свою получали награды, многіе же, благодаря службѣ, получили кромѣ того и развитіе. Много видали они того, что едва-ли удастся видѣть ихъ потомству. Правду говоритъ татарская пословица: „что не достанется на долю лошади и джигита?“.

Примѣчаніе.

Изъ документовъ и родословныхъ, хранящихся въ архивѣ Таврическаго дворянскаго депутатскаго собранія, видно, что большинство родоначальниковъ выдающихся фамилій крымскихъ татаръ со своими народами пришли въ Крымъ въ разное время, начиная съ 1224 года, изъ приволжскихъ степей, кромѣ нѣкоторыхъ. А именно:

а) Родоначальникъ фамиліи Булгаковыхъ Абдульлативъ ага прибылъ со своимъ отцомъ Темиръ агой изъ Турціи и закупилъ массу земель въ разныхъ частяхъ Крыма, между прочимъ и дер. Булгакъ Евпаторійскаго уѣзда, которая была избрана мѣстомъ постояннаго ихъ жительства. Абдульлативъ ага, по принятіи присяги на русское подданство, въ 1783 году умеръ, а Меметпа бей, его сынъ, женился на дочери князя Кантакузина и переѣхалъ въ Коккозъ, принявъ фамилію по родовому имѣнію.

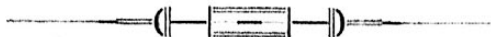
б) Фамилія Балатуковыхъ, родоначальникъ которой Аджи Бекиръ бей Болатинъ оглу изъ владѣтельныхъ князей большой Кабарды прибылъ изъ Кавказа при Калпанъ Гирей Ханѣ въ 1709 году.

в) Почти въ одно время съ нимъ прибылъ оттуда же и изъ тѣхъ же князей Хункаль бей, родоначальникъ фамиліи Хункаловыхъ.

г) Въ числѣ прибывшихъ съ ними былъ Узденъ Черикъ бей изъ Кумыкскихъ князей, и его потомство по мужской линіи приняло фамилію Уздемниковыхъ, а по женской—Чериковыхъ, впоследствии передѣланное въ Чергѣевыхъ.

д) Фамилія Крымтаевыхъ, родоначальникъ коихъ Куртъ мурза Ойратъ бей изъ рода Тамагулы Трымтай, прибылъ въ Крымъ изъ Туркменіи при присоединеніи Крыма къ Россіи. Потомокъ его Батыръ ага (сынъ Али аги, бывшаго берегового начальника) подписывался Тамагуль Крымтайскій; онъ умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника въ 1809 году.

И. М.

А. С. ПУШКИНЪ и КРЫМЪ.

Пребываніе Пушкина въ Тавридѣ, хотя и кратковременное, однако оставившее такой яркій слѣдъ въ его творчествѣ и имѣвшее большое значеніе въ духовно-нравственномъ развитіи поэта, представляетъ весьма важный моментъ и въ жизни самой Тавриды, навсегда связавшей имя Пушкина съ этимъ краемъ. Припомнить обстоятельства пребыванія Пушкина въ Крыму и выяснить вліяніе этого пребыванія на жизнь и творчество поэта—такова цѣль настоящей статьи.

Всѣмъ извѣстны причины переселенія Пушкина на югъ Россіи, всѣмъ извѣстно, что эта т.-наз. ссылка была счастьемъ какъ для самого поэта, такъ и для нашей литературы. Пушкинъ самъ это сознавалъ,—и вотъ въ какихъ словахъ выразилъ свое душевное состояніе въ послѣднее время передъ выѣздомъ изъ Петербурга и значеніе переѣзда своего на югъ—въ эпилогѣ къ „Руслану и Людмилѣ“, написанномъ 2-го іюня 1820 года, на Кавказѣ.

Я погибалъ.... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!

Еще мѣсяца за два до ссылки, въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому (мартъ—апрѣль 1820 г.), поэтъ писалъ: „Петербургъ душенъ для поэта. Я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу“¹⁾. Желаніе поэта исполнилось; онъ переѣхалъ на югъ, хотя и не въ чужіе края и поневолѣ. Поощаженный Императоромъ Александромъ

¹⁾ Соч. Пушкина, изд. Литер. фонда, т. VII, 8.

Павловичемъ отъ грозной кары за свое легкомысліе, Пушкинъ, служившій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто ссылки въ Сибирь или Соловки былъ переведенъ по службѣ въ Екатеринославъ, въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края генерала Ивана Никитича Инзова,—и выѣхалъ изъ Петербурга 5-го мая 1820 года.

Первымъ пунктомъ его пребыванія на югѣ Россіи предполагался, повидимому, Крымъ. Это видно изъ письма исторіографа къ князю Вяземскому отъ 17-го мая 1820 года: „А. Пушкинъ былъ нѣсколько дней совѣмъ не въ пштитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на своду и нѣкоторыхъ эпитаграммъ. Далъ мнѣ слово унятьея и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять; ему дали рублей тысячу на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ“.

16-го или 17-го мая 1820 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ, но вскорѣ, какъ извѣстно, заболѣлъ лихорадкой и былъ отпущенъ своимъ гуманнымъ начальникомъ на Кавказъ съ генераломъ Н. Н. Раевскимъ, который ѣхалъ съ сыномъ Николаемъ, знакомымъ съ Пушкинымъ еще со времени пребыванія поэта въ лицей, двумя младшими дочерьми—Марьей Николаевной 14-ти лѣтъ и Софьей Николаевной 7 лѣтъ и докторомъ Рудыковскимъ лѣчить свои раны въ Пятигорскѣ, гдѣ ожидалъ ихъ старшій сынъ генерала Александръ, отставной полковникъ гвардіи. Инзовъ участливо отнесся къ Пушкину и не затруднился отпустить его на Кавказъ, прежде всего благодаря рекомендательному письму къ нему гр. Канодистріи, утвержденному государевою подписью „быть по сему“. Въ этомъ письмѣ, которое привезъ самъ Пушкинъ, говорилось: „письмо это, генераль, имѣетъ цѣлю просить васъ принять этого молодого человѣка подъ ваше покровительство и просить вашего благосклоннаго попеченія.—Итъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ несчастный человѣкъ, какъ нѣтъ и того совершенства, котораго не могъ бы онъ достигнуть высокимъ превосходствомъ своихъ дарованій... Его покровители полагаютъ, что его раскаянне искренно и что, удаливъ его на короткое время изъ Петербурга, доставивъ ему занятіе и окруживъ его добрыми примѣрами, можно сдѣлать изъ него прекраснаго слугу государству, или, по крайней мѣрѣ, писателя первой величины“.

Благопріятное впечатлѣніе произвелъ на Инзова и самъ поэтъ. Это видно изъ письма Инзова къ Конст. Яковл. Бул-

гакову: „Доставленные отъ васъ тысячу рублей для г. Пушкина я получилъ, которые къ нему отправлю на кавказскія воды. Разстроенное его здоровье въ столь молодыя лѣта и неприятное положеніе, въ коемъ онъ по молодости находится, требовали съ одной стороны помощи, а съ другой безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ, который въ проѣздъ свой туда чрезъ Екатеринославль взялъ его съ собою. При оказіи прошу сказать объ ономъ графу Ив. Ант. Каподистріи. Я надѣюсь, что за сіе меня не побранить и не назоветъ баловствомъ; онъ малый право добрый, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупой“. Извѣстно, что Инзовъ относился съ участіемъ къ Пушкину и впоследствии, въ Кишиневѣ, и что поэтъ платилъ ему всегда искреннимъ уваженіемъ и привязанностію.

Какъ часто въ жизни человѣка одна бѣда гонитъ за собою другую, такъ часто и одинъ счастливый случай влечетъ за собою другой. Въ жизни Пушкина, послѣ того какъ онъ попалъ на югъ, мы видимъ рядъ счастливыхъ обстоятельствъ: благородное вниманіе къ нему Инзова, теплое участіе въ немъ ген. Раевского и его семьи и полученную возможность провести въ этой семьѣ нѣсколько мѣсяцевъ на Кавказѣ и въ Крыму.

Съ переѣздомъ на югъ сразу измѣнилась какъ внѣшняя жизнь поэта, такъ и внутреннее, духовное его бытіе. Онъ попалъ въ другую сферу жизни, которая вполне удовлетворяла его, показавъ ему всю громадную разницу между пустой и бурной жизнью его среди петербургской молодежи и истиннымъ наслажденіемъ прекрасной природой и обществомъ лучшихъ людей своего времени.

Кавказъ произвелъ на Пушкина сильное впечатлѣніе, что онъ выразилъ въ письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу уже изъ Кишинева (отъ 20-го сент. 1820 г.), а еще лучше въ томъ же эпилогѣ къ поэмѣ „Русланъ и Людмила“:

Забытый свѣтомъ и молвою,
 Далече отъ береговъ Невы,
 Теперь я вижу предъ собою
 Кавказа гордыя главы.
 Надъ ихъ вершинами крутыми,
 На скатѣ каменныхъ стремнищъ,
 Питаюсь чувствами нѣмыми
 И чудной прелестью картинъ
 Природы дикой и угрюмой.

Эти впечатлѣнія, новыя, сильныя и быстро смѣняющіяся, по естественному психическому закону, не успѣвали превращаться въ поэтическіе образы, въ которые вылились уже впоследствии,—а поэтъ приписывалъ это упадку своего поэтического таланта—и съ сожалѣніемъ продолжаетъ:

Душа, какъ прежде, каждый часъ
 Полна томительною думой—
 Но огонь поэзіи погасъ.
 Ищу напрасно впечатлѣній!
 Она прошла, пора стиховъ,
 Пора любви, веселыхъ сновъ,
 Пора сердечныхъ вдохновеній!
 Восторговъ краткій день протекъ—
 И скрылась отъ меня на вѣкъ
 Богиня тихихъ нѣсногѣній....

Еще лучше эта грусть поэта о мнимомъ упадкѣ творчества и жажда вдохновенія выражены въ его стихотвореніи, написанномъ нѣсколько позже въ Гурзуфѣ ¹⁾).

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
 Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной;
 Мнѣ васъ не жаль, о тайства ночей,
 Воспѣтыя цѣвницей сладострасной;
 Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
 Вѣнки пировъ и чаши круговыя,
 Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя,—
 Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.
 Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
 Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
 Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?
 Придите вновь, года моей весны!

На Кавказѣ Пушкинъ скоро оправился отъ болѣзни, близко познакомился тамъ съ поэзіей Байрона и, благодаря сыновьямъ генерала Раевского, особенно старшему—Александру, сталъ серьезно изучать англійскій языкъ. Поддавшись невольно вліянію знаменитаго англійскаго поэта, подъ впечатлѣніемъ „Чайльдъ Гарольда“, Пушкинъ началъ уже на Кавказѣ своего „Кавказскаго Пѣнника“.

Проживъ на минеральныхъ водахъ около двухъ мѣсяцевъ, въ первыхъ числахъ августа Раевскіе, кромѣ Александра Ни-

¹⁾ Это стихотвореніе въ первый разъ напечатано въ 1887 году, въ изданіи сочиненій Пушкина Литературнаго фонда, но съ неточной, кажется, датой: 20-го октября. Не 20-го ли сентября?

колаевича, оставшагося на Кавказѣ, а съ ними и Пушкинъ отправились черезъ землю черноморскихъ казаковъ и Тамань въ Крымъ, именно въ Гурзуфъ. Для переѣзда въ Гурзуфъ изъ Керчи генералу Раевскому былъ предоставленъ военный бригъ.

Гурзуфъ принадлежалъ тогда Одескому генераль-губернатору герцогу Ришелье, и здѣсь была его дача, которую дюкъ предложилъ на лѣтнее пребываніе своему товарищу по военной службѣ генералу Раевскому. Въ Гурзуфѣ ожидала генерала Раевского супруга его Софья Алексѣевна, внучка Ломоносова, урожденная Константинова, и двѣ старшія дочери—Екатерина Николаевна и Елена Николаевна.

Свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Крыму заключаются, главнымъ образомъ, въ двухъ его письмахъ—къ брату изъ Кишинева отъ 24-го сентября 1820 года и барону Дельвигу, написанномъ позднѣе, въ 1824 году, въ с. Михайловскомъ, по прочтеніи „Путешествія по Тавридѣ“ И. М. Муравьева-Апостола. По этимъ письмамъ, въ которыхъ живо и откровенно говоритъ поэтъ о своихъ крымскихъ впечатлѣніяхъ, прослѣдимъ пребываніе его въ Тавридѣ.

„Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго княжества, пишетъ поэтъ брату, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я, —на ближайшей горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груды камней, утесовъ грубо высѣченныхъ, замѣтилъ я нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на *Золотомъ холмѣ*. Ряды камней, ровъ, почти сравнявшійся съ землею,—вотъ все, что осталось отъ города *Пантикапеи*. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоценнаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то французъ присланъ изъ Петербурга для розыскацій—но ему не достаетъ ни денегъ ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится“¹⁾. Спустя четыре года, въ письмѣ къ Дельвигу, Пушкинъ такъ говоритъ о посѣщеніи своемъ Керчи и осмотрѣ ея древностей: „Путешествіе по Тавридѣ“ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и поч-

¹⁾ Это былъ Павелъ Дю-Брюксъ, изслѣдователь топографіи Босфора Кеммерійскаго. Въ 1809 году онъ былъ начальникомъ Керченской таможни; затѣмъ въ 1817 году начальникомъ Керченскихъ озеръ. Біографія его, составленная Гетбу-де-Мариньи, въ Запискахъ Импер. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей, т. II.

ти въ то же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ. Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія самого автора. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній—посуди самъ. Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу (изъ Тамани въ Керчь) на кораблѣ. И тотчасъ отправился на такъ-названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикалеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старыя кирпичи—и только“¹⁾.

Не сильны были у Пушкина, какъ видно изъ этихъ словъ, первыя впечатлѣнія Крыма, но здѣсь наше вниманіе останавливаетъ не слабость впечатлѣній, вызванныхъ у поэта тогдашнею Керчью. Пушкинъ находился подъ обаяніемъ грандіозной природы Кавказа, въ его воображеніи живы были

Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ

Великолѣпныя картины!

Престолы вѣчные слѣговъ...

Эльбрусъ огромный, величавый,—

и окрестности Керчи не могли поразить его. Въ словахъ поэта важны для насъ его историческія познанія, серьезный интересъ, вызванный въ немъ посѣщеніемъ этой мѣстности, и сожалѣніе о недостаткѣ научнаго и систематическаго изслѣдованія памятниковъ ея древности.

Подобно Керчи, и Феодосія, въ которой остановились Раевскіе на пути въ Гурзуфъ, не произвела сильнаго впечатлѣнія на Пушкина. Онъ пишетъ брату: „Изъ Керчи пріѣхали мы въ *Кефу*, остановились у Броневскаго, человека почтеннаго

¹⁾ Подобныя впечатлѣнія произвели древности Керчи и на Муравьева-Апостола (бывшаго тамъ въ октябрѣ мѣсяцѣ того-же 1820 года). Онъ говоритъ: „Окружности Керчи напоминаютъ мнѣ Ольвію; и здѣсь такъ же все изрыто Григоріи Назіанзинъ называлъ бы и насъ, какъ Каппадокіяны своихъ некрофонами, т. е. мертвоубійцами. Здѣсь однако же утѣшаетъ то по крайней мѣрѣ, что не всендѣ можетъ, взнивъ заступъ, идти копать могилы. Исключительное на это право принадлежитъ г-ну Дю-Брюксу; и то еще хорошо, что расканывають курганы съ осторожностію. Впрочемъ и здѣсь съ открытими основаніями поступаютъ точно такъ, какъ въ Ольвіи: ихъ отыскивають для употребленія на строенія, на бутъ; и такимъ образомъ конечно изгладятся и послѣдніе слѣды, по коимъ бы можно было основать какую-нибудь догадку о топографіи Пантикалеи, и прахомъ своимъ еще заслуживающаго вниманія археолога. Можетъ быть, и теперь еще не поздно было бы дѣлать изысканія, но если ожидать отъ нихъ успѣха, то надобно, чтобы они были методическія“ (Путешествіе по Тавридѣ, стр. 264—265). И далѣе: „говорю и повторяю, что надобно быть здѣсь настоящему археологу и нумизмату, который бы систематически занимался своимъ дѣломъ, зналъ бы, гдѣ онъ роется“ (Стр. 266—267).

по непорочной службѣ и по бѣдности. 1) Теперь онъ подѣ судомъ и, подобно старику *Виргилію*, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія объ *Крыму, странѣ важной и запущенной*“. И въ этихъ словахъ послѣдняя фраза свидѣтельствуемъ о серьезной настроенности поэта и высокомъ интересѣ, который возбуждала въ немъ Таврида. О самой *Θеодосіи*, о находящихся въ ней памятникахъ древности *Пушкинъ* не говоритъ ничего.

„Отсюда (т.-е. изъ *Θеодосіи*), продолжаетъ *Пушкинъ*, моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ *Юрзуфъ*, гдѣ находилось семейство *Раевского*. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее *Гречу*, безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду *Юрзуфа*“. Въ письмѣ же къ барону *Дельвигу* поэтъ сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности этого переѣзда: „Изъ *Θеодосіи* до самаго *Юрзуфа* ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ, луны не было, звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... „*Вотъ Чатырдагъ*“, сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ“.

Элегія, которую написалъ *Пушкинъ* на кораблѣ при переѣздѣ изъ *Θеодосіи* въ *Гурзуфъ*,—это его прекрасное стихотвореніе „*Погасло дневное свѣтило*“, названное сначала *Пушкинымъ* „*Черное море*“, а потомъ „*Подражаніе Байрону*“. Оно навѣяно прощальной пѣснью *Чайльдъ-Гарольда* (1 пѣснь, 13 строфа). Въ этомъ стихотвореніи поэтъ изображаетъ приближеніе къ „волшебнымъ краямъ полуденной страны“, съ которой будто-бы соединены у него упоительныя воспоминанія, къ которой онъ стремится всей душой, убѣжавъ изъ отеческихъ краевъ, гдѣ впервые разгорались его чувства, но гдѣ въ буряхъ рано отцвѣла его потерянная младость. По рассказамъ одной изъ спутницъ *Пушкина*, поэтъ по закатѣ солнца долго ходилъ въ задумчивости по палубѣ и что-то произносилъ про себя; потомъ, сбѣжавъ въ каюту, онъ написалъ свою элегію 2).

1) *Владиміръ Богдановичъ Броневскій* (1784—1835 года), военный писатель, мистикъ-мартинистъ, служилъ въ Черноморскомъ флотѣ, былъ *Θеодосійскимъ* градоначальникомъ, впоследствии былъ инспекторомъ Тульскаго дворянскаго Александровскаго училища, а затѣмъ инспекторомъ классовъ Пажескаго корпуса. Его „Обозрѣніе Южнаго берега Тавриды“. Тула 1815 года.

2) *Варталева* „*Пушкинъ въ Южной Россіи*“, стр. 29.

Неудивительно, что при такомъ душевномъ состояннн онъ былъ равнодушенъ къ внѣшнимъ впечатлѣннямъ. Почти черезъ 10-тъ лѣтъ, въ „Путешествнн въ Арзерумъ“ (гл. II) онъ припоминаетъ свое душевное состояннн во время плаваннн изъ Θεодоснн въ Гурзуфъ: „Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага“; а въ статьѣ по поводу „Ора-кннскихъ элегнн“ Теплякова, написанной въ 1826 году, онъ пишетъ: „Въ наше время молодому человѣку мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ со-участннмъ не сблизнть судьбы своей съ судьбою Чайльдъ Гарольда. Ежели, паче чаяннн, молодой человѣкъ еще и поэтъ и захочетъ выразнть свои чувствованнн, то какъ избѣжать ему подражаннн?“.

Рано утромъ корабль, на которомъ плылъ поэтъ, остано-вился въ виду Гурзуфа: „Проснувшись, пишетъ Пушкинъ брату, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы снннли; плоскнн кровлнн хнннн татарскннхъ издали казались ульямн, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя ко-лонны, стройно возвыщались между ннми; справа огромный Аюдагъ.... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое мо-ре, и блескъ, и воздухъ полуденный...“ Эти горячнн строки ясно говорятъ намъ, какое сильное впечатлѣннн произвелъ на Пушкина южный берегъ Крима, какъ онъ плѣннлъ его. Равнодушнн поэта исчезло.

Однн изъ живописѣннхъ уголковъ на нашемъ чуд-номъ южномъ побережьи, Гурзуфъ во время пребываннн въ немъ Пушкина, конечно, не имѣлъ той прелести, которою онъ славится теперь. Дивный гурзуфскнн паркъ былъ тогда еще очень молодъ, такъ какъ недавно еще былъ устроенъ. Домъ дюка Рншелье представлялъ неудачное сооруженнн и неудоб-ное жилище ¹⁾.

Въ Гурзуфѣ Пушкинъ прожнлъ три недѣли,—и вотъ

¹⁾ Вотъ что объ этомъ домѣ читаемъ мы у Муравьева-Апостола. „Проѣхавъ де-ревню Гурзуфъ, мы спустились отъ нея на ближайшнн къ морю уступъ и увидѣли передъ собою огромный замокъ, въ какомъ-то необыкновенномъ вкусѣ: это домъ Дюка Рншелье, которому и деревня принадлежнть.... Замокъ этотъ доказываетъ, что хозяину не должно строитъ заочно, а можетъ быть и то, что самыи отѣнно хороннн можетъ имѣть отѣнно дурной вкусъ въ архитектурѣ. Огромное зданнн состоитъ изъ крылецъ, переходовъ съ навѣсомъ вокругъ дома, а внутри изъ одной галлерей, занимающей все строенн, исключая четырехъ небольшихъ комнатъ, но двѣ въ каждомъ концѣ, въ которыхъ столько оконъ и дверей, что нѣтъ мѣста гдѣ кровать поставнть. Въ этомъ состоитъ все помѣщенн, кромѣ большого кабинета надъ галлереею подъ чер-дакомъ, въ который надобно съ трудомъ пролѣзть по узкой лѣстницѣ“, (Муравьевъ-Апостоль. „Путешествнн по Таврндѣ“, стр. 153—154). Надъ домомъ находнлся еще белъведеръ, съ котораго открывался прекрасный видъ на море. Домъ этотъ впоследствии былъ совершенно перестроенъ.

какъ рисуешь онъ намъ эту жизнь въ указанныхъ письмахъ: „Мой другъ, пишетъ онъ брату, счастливейшія минуты жизни моей провелъ я среди семейства почтеннаго Раевского. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска; я въ немъ любилъ человека съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣрка, памятникъ 12 года, человекъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжется къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его ¹⁾ будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери прелесть; старшая—женщина необыкновенная ²⁾. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я самъ люблю и которою никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского“... (Соч., VII, 8—11).

Въ этихъ задушевныхъ словахъ вполне выразилась благородная, любящая натура Пушкина, жаждавшая всегда искренней привязанности и дружбы. Дружеское отношеніе къ поэту всѣхъ членовъ семейства Раевского, бесѣды съ старикомъ-генераломъ, изученіе англійскаго языка, чтеніе Байрона—все это оставило неизгладимые слѣды въ душѣ Пушкина. Онъ часто велъ серьезные бесѣды съ Екатериной Николаевной о литературѣ. Вторая дочь Раевского, скромная, серьезная 16-ти-лѣтняя Елена Николаевна, хорошо знала англійскій языкъ, переводила Байрона и Вальтеръ Скотта на французскій языкъ, но втихомолку уничтожала свои переводы. Братъ однажды сказалъ объ этомъ Пушкину, который сталъ подбирать подъ окнами клочки изорванныхъ бумагъ и обнаружилъ тайну. Онъ восхищался этими переводами и увѣрялъ, что они чрезвычайно вѣрны.

Въ домѣ Ришелье въ Гурзуфѣ оказалась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія прежняго своего любимца—Вольтера и началъ ихъ перечитывать. Но Вольтеръ уже утратилъ свою власть надъ нимъ. Пушкинъ находился тогда вполне подъ вліяніемъ Байрона.

¹⁾ Александръ Николаевичъ. Его Пушкинъ изобразилъ въ своемъ стихотвореніи „Демонъ“.

²⁾ Екатерина Николаевна, вышедшая въ 1821 году замужъ за генерала М. Ѳ. Орлова, героя 1812 года.

Въ письмѣ къ Дельвиру поэтъ нашъ передаетъ слѣдующія подробности своей жизни въ Гурзуфѣ: „Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всеѣмъ равнодушіемъ и безпечною неаполитанскаго Iazza-гопі. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ: каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило въ памяти“. Нѣкоторыя черты пребыванія Пушкина въ Гурзуфѣ и отношенія къ нему семейства Раевского, а также поэтическое преданіе о другѣ Пушкина—кипарисѣ прелестно переданы Некрасовымъ въ его поэмѣ: „Русскія женщины. Книгиня М. Н. Волконская“¹⁾. Легенда о кипарисѣ впервые рассказана въ „Крымскихъ письмахъ“ Евгенія Туръ (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1854 года, письмо 5-ое) и повторена Бартевымъ въ его статьѣ: „Пушкинъ въ южной Россіи“ (Русскій Архивъ, 1866 года, стр. 1118).

За короткое время жизни въ Гурзуфѣ Пушкинъ создалъ только три или четыре небольшихъ стихотворенія, о которыхъ будетъ рѣчь ниже,—а теперь прослѣдимъ обстоятельства возвращенія поэта изъ Крыма.

Раевскіе и Пушкинъ прожили въ Гурзуфѣ до второй половины сентября. Срокъ отпуска кончался. Старикъ Раевскій долженъ былъ возвратиться на службу въ Кіевъ. вмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ онъ поѣхалъ впередъ, а остальное семейство генерала соединилось съ ними уже въ Бахчисараѣ. Объ этомъ путешествіи подробно говоритъ Пушкинъ въ письмѣ къ Дельвиру: „Я объѣхалъ, пишетъ поэтъ, полуденный берегъ, и „Путешествіе“ Муравьева оживило много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикинѣиза не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти“. И понятно: послѣ недавнихъ еще подъемовъ на Бенгу, Маншукъ, Желѣзную гору, Каменную и Змѣиную, подъемъ по т.-наз. Чертовой лѣстницѣ (шайтанъ-мердевень) у Кикинѣиза не могъ вызвать у Пушкина сильныхъ ощущеній. „По горной лѣстницѣ, пишетъ онъ, взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ та-

¹⁾ Третья дочь генерала Раевского—Марія Николаевна вышла замужъ за князя Сербіи Григ. Волконскаго, декабриста. Въ поэмѣ Некрасова передается, какъ, отправляясь въ Сибирь къ сосланному мужу, она встрѣтила въ Москвѣ у княгини Зинаиды Алекс. Волконской, Пушкина и приняла при этомъ жизнь его въ ихъ семьѣ въ Гурзуфѣ.

тарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы“. Но Пушкинъ не здѣсь простился съ морскимъ побережьемъ Крима. Проѣхавъ прелестную долину Скели и роскошную Байдарскую долину, онъ посѣтилъ нашъ живописный Георгіевскій монастырь,—и здѣсь уже простился съ южнымъ берегомъ Крима.

Посѣщеніе Георгіевскаго монастыря имѣло особенное значеніе для поэта. „Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница, пишетъ онъ Дельвигу, оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, мифологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня рѣшмы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?

И вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ.

Гдѣ крови жаждущимъ богамъ

Дымились жертвоприношенья:

Здѣсь уснокоена была

Вражда свирѣпой Эвмениды:

Здѣсь провозвѣстница Тавриды

На брата руку запесла!

На сихъ развалинахъ свершилось

Святое дружбы торжество,

И душъ великихъ божество

Своимъ созданьемъ возгордилось...

• • • • •
Чадаевъ, помнишь ли былое?

Давно-ль съ восторгомъ молодымъ

Я мыслилъ имя роковое

Предать развалинамъ инымъ!

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ.

Теперь и лѣнь, и тишина,

И, въ умиленьи вдохновенномъ.

На камень, дружбой освященномъ.

Пишу я наши имена!“

Это стихотвореніе, подписанное „съ морского берега Тавриды“, озаглавлено было Пушкинымъ: „Чадаеву“ и напеча-

тапо въ 1825 году. Оно интересно какъ по впечатлѣнію, произведенному на Пушкина мѣстомъ, гдѣ находился въ древности храмъ Скиѣской Артемиды и гдѣ, по древнегреческой легендѣ, жрицей была Ифигенія, едва не принесшая въ жертву богинѣ родного своего брата Ореста, когда онъ съ другомъ своимъ Пиладомъ пріѣхалъ въ Тавриду, чтобы похитить статую богини,—такъ и по указанію поэта на тотъ нравственный переворотъ, который произошелъ съ нимъ со времени выѣзда его изъ Петербурга.

Далѣе Пушкинъ сообщаетъ о своемъ посѣщеніи Бахчисарая: „Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. (Екатерина Николаевна Раевская) поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣвается, и на европейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище—

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было: ¹⁾

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ Муравьевъ, я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэмъ, а то бы непременно имъ воспользовался“.

Чтобы вполне понять эти строки, необходимо припомнить, что Бахчисарайскій дворецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія находился въ печальномъ состояніи и требовалъ капитальнаго ремонта. Въ 1818 году, по случаю пріѣзда Императора Александра Благословеннаго, значительная часть полуразрушеннаго гарема (70 ветхихъ комнатъ) была разобрана, и тогда же рѣшено было отремонтировать дворецъ, но къ этому приступлено было уже въ 1822 году. Ветхость дворца изображена Пушкинымъ и въ его „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“.

„Растолкуй мнѣ теперь,—оканчиваетъ Пушкинъ письмо свое къ другу,—почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣетъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленные съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе—самая сильная способность

¹⁾ Стихъ изъ „Бахчисарайскаго фонтана“.

души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?“ (Соч., VII, 100—102).

Изъ словъ поэта ясно, что равнодушіе, съ которымъ онъ отнесся къ Бахчисараю, какъ раньше къ Керчи и Феодосіи, не было глубокимъ, и мы увидимъ далѣе, какое сильное, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ на Пушкина Крымъ, какъ поэтъ полюбилъ его и какія трогательныя и возвышенныя воспоминанія вызывались въ немъ Крымомъ и передавались въ высокопоэтическихъ его созданіяхъ.

Изъ Бахчисарая Раевскіе и Пушкинъ пріѣхали въ Симферополь, отдохнули здѣсь, а затѣмъ, вдоль живописныхъ, богатыхъ зеленою береговъ Салгира, двинулись далѣе на сѣверъ. Пушкинъ проводилъ Раевскихъ въ ихъ село Каменку Кіевской губерніи, Чигиринскаго уѣзда, гдѣ жила мать генерала Раевского, урожденная графиня Самойлова, по второму мужу Давыдова, съ двумя своими сыновьями, Александромъ и Василиемъ Львовичами,—а затѣмъ посѣтилъ въ Кишиневъ, куда, съ назначеніемъ генерала Инзова начальникомъ Бессарабской области, былъ переведенъ изъ Екатеринослава попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края.

Таковы внѣшніе факты непродолжительнаго, въ теченіе мѣсяца, пребыванія Пушкина въ Крымѣ.

Оставляя Крымъ, Пушкинъ находился не столько подъ вліяніемъ впечатлѣній ея прекрасной природы, сколько подъ вліяніемъ другого чувства, охватившаго его въ Гурзуфѣ.

Его тогда посѣтила любовь, не похожая на вспышку страсти, на тѣ бурныя, чувственныя увлеченія, которыя охватывали его въ Петербургѣ, любовь возвышенная, идеально чистая. Любовь эта, ясная и спокойная, бывшая основою многихъ произведеній поэта въ періодъ его жизни на югѣ и прошедшая яркимъ лучомъ по всей его жизни и дѣятельности, безъ сомнѣнія много повліяла на развитіе въ творествѣ поэта глубины и возвышеннаго чувства. Имени той, которая возбуждала въ немъ это чувство, никогда не называлъ поэтъ; это была святыня души его, которую онъ строго чтить и берегъ отъ постороннихъ взоровъ. Предметомъ этой любви была одна изъ дочерей генерала Раевского. Большинство біографовъ Пушкина думаютъ, что это была Елена Николаевна,¹⁾ другіе, согласно съ Некрасовымъ, что Марья Николаевна. Первые произведенія, въ которыхъ выразилось это чувство поэта, написаны были имъ еще въ Гурзуфѣ. Одно изъ нихъ носитъ названіе „*Элеія*“.

¹⁾ Елена Николаевна Расвская не вышла замужъ и умерла въ 1854 г. въ Италіи.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
 Минутной, нѣжной красотой!
 Она примѣтно увидаеть
 Во цвѣтѣ юности живой...
 Увиаетъ! Жизнью молодую
 Недолго наслаждаться ей,
 Недолго радовать собою
 Счастливый кругъ семьи своей,
 Безпечной, милой остротою
 Бесѣды наши оживлять
 И тихой, ясною душою
 Страдальца душу улаждать.
 Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
 Сокрывъ уныніе мое,
 Паслушаться рѣчей веселыхъ
 И паглядѣться на нее.
 Смотрю на все ея движенья,
 Внимаю каждый звукъ рѣчей,
 И мигъ единый разлученья
 Ужасенъ для души моей.

Въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи вполне выражено и скорбное состояніе души поэта въ первое время пребыванія его на югѣ, и свѣтлое чувство любви, охватившее его въ Гурзуфѣ.

Другое произведеніе, павѣянное тою же личностью, представляетъ миниатюрное, но прелестное антологическое стихотвореніе:

О дѣва—роза, я въ оковахъ:
 Но не стыжусь твоихъ оковъ:
 Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
 Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
 Близъ розы гордой и прекрасной
 Въ неволѣ сладостной живетъ,
 И пѣжно пѣсни ей поетъ
 Во мракѣ почи сладострастной.

Это стихотвореніе напечатано было только въ 1826 году, и чтобы скрыть, кѣмъ оно вызвано, поэтъ озаглавилъ его: „Подражаніе турецкому“.

Съ точностью неизвѣстно, но по всей вѣроятности въ Гурзуфѣ Пушкинъ написалъ и маленькое антологическое стихотвореніе „Виноградъ“, въ которомъ просвѣчиваетъ впечатлѣніе природы Крима.

Впечатлѣнія, навѣянные на Пушкина Тавридой, и осѣвившее его здѣсь чувство любви перенетены почти во всѣхъ произведеніяхъ поэта, въ которыхъ онъ касается Крыма. Мы дальше увидимъ, что этому чувству любви мы обязаны многими чудными стихами поэта, которые навсегда связали его имя съ Тавридой.

Въ Каменкѣ, куда Пушкинъ проводилъ семейство Раевскихъ изъ Крыма и куда онъ неоднократно отлучался изъ Кишинева, увлекаемый дружбой къ семейству Раевскихъ и Давыдовыхъ и чувствомъ любви, часто, конечно, вспоминали о Крымѣ, и тамъ было создано поэтомъ нѣсколько стихотвореній, вызванныхъ недавнимъ пребываніемъ его въ Тавридѣ. Сюда относится прежде всего его стихотвореніе „*Фонтану Бахчисарайскаго дворца*“, этотъ зародышъ его поэмы.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадный!
Журчи, журчи свою мнѣ былль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальный!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странѣ прочелъ я дальней;
Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь ужель забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

Въ Каменкѣ же Пушкинъ написалъ свое антологическое стихотвореніе „*Неренда*“ и элегію „*Рядьветъ облаковъ летучая грядъ*“. Последнее стихотвореніе, подобно стихотворенію „*Фонтану Бахчисарайскаго дворца*“, такъ увлекательно, чувство поэта въ немъ такъ горячо, впечатлѣнія Тавриды переданы съ такою любовью о свѣжестию,—что это стихотвореніе

вполнѣ опровергаетъ то равнодушіе къ Крыму, о которомъ говоритъ поэтъ въ своемъ письмѣ къ Дельвигу. Вотъ эта чудная элегія:

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
 Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
 Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
 И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
 Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ:
 Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
 Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
 Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
 Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
 Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
 И сладостно шумять таврическія волны.
 Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
 Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.
 Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
 И дѣва юная во мглѣ тебя искала
 И именемъ своимъ—подругамъ называла.

Эта чудная элегія была напечатана А. А. Бестужевымъ въ 1824 году безъ разрѣшенія Пушкина, и поэтъ былъ очень смущенъ напечатаннымъ окончаніемъ стихотворенія съ яснымъ намекомъ на предметъ его любви въ Крыму. Въ письмѣ къ Бестужеву отъ 29-го іюля 1824 года изъ Одессы Пушкинъ говоритъ: „Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней „Звѣздѣ“, напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи. Чортъ дернулъ меня написать еще въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ какія-то чувствительныя строчки и припоминать тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда увидѣлъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки; чтожъ она подумаетъ, видя, съ какою охотою бесѣдную объ ней съ „однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей“? Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ; и что никто не виноватъ? *Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожю я больше, чѣмъ мнѣніемъ всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики...* Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы (единственный журналъ, на котораго не имѣю права жаловаться), что Булгаринъ не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго.

Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію“ (Соч., VII, 81—82).

Гораздо позже, издавая сочиненія свои въ 1826 г., Пушкинъ откинулъ послѣдніе три стиха элегіи и слово „таврическія“ (волны) замѣнилъ словомъ „полуденныя“, а слово „оливы“— „деревьями“. Такъ дорожилъ онъ памятью о любимой женщинѣ.

До насъ дошло также нѣсколько черновыхъ набросковъ стихотвореній Пушкина 1820 года, въ которыхъ отражаются воспоминанія его о пребываніи въ Крымѣ и томившее его чувство любви:

1. На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ;
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И вдаль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.
2. И чувствую, душа (моя)
Твоей любви, тебя достойна;
Зачѣмъ же не всегда (она)
Чиста, печальна и покойна?...
3. Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твой ловить свѣтлый взоръ,
Движенья милья, игривый разговоръ
И слѣдъ улыбки незабвенной.

Свиданіями съ Раевскими и воспоминаніями о Крымѣ вызвано и нѣсколько стихотвореній Пушкина 1821 г.: „Земля и море“, названное въ черновой рукописи „Морской берегъ“, „Льва“, въ которомъ Пушкинъ говоритъ о милой, но гордой дѣвѣ, которая ненавидитъ обращенныя къ ней чувства „и, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ“, и превосходное стихотвореніе его „Желаніе“, этотъ истинный апоэозъ Крыма, его природы и жизни, показывающее ясно, какую свѣтлую память оставилъ Крымъ въ душѣ Пушкина, какія чистыя стремленія вызывали въ немъ воспоминанія о Крымѣ и какъ желалъ поэтъ еще разъ посѣтить тотъ „край прелестный, идъ она любила, изманикъ неизвѣстный“, вновь придти на берега веселаго Салгира „воспоминать души своей мечты“. По формѣ это стихотвореніе напоминаетъ извѣстную „Пѣсню Миньоны“ Гете; оно найдено было въ бумагахъ Пушкина уже послѣ его смерти, въ числѣ другихъ перловъ его поэзіи, и напечатано впервые въ 1838 году. И это обстоятельство свидѣтельствуетъ намъ, какъ заботливо оберегалъ поэтъ отъ опубликованія тѣ свои произведенія, въ которыхъ просвѣчивало его чувство любви къ Раевской.

Къ 1821 же году относится неотдѣланный, черновой набросокъ юмористическаго стихотворенія „*Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ*“, въ которомъ отразились крымскія впечатлѣннїя поэта. Въ началѣ этого же 1821 года, окончивъ своего „Кавказскаго Пѣвника“, Пушкинъ задумалъ повѣя поэмь,—написалъ „Братевъ разбойниковъ“, началъ, но не окончилъ поэмь „Вадимъ“ и сталъ обдумывать поэмь изъ крымской жизни. Въ письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу отъ 27-го іюня 1821 года онъ просить прислать ему „Тавриду“ Боброва. (Соч., VІІ, 23) ¹⁾. Судя по дошедшему до насъ наброску—плану поэмь „Таврида“, можно думать, что Пушкинъ замышлялъ этимъ именемъ назвать и свою новую поэмь. Затѣмъ онъ хотѣлъ назвать ее „Гаремомъ“; „но меланхолическій эпиграфъ соблазнилъ меня“, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ.

Поэмь „*Бахчисарайскій фонтанъ*“ написана Пушкинымъ въ 1822 году, но издана была только въ 1824 году. Пушкинъ не торопился печатать ее потому, почему не печаталъ, какъ мы видѣли выше, и другихъ произведеній, навѣянныхъ воспоминанїями о Крымѣ. Поэтъ писалъ свою поэмь подъ вліяніемъ чувства, родившагося въ пемъ въ Гурзуфѣ, хотя ясно понималъ, что его чувство, при несомнѣнной взаимности,—было безнадежно и должно было окончиться полнымъ разрывомъ. Мы не знаемъ причинъ этого разрыва, но несомнѣнно, что онъ если не произошелъ, то начался еще въ кишиневскій періодъ жизни Пушкина. На основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ стихотворенїяхъ Пушкина можно думать, что онъ себя, свое прошлое считалъ виною разрыва съ любимымъ лицомъ.

Въ письмѣ къ брату отъ 25-го августа 1823 года, уже изъ Одессы, Пушкинъ говоритъ, что прочелъ Вас. Пв. Туманскому отрывки изъ новой своей поэмь „Бахчисарайскій фонтанъ“ и сказалъ, что не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста въ ней отпосятся къ одной женщинѣ, въ которую онъ былъ „очень долго и очень глупо влюбленъ и что роль Петрарки ему не по плечу“; но въ концѣ письма дѣлаетъ приписку: „Такъ и быть, я Вяземскому пришлю „Фонтанъ“—выпустивъ любовный бредъ—а жаль!“ (Соч., VІІ, 42). Затѣмъ, 14-го октября того же года поэтъ пишетъ князю Вяземскому: „Бахчисарайскій фонтанъ“, между нами, дрянъ, но эпиграфъ его—премесь (тамъ же, стр. 54). Какъ извѣст-

¹⁾ Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ. Лирско-эпическое пѣснотвореніе, сочиненное каштаномъ Семеновъ Бобровымъ. Николаевъ, 1798 года.

но, энниграфъ этотъ замѣтованъ у Сади: „Многіе, такъ же, какъ и я, посѣщали сей фонтанъ; но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече“. Посылая кн. Вяземскому свою поэму при письмѣ отъ 4 ноября 1823 г., поэтъ пишетъ, что выбросилъ изъ пей то, что цензура выбросила бы и безъ него, и то, „что не хотѣлъ выставить передъ публикою“. Вмѣстѣ съ этимъ Пушкинъ проситъ князя Вяземскаго приписать къ Бахчисарая предисловіе или послѣсловіе и посмотреть въ печатавшемся тогда „Путешествіи по Тавридѣ“ Муравьева-Апостола статью „Бахчисарай“ и выписать изъ нея, что поносиле (тамъ же, стр. 56). Въ письмѣ къ нему отъ 20-го декабря 1823 г. Пушкинъ пишетъ: „Ты, кажется, собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софѣѣ Потоцкой—это дѣло другое. Впрочемъ въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно“... Къ этому поэтъ прибавляетъ: „Что, если бы ты заѣхалъ къ намъ на югъ нынѣче весною? Мы бы провели лѣто въ Крымѣ, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ. Приѣзжай, ей Богу, веселѣ здѣсь, чѣмъ на сѣверѣ!“ (Соч., VІІ, 64). Пушкинъ не надѣялся, что скоро вмѣсто Крыма ему придется поневолѣ ѣхать на сѣверъ, въ Михайловское...

О происхожденіи поэмы мы знаемъ уже изъ письма Пушкина къ барону Дельвигу. Преданіе, легшее въ основу ея, было передано Пушкину Екатериной Николаевной Раевской, которую Пушкинъ называлъ „женщиной необыкновенной“¹⁾. Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву отъ 8-го февраля 1824 года поэтъ говоритъ: „Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суетвѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

*Lux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve* 2).

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны“ (Соч., VІІ, 72).

Отсылая князю Вяземскому свою поэму, Пушкинъ, по его словамъ, „выкинулъ изъ нея весь любовный бредъ“; но одно изъ такихъ мѣстъ было найдено Анненковымъ въ бумагахъ поэта и внесено теперь въ текстъ поэмы. Вотъ это мѣсто—въ концѣ ея: упомянувъ о летучей тѣни—Маріи или За-

¹⁾ О личности героини поэмы указанія въ статьѣ Домбровскаго. Современникъ. 1849 г., т. XV, и Ив. Федорова въ „Историч. Вѣстн.“ за 1890 г., стр. 320--331.

²⁾ Стихи Шенье.

ремы—которая мелькала передъ нимъ во дворцѣ, поэтъ продолжаетъ:

И помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ:
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски неprasной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дашь—
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтъ лирою нескромной
Свое безумство разглагольствовать?

Издавая поэму, князь Вяземскій приложилъ къ ней свою статью: „Вмѣсто предисловія—разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевского острова“ и выписку изъ „Путешествія по Тавридѣ“ Муравьева-Апостола, именно его описаніе Бахчисарайскаго дворца; въ третьемъ изданіи (1830 г.) статья князя Вяземскаго была откинута, а къ выпискѣ изъ книги Муравьева былъ прибавленъ отрывокъ изъ письма Пушкина къ Дельвигу, которое мы знаемъ.

Всегда „взыскательный художникъ“ по отношенію къ своимъ трудамъ, Пушкинъ строго отзывался о своей новой поэмѣ, хотя радовался ея успѣху ¹⁾. 16-го ноября 1823 года онъ писалъ Дельвигу: „Бахчисарайскій фонтанъ“—это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь“. (Соч., VII. 59). Впоследствии въ своихъ „критическихъ замѣткахъ“ (1830—1831 г.г.) онъ писалъ: „Бахчисарайскій фонтанъ“ слабѣе „Плѣнника“ и, какъ онъ, отзывался чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ [ханъ] часто въ сѣмъяхъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю — и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Вздвигаетъ, будто полный страха,

¹⁾ Письмо къ Дельвигу отъ 16-го ноября 1823 г., къ брату—январь, 1824 г., къ князю Вяземскому мартъ—апрѣль, 1824 г., апрѣль, 1825 года.

И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хочутъ дико, скрежещутъ зубами и пр. Все это смѣшно, какъ мелодрама“. (Соч., V, 121).

Къ новой поэмѣ Пушкина съ одобреніемъ отнесся исторіографъ Карамзинъ, и вся тогдашняя русская критика слилась въ единодушную похвалѣ неслыханной дотоле гармоніи русскаго языка, небывалой роскоши стиха и описаній. Но этими похвалами языку и стиху новой поэмы и указаніями на недостатокъ движенія въ ней и ограничилась современная поэту критика, и только впоследствии Бѣлинскій сдѣлалъ обстоятельный и глубокій разборъ этой поэмы Пушкина. Не соглашаясь съ мнѣніемъ поэта, что „Бахчисарайскій фонтанъ“ слабѣе „Кавказскаго Пльнника“, видя въ немъ значительный шагъ впередъ со стороны формы, стиха, „роскоши и благоуханности поэзіи“, Бѣлинскій обратилъ вниманіе на идею поэмы. „Въ основѣ этой поэмы, говоритъ онъ, лежитъ мысль до того огромная, что она могла бы быть подъ силу только вполнѣ развившемуся и возмужавшему таланту; очень естественно, что Пушкинъ не совладалъ съ нею, и, можетъ быть, оттого-то и былъ уже слишкомъ строгъ къ поэмѣ“... „Эта мысль поэмы—перерожденіе если не просвѣтленіе дикой души чрезъ высокое чувство чистой любви. Мысль великая и глубокая! Но молодой поэтъ не справился съ нею, и характеръ его поэмы, въ ея самыхъ патетическихъ мѣстахъ, является мелодраматическимъ“¹⁾. Но для насъ важенъ уже самъ по себѣ глубокій замыселъ Пушкина, его вѣра въ духовное существо челоѣка, высота его идеала—уже въ ранній періодъ его творчества. Онъ говоритъ въ своей поэмѣ:

Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранить одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство...

—и въ этихъ словахъ мы видимъ и высоту его идеала и личное его состояніе во время созданія этой поэмѣ.

Критика, въ слѣдъ за самимъ Пушкинымъ, указала въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ слѣды вліянія поэмъ Байрона: „Гяура“ „Корсара“, „Чайльдъ Гарольда“, „Абидосской Невѣсты“, выразившіеся, главнымъ образомъ, въ очеркахъ характе-

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, изд. 1860 г., ч. VIII, стр. 443—450.

ровъ дѣйствующихъ лицъ, которыя напоминаютъ героевъ Байрона. Но замѣчательно, что прелестный образъ чистой, кроткой, полной глубокой вѣры Маріи, въ которомъ и выразилась основная идея произведенія,—самостоятеленъ. У Байрона такихъ характеровъ нѣтъ, и его Зюлейка не могла быть прообразомъ Маріи.

Лучшею сторопою поэмы еще Бѣлинскій призналъ описанія или, лучше сказать, живыя картины Крима. „Въ нихъ нѣтъ, говоритъ критикъ, этого элемента высоты, который такъ проглядываетъ въ „Кавказскомъ Пѣвчикѣ“ въ картинахъ дикаго и грандіознаго Кавказа. Но онѣ неизбежно очаровываютъ этою кроткою и роскошною поэзіею, которыми залѣчатлѣна соблазнительно-прекрасная природа Тавриды: краски нашего поэта всегда вѣрны дѣйствительности“.

Особенно чарующею прелестію и музыкальностью отличается, по справедливому мнѣнію Бѣлинскаго, описаніе крымской ночи:

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, подъ тихой лавровъ сѣнью,
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ:
Она съ безоблачныхъ небесъ
На доли, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрѣты бѣлой пелерой,
Какъ тѣни легкія, мелькая
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ татаръ сѣвшать супруги
Дѣлать вечерніе досуги.

Указалъ Бѣлинскій и на элегическій тонъ поэмы, „легкую, свѣтлую, отрадно-сладостную грусть, поэтическую задумчивость“, особенно въ описаніи фонтана и дальнѣйшихъ стихахъ до конца, которыя „составляютъ превосходнѣйшій финалъ поэмы“.

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.

Надъ нимъ крестомъ осѣнена
 Магометанская луна
 (Символь, конечно, дерзновенный,
 Незнанья жалкая вина).
 Есть надпись: ѣдкими годами
 Еще не сгладилась она.
 За чуждыми ея чертами
 Журчитъ во мраморѣ вода—
 И каплетъ хладными слезами,
 Не умолкая никогда:
 Такъ плачетъ мать во дни печали
 О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
 Младья дѣвы въ той странѣ
 Преданье старины узнали,
 И мрачный памятникъ онѣ
 Фонтаномъ слезъ именовали.

Независимо отъ тона въ этомъ отрывкѣ останавливаетъ наше вниманіе и точность въ изображеніи фонтана; даже такая подробность, какъ крестовидное украшеніе надъ луной въ верхней части фонтана, не ускользнуло отъ вниманія поэта, хотя онъ полубольной, какъ мы видѣли, осматривалъ Бахчисарайскій дворецъ. Такою же вѣрностью изображенія отличается и дальнѣйшая картина дворца въ поэмѣ:

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
 Пиры надолго забывая,
 Я посѣтилъ Бахчисарая
 Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
 Среди безмолвныхъ переходовъ
 Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ.
 Татаринъ буйный пировалъ
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣни утопалъ.
 Еще попынѣ дышетъ нѣга
 Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
 Играютъ воды, рдѣютъ розы,
 И вьются виноградны лозы,
 И золото блещетъ на стѣнахъ.
 Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ.
 Иптарны разбирая четки,
 Вздыхали жены въ тишинѣ.
 Я видѣлъ ханское кладбище

Владыкъ послѣднее жилище.
 Сіи надгробныя столбы,
 Вѣнчанныя мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
 Гласили внятною молвою.

Поэтъ здѣсь указываетъ на ту историческую необходимость и правду, которая сказалась, къ чести нашей, въ присоединеніи Крыма:

Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
 Кругомъ все тихо, все уныло,
 Все измѣнилось...

Но, волнуемый своимъ личнымъ чувствомъ, поэтъ недолго останавливается на этихъ мысляхъ.

По не тѣмъ [говорить онъ]
 Въ то время сердце полно было:
 Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
 Влекли къ невольному забвенью,
 Невольно предавался умъ
 Неизъяснимому волненью,
 И по дворцу летучей тѣнью
 Мелькала дѣва предо мной!...

Въ послѣднихъ чудныхъ двадцати стихахъ поэмы, гармонію которыхъ Бѣлинскій называлъ упоительной, Пушкинъ со всей силой высказалъ свою любовь къ Тавридѣ, свое пламенное желаніе, „забывъ и славу и любовь“, увидѣть вновь „брега веселые Салгира“. придти „на склонъ приморскихъ горъ“, къ утесамъ Аюдага.

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
 Забывъ и славу, и любовь,
 О, скоро васъ увижу вновь,
 Брега веселые Салгира!
 Приду на склонъ приморскихъ горъ,
 Воспомнаній тайныхъ полный.
 И вновь таврическія волны
 Обрадуютъ мой жадный взоръ.
 Болшебный край, очей отрада!
 Все живо тамъ: холмы, лѣса,
 Янтарь и яхонтъ винограда,
 Долинъ пріютная краса,
 И струй, и тополей прохлада—
 Все чувство путника манить,
 Когда въ часъ утра безмятежный,

Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аюдага...

„Тайныя воспоминанія“, о которыхъ упоминаетъ поэтъ,— это отголосокъ того чувства его первой, чистой любви, которая наложила и на эту поэму печать чистаго, святаго чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ была причиной ея задушевнаго и элегическаго тона; это отголосокъ того чувства, которое горѣло въ душѣ поэта во весь кишиневскій періодъ его жизни, не смотря на всѣ его тогдашнія увлеченія, напоминавшія его бурную жизнь по выходѣ изъ лица. Отголосокъ этихъ чувствъ, этихъ воспоминаній мы видимъ и въ „Евгеніи Онѣгинъ“, который былъ начатъ поэтомъ въ Кишиневѣ. Въ первой главѣ „Евгенія Онѣгина“, въ XXXIII строфѣ, помѣченной 16-го августа 1822 года, мы читаемъ:

И помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!...

„Очарованный могучею страстью“, поэтъ не осуществилъ своего „завѣтнаго умысла“—„оставить скучный, неподвижный берегъ“ и „по морскимъ хребтамъ направить свой поэтическій побѣгъ“.

Не осуществились, какъ извѣстно, мечты поэта побывать еще разъ въ Тавридѣ!

Въ началѣ 1824 года Пушкинъ написалъ стихотворное посланіе Александру Львовичу Давыдову, съ отказомъ плыть съ нимъ „къ берегамъ полуденной Тавриды“, а вскорѣ послѣ этого онъ уже навсегда трогательно прощался съ моремъ и уносилъ „въ лѣса, въ пустыни молчаливы“ его скалы, его заливы, и блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ. Но вмѣстѣ съ „торжественной красой“ моря Пушкинъ уносилъ съ собой въ с. Михайловское и воспоминаніе о первомъ своемъ чувствѣ любви. Въ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ (1824 г.) поэтъ говоритъ:

Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была—предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ

Любви поэзіи святой.
 Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный.
 Гдѣ льются вѣчныя струи.
 Я находилъ огонь небесный,
 Сгораю жаждою любви.
 Ахъ, мысль о *той* души завялой
 Могла бы юность оживить,
 И сны поэзіи бывалой
 Толпою снова возмутить!
 Она одна бы разумѣла
 Стихи неясные мои:
 Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
 Лампадой чистою любви.
 Увы, напрасныя желанья!
 Она отвергла заклинанья.
 Мольбы, тоску души моеи:
 Земныхъ восторговъ изліанья.
 Какъ божеству, не нужно ей.

Съ точностью неизвѣстно, кто вдохновилъ Пушкина въ созданіи его образа Татьяны, но нельзя пройти молчаніемъ неяснаго указанія на это, находящагося въ письмѣ А. П. Раевского къ поэту отъ 21-го августа 1824 года, гдѣ онъ между прочимъ, говоритъ о Татьянѣ, которая „приняла живое участіе въ постигшей Пушкина бѣдѣ, и о ея прелестной дочкѣ“ (Сборникъ П. П. Бартенева „Пушкинъ“, I. 77). Во всякомъ случаѣ можно думать, что основныя черты характера Татьяны заимствованы поэтомъ съ того лица, про которое впоследствии онъ сказалъ въ концѣ „Евгенія Онегина“:

А ты, съ которой образованъ
 Татьяна милой идеаль...
 О много, много рокъ отъялъ!

Весьма важно также указаніе поэта въ откинутой имъ при печатаніи 3-ей строфѣ IV-ой главы его романа:

...Есть одна межъ ихъ толпою...
 И долго былъ пѣвецъ одною...
 Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
 И гдѣ, и долго ли?.. Зачѣмъ
 Вамъ это знать? Не въ этомъ дѣло!
 Что было, то прошло, то вздоръ:
 А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
 Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,

Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

Личностью Расвской, по всей вѣроятности, вызвано и прелестное стихотвореніе „*Буря*“ (1825 г.):

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ,
Въ одеждѣ бѣлой, надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ, безъ лазури:
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

Можно съ основаніемъ предполагать, что этому же лицу посвятилъ Пушкинъ и свою поэму „*Полтава*“. Вотъ это прелестное посвященіе (27-го октября 1828 г.).

Тебѣ—но голосъ музы темной
Коснется-ль слуха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ привѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ—
И думай, что во дни разлуки.
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя далекая пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей—
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Мы видѣли изъ многихъ лирическихъ стихотвореній и „*Бахчисарайскаго фонтана*“, какъ сильно влекла къ себѣ нашего поэта Таврида—прелестью своей чудной природы и воспоминаніями о любимой когда-то дѣвушкѣ. Послѣднія поэтическія воспоминанія Пушкина о Тавридѣ относятся къ началу тридцатыхъ годовъ. Въ восьмой главѣ „*Евгенія Онѣгина*“

(строфа IV), напечатанной въ 1832 году, поэтъ такъ воспоминаетъ о Крымѣ:

Какъ часто ласковая муза
 Мнѣ улаждала путь нѣмой
 Волшебствомъ тайпаго разказа!
 Какъ часто по скаламъ Кавказа
 Она Ленорой, при лунѣ,
 Со мной скакала на конѣ!
 Какъ часто по берегамъ Тавриды
 Она меня во мглѣ ночной
 Водила слушать шумъ морской,
 Немолчный шопотъ Нереиды,
 Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
 Хвалебный гимнъ отцу міровъ!

Превосходныя, прочувствованныя строфы посвятилъ Пушкинъ Тавридѣ и въ „Отрывкахъ изъ путешествія Евгенія Онѣгина“. Побывавъ въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Астрахани и на Кавказѣ, Онѣгинъ посвящаетъ Тавриду, и по этому поводу поэтъ подарилъ намъ слѣдующіе прелестные стихи:

Воображенью край священный: ¹⁾

(Первонач.: Онъ зрѣтъ поэту край священный)

Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,

Тамъ заколося Митридатъ

(Первонач.: Тамъ умеръ грозный Митридатъ)

Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный ²⁾

И посреди прибрежныхъ скалъ

Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, берега Тавриды,

Когда васъ видишь съ корабля

При свѣтѣ утренней Киприды,

Какъ васъ впервой увидѣлъ я;

Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:

На небѣ синемъ и прозрачномъ

Сіяли груди вашихъ горъ;

Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ

Разостланъ былъ передо мною.

¹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго музея послѣ этого стиха слѣдуютъ нѣсколько зачеркнутыхъ стиховъ, и между прочимъ: Онъ видѣтъ Керчь, уединенный...

²⁾ Мицкевичъ посетилъ Крымъ нѣсколько позже Пушкина и воспѣлъ его въ своихъ восемнадцати крымскихъ сонетахъ. Пушкинъ въ своемъ сонетѣ къ . . . (1830 г.) говоритъ:

Подъ сѣнною горъ Тавриды отдаленной
 Пѣвецъ Литвы въ разбѣръ его (сонета) стѣсенный
 Свои мечты мгновенно заключалъ.

А тамъ, межъ хижинокъ татаръ... ¹⁾

(Вар.: Бѣлѣли хижинки татаръ)

Какой во мнѣ проснулся жаръ!

Какой волшебною тоскою

Стѣснилась пламенная грудь!

Но, муза! прошлое забудь.

И далѣе:

Какія-бъ чувства ни таились

Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:

Они прошли или измѣнились...

Миръ вамъ, тревоги ²⁾ прошлыхъ лѣтъ!

Въ ту пору мнѣ казались нужны

Пустыни, волнъ края жемчужны

И моря шумъ, и груди скалъ,

И гордой дѣвы идеаль,

И безыменные страданья...

Другіе дни, другіе сны;

Смирились вы, моей весны

Высокопарныя мечтанья,

И въ поэтическій бокаль

Воды я много подмѣшалъ.

Иныя нужны мнѣ картины:

Люблю песчаный косогоръ,

Передъ избушкой двѣ рябины,

Калитку, сломанный заборъ,

На небѣ сѣренькія тучи,

Передъ гумномъ соломы кучи—

Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,

Раздолбе утокъ молодыхъ;

Теперь мила мнѣ балалайка,

Да пьяный топотъ тренака

Передъ порогомъ кабака;

Мой идеаль теперь—хозяйка,

Мои желанія—покой,

Да шей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни

Я, завернувъ на скотный дворъ...

Тьфу! прозаическія бредни,

Фламандской школы пестрый соръ!

Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?

¹⁾ Въ этомъ стихѣ можно подразумѣвать скрытый намекъ на личность Елены Николаевны Раевской.

²⁾ Первонач. мечтанья.

Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
 Такія ль мысли мнѣ на умѣ
 Навелъ твой безконечный шумъ,
 Когда безмолвно предъ тобою
 Зарему я воображалъ...
 Средь пышныхъ, опустѣлыхъ заль,
 Спустя три года, вельдъ за мною.
 *Скитаясь въ той же сторонѣ,
 Опѣгнѣ вспомнилъ обо мнѣ.

Въ этомъ отрывкѣ восхищаетъ и удивляетъ насъ вѣрность, свѣжесть красокъ, которыми передаетъ поэтъ картину нашего южнаго берега по прошествіи десяти лѣтъ послѣ кратковременнаго пребыванія своего въ Крыму; умилетъ насъ и возвышенное чувство поэта къ Тавридѣ, къ ея сѣдой древности; трогаетъ и глубокая нѣжность воспоминанія о зародившейся здѣсь его первой чистой любви и волновавшихъ его здѣсь возвышенныхъ мечтаніяхъ, и та присущая душѣ и творчеству поэта свѣтлая, всепрощающая любовь, съ которою онъ призываетъ миръ на прожитыя здѣсь „тревоги прошлыхъ лѣтъ“.

Послѣдній отголосокъ воспоминанія о Крымѣ мы видимъ въ стихотвореніи „Деревня“, гдѣ Пушкинъ воспоминаетъ „иные берега, пныя волны“.

Мы обозрѣли все произведенія Пушкина, въ которыхъ отразились впечатлѣнія пребыванія поэта въ Крыму, въ которыхъ онъ дивно, какъ никто другой, воспѣлъ этотъ край. Мы видимъ, какъ тѣсно связана эта страна съ поэзіей Пушкина, и какую свѣтлую и важную страницу въ ея жизни составляетъ пребываніе въ ней великаго поэта. Но это кратковременное пребываніе Пушкина въ Тавридѣ имѣло большое значеніе и для него самого. Съ этого времени началось у поэта самоуглубленіе, съ этого времени онъ началъ свои записки, въ которыхъ безостановочно отражается состояніе его духа и нравственное его развитіе. „До появленія его въ Крыму, говоритъ Анненковъ, страницы его тетрадей бѣлы и представляютъ мало пищи изыскателю. Съ Крыма открывается эта длинная повѣсть внутренняго хода его мысли“¹⁾. Тотъ внутренній переворотъ, о которомъ самъ поэтъ говоритъ въ своей элегіи „Погасло дневное свѣтило“, ясно отразился на его внутренней жизни въ Крыму.

¹⁾ А. С. Пушкина Матеріалы для его біографіи, стр. 43.

Со времени пребыванія Пушкина въ Крыму началось измѣненіе и въ характерѣ его творчества. Холодные, хотя и блестящія его произведенія петербургскаго періода до 1820 года смѣняются антологическими стихотвореніями, полными жизни и искренняго чувства. Въ этихъ стихотвореніяхъ видна истинная аттическая грація и тонкій психологическій анализъ. Таковы: Нереида, Дорида, Доридѣ, Виноградъ и др. „Мы имѣемъ полное право сказать, говоритъ Анненковъ, что красота формы, гармонія вышнихъ линий, были первымъ навѣяніемъ классической Тавриды, первымъ ея подаркомъ поэту—странствователю“¹⁾). Далѣе, Крымъ далъ поэту цѣлый рядъ самыхъ сильныхъ ощущеній, которыя глубоко залегли въ душѣ поэта и имѣли вліяніе на его творческую дѣятельность. Новая для поэта природа, бытъ и исторія Крыма произвели на него сильное впечатлѣніе и отразились въ его произведеніяхъ съ необыкновенной прелестью и свойственной только ему поэтической правдой, вѣрностью дѣйствительности. Я позволю себѣ остановиться на этомъ подробнѣе.

Тавриду Пушкинъ называетъ: „край прелестный“, „волшебный край, очей отрада“, „край священный“, называетъ ее „сладостной Тавридой“, „мирной страной, гдѣ все для сердца мило“, „гдѣ роскошью природы оживлены дубровы и луга“; „все мило тамъ, говоритъ онъ, красою безмятежной, все путника плѣняетъ и манитъ“. Съ удивительной вѣрностью передаетъ онъ картину „прекрасныхъ береговъ Тавриды“ съ моря, съ корабля, когда передъ нимъ „въ уборѣ брачномъ“ открылся южный берегъ, „разостлашь былъ долины, деревьевъ, сель узоръ“, а далѣе „сіяли груди горъ на небѣ синемъ и прозрачномъ“. Замѣчены имъ и разнообразіе мѣстности Тавриды, ея холмы, лѣса, дубровы и луга, „долины пріютная краса“, „и струй и тополей прохлада“ и „прохлада яворовъ густыхъ“, и говоръ водопада, и „прозрачныхъ водъ веселья струи“. Онъ съ любовью воспоминаетъ край, „гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись (характерная черта крымскихъ долинъ), гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ“; онъ помнитъ „тѣнь оливъ“, „сѣнь лавровъ“, „шумящій миртъ и виноградъ янтарный“. Его манятъ къ себѣ „веселые брега Салгира“, ласкавшіе его взоры, когда онъ уѣзжалъ изъ Крыма.

Мало у Пушкина горныхъ картинъ Крыма; онъ только упоминаетъ „горъ высокія вершины“, „черныхъ скалъ вершины“, „своды скалъ“, „груды скалъ“ и „склоны и стремнины

¹⁾ Тамъ же, стр. 69.

прибрежныхъ горъ“. Гораздо больше у него морскихъ картинъ Крима. Онъ помнитъ „дремлющій заливъ“, „волнъ края жемчужны“, „зеленыя волны, лобзающія Тавриду“, „и среди валовъ бѣгущія суда“, и „моря шумъ“, и „блескъ его лазурный“, и „берега, потопленные шумящими волнами“, и „залива зыбкое стекло“; вспоминаетъ, какъ „сладостно шумятъ таврическія волны“, какъ онѣ „по берегамъ ревутъ, кипятъ и пѣной блещутъ“, какъ „весело синѣютъ, блещутъ воды и пышные ласкаютъ берега“. Съ любовью онъ вспоминаетъ страну, гдѣ „море движется роскошной пеленой подѣ голубыми небесами“, гдѣ „зеленѣющая влага и блещетъ и шумитъ вокругъ утесовъ Аюдага“, гдѣ онъ видѣлъ дѣву на скалѣ, „когда, бушуя въ бурной мглѣ, играло море съ берегами“, и гдѣ муза водила его во мглѣ ночной „слушать шумъ морской, немолчный шопотъ Нереиды, глубокій, вѣчный хоръ валовъ, хвалебный гимнъ отцу міровъ“. Море поэтъ называетъ „желаннымъ предѣломъ души“ своей, шумъ его—„призывнымъ“; прощаясь съ моремъ, говоритъ, какъ онъ „любилъ его отзвуки, глухіе звуки, бездны гласъ, и тишину въ вечерній часъ, и своенравные порывы“; говоритъ, что не забудетъ его „торжественной красоты“, долго слышать будетъ его „гулъ въ вечерніе часы“ и, полный любви къ морю, перенесетъ „въ лѣса, въ пустыни молчаливы“, его „скалы, его заливы, и блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ“.

Передалъ намъ Пушкинъ въ своихъ твореніяхъ и черты прелестнаго неба Тавриды, ея „голубыя небеса“, видъ горъ, сіяющихъ „на небѣ синемъ и прозрачномъ“; съ любовью вспоминаетъ онъ и „яркіе лучи златого Феба, и синій сводъ полуденнаго неба, и ясныя, какъ радость, небеса“.

Прекрасны у Пушкина и картины крымской ночи, когда „луна въ сіяніи восходитъ“, „съ безоблачныхъ небесъ на доли, на холмы, на лѣсъ сіянье томное наводитъ“, и „воздухъ напоенъ вечерней теплотой“.

Указалъ намъ Пушкинъ и многія черты быта Тавриды. Онъ упоминаетъ о „красныхъ долинъ ахъ, гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи, среди заботъ и съ дружбою взаимной, подѣ кровлею живутъ гостепріимной“; отмѣчаетъ, что „повсюду трудъ веселый и прилежный сады татаръ и нивы богатитъ“. Особенно много бытовыхъ чертъ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, но онѣ общеизвѣстны, и я ихъ приводить не буду.

Невольно останавливалъ свое вниманіе поэтъ и на исторіи Тавриды. Мы видѣли это и въ письмахъ его къ брату и барону Дельвигу—по поводу посѣщенія Керчи, Феодосіи и

Георгиевскаго монастыря, — и въ стихотвореніяхъ: „Чаадаеву“, „Отрывкахъ изъ дневника Евгенія Онѣгина“, гдѣ онъ упоминаетъ и о „провозвѣстницѣ Тавриды“ Ифигеніи, о ея-братѣ, и другѣ его, и о „грозномъ Митридатѣ“. Но эти упоминанія, какъ они ни интересны сами по себѣ, незначительны. Съ гораздо большей полнотою отразилась въ его „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ эпоха татарскаго владычества въ Крыму. Вотъ, напримѣръ, мѣсто, въ которомъ поэтъ въ сжатомъ видѣ представилъ намъ всѣ существенныя черты политической жизни Крыма въ эту эпоху:

Ханъ

На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли мѣстю кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горь
Иль козней Генуи кровавой?

Съ такой же правдой изображены въ этой поэмѣ и картины татарскихъ набѣговъ на сосѣднія земли:

Тьмы татаръ

На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною
Цвѣтущій край осиротѣлъ...
Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ...

Я указалъ уже важность и серьезность мысли поэта въ концѣ этой поэмы, мысли о томъ переворотѣ въ жизни Тавриды, который привелъ ее къ нынѣшнему ея состоянію.

Всѣ эти мѣста изъ произведеній Пушкина ясно обнаруживаютъ дивную, чарующую прелесть языка, вѣрность дѣйствительности и теплоту воспоминаній поэта о Крымѣ. Таврида очаровала Пушкина красотами своей природы; она утѣшила, успокоила его жизнью въ кругу милаго, благороднаго семейства, которой онъ раньше не зналъ, и возвысила этимъ его душевный, нравственный міръ; она заставила его глубже входить въ самого себя, въ свою душу, — и возвысила его міросозерцаніе и своей священной древностью, своими классическими преданіями она внесла новыя струи въ его твор-

чество; она, наконецъ, вызвала въ немъ первое чувство высокой, чистой любви, которое долго согрѣвало душу поэта.— и вотъ почему Таврида для Пушкина имѣла „прелесть неизъяснимую“.

Такъ знаменательна и глубока связь между именемъ Пушкина и Тавридой, кратковременное пребываніе поэта въ которой представляетъ такой свѣтлый эпизодъ въ его жизни и такъ глубоко отразилось въ его творествѣ. Безсмертное для всей Россіи имя Пушкина, какъ величайшаго русскаго поэта, должно быть священно и въ близкой его сердцу Тавридѣ, должно быть, скажемъ словами Тютчева, „первою ея любовью“.

Арсеній Маркевичъ.

АРХИВОВѢДѢНІЕ

НА XI-мъ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ СЪѢЗДѢ.

Нужды нашего архивовѣдѣнія и недостатки въ устройствѣ архивовъ подверглись на XI-мъ Археологическомъ Съѣздѣ чрезвычайно подробному разбору и обслѣдованію. Указаны были существующія узаконенія объ архивахъ и недостатки ихъ, представлена была печальная картина состоянія нѣкоторыхъ архивовъ, какъ напр., варшавскихъ, приведено для сравненія положеніе архивнаго дѣла въ государствахъ Западной Европы, и выработанъ „проектъ основаній архивной реформы въ Россіи“.

Во главѣ разсужденій о пазрѣвнихъ нуждахъ архивнаго дѣла въ Россіи слѣдуетъ поставить рефератъ А. П. Львова: „*Русское законодательство объ архивахъ*“. Референтъ заявилъ, что у насъ нѣтъ одного общаго архивнаго кодекса, а существуютъ только „положенія“ объ архивахъ для каждаго вѣдомства; но и эти положенія отличаются неполнотою, неясностью, а иногда и противорѣчіемъ. Главная бѣда состоитъ въ томъ, что законодательство требуетъ сохраненія дѣлъ, необходимыхъ для канцелярскихъ справокъ, и почти вовсе не допускаетъ мысли, что архивный матеріалъ можетъ быть предметомъ научной разработки. Вслѣдствіе накопленія массы дѣлъ, явилось законоположеніе объ уничтоженіи дѣлъ ненужныхъ. Лица, на которыхъ возложено было уничтоженіе дѣлъ, были большею частью некомпетентны, и потому подверглись истребленію дѣла, имѣвшія значеніе историческаго матеріала. Вслѣдствіе этого г. Львовъ предложилъ составить особую комиссію, которая выработала бы основные принципы архивнаго законодательства, соотвѣтственно современному состоянію нашихъ архивовъ и такимъ задачамъ, которыя выяснены и осуществлены въ устройствѣ западно-европейскихъ архивовъ.

Такая комиссія дѣйствительно составлена была и имѣла три засѣданія подъ предѣдательствомъ директора Археологическаго Института П. В. Покровскаго, въ присутствіи предсѣдателя съѣзда графини П. С. Уваровой, управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи Д. Я. Самогласова и членовъ-депутатовъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

Комиссія выработала проектъ архивной реформы въ Россіи, который былъ разсмотрѣнъ въ связи съ докладомъ профессора Самогласова.

Въ своемъ докладѣ: „*Централизація государственныхъ архивовъ въ западной Европѣ, въ связи съ архивной реформой въ Россіи*“ профессоръ Самогласовъ указалъ, что инициаторомъ реформы государственныхъ архивовъ былъ императоръ Наполеонъ I, который велѣлъ собрать уцѣлѣвшіе государственные документы и хранить ихъ въ особомъ грандіозномъ зданіи, устроенномъ изъ камня и желѣза. Устройство государственнаго архива затѣяно было Наполеономъ предъ походомъ въ Россію, а послѣ окончанія похода Наполеонъ уже не имѣлъ силы выполнить свой замѣчательный проектъ. Его мыслию воспользовались прежде всего въ Англіи, и тамъ государственные архивы паходится подъ личнымъ управленіемъ самой королевы. Такая же реформа проведена въ Пруссіи Бисмаркомъ при помощи историка Зибеля, въ Швеціи, Бельгіи и Италіи. Эта реформа имѣла громадныя послѣдствія, давъ возможность пользоваться архивными документами для науки. Въ Россіи также сознаны были недостатки архивнаго дѣла, и Высочайше была учреждена комиссія въ 1873 году подъ предѣдательствомъ Н. В. Калачева,¹⁾ потомъ другая комиссія въ 1892 году, но дѣятельность этихъ комиссій осталась безъ всякаго результата, и единственными хранителями древнихъ документовъ у насъ являются ученые архивныя комиссіи; но онѣ часто лишены всякихъ матеріальныхъ средствъ.

Выработанный Д. Я. Самогласовымъ проектъ основаній архивной реформы въ Россіи предлагаетъ:

1. Учредить центральный органъ архивнаго управленія въ Россіи, подобный существующимъ въ государствахъ Западной Европы и долженствующій объединить управленіе государственными архивами разныхъ вѣдомствъ и подчинить ихъ общимъ правиламъ храненія и публичнаго пользованія.
2. Сосредоточить въ одномъ центральномъ публичномъ го-

¹⁾ О дѣятельности комиссій 1873 года былъ специальный докладъ А. С. Раевского: „*Что сталося съ Калачевскою комиссіей 1873 г. объ устройствѣ архивовъ?*“.

сударственномъ архивѣ дѣлопроизводства по 1825 г. упраздненныхъ и дѣйствующихъ высшихъ и центральныхъ государственныхъ учреждений, за исключеніемъ уже обладающихъ благоустроенными центральными архивами, открытыми для публичнаго пользованія.

3. Дѣлопроизводства мѣстныхъ правительственныхъ учреждений по 1775 годъ сосредоточить въ 12-ти центральныхъ публичныхъ областныхъ государственныхъ архивахъ древнихъ актовъ, подобныхъ провинціальнымъ архивамъ западно-европейскихъ государствъ.

4. Областные государственные архивы древнихъ актовъ снабдить штатами служащихъ, проектированными Высочайше учрежденной комиссіей 1892 года, и архивными зданіями германскаго типа, такъ называемой „магазинной системы“.

5. Дѣлопроизводства губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учреждений 25-ти-лѣтней давности сосредоточить въ губернскихъ центральныхъ публичныхъ государственныхъ архивахъ.

6. Центральное архивное управленіе: а) проектируетъ штаты, соотвѣтствующіе потребностямъ губернскихъ центральныхъ государственныхъ архивовъ; б) озаботится снабженіемъ центральныхъ губернскихъ архивовъ помѣщеніями, спеціально приспособленными для храненія рукописей и соотвѣтствующими требованіямъ рациональнаго архивовѣдѣнія; в) проектируетъ правила централизаціи и условія публичности государственныхъ архивныхъ матеріаловъ; г) проектируетъ порядокъ архивной службы, направленный къ храненію въ цѣлости, классификаціи, описанію, изданію и научной разработкѣ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ; д) проектируетъ общія правила храненія и публичности древнихъ и новыхъ актовъ дѣлопроизводства общественныхъ учреждений.

7. Нынѣ существующія и вновь открываемыя губернскія ученія архивныя комиссіи сохраняютъ самостоятельное значеніе мѣстныхъ ученыхъ обществъ по храненію и научной разработкѣ мѣстныхъ древностей, приглашаются центральнымъ архивнымъ управленіемъ къ содѣйствию въ централизаціи, изданіи и научной разработкѣ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ, вѣдаютъ дѣло храненія, описанія, изданія и научной разработки архивовъ общественныхъ учреждений, а также и частныхъ, въ случаяхъ согласія владѣльцевъ этихъ послѣднихъ.

8. Предлагается издать немедленно циркулярное распоря-

женіе о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было архивныхъ бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учреждений, впредь до учрежденія центрального архивнаго управления въ Россіи и до выработки и изданія общихъ правилъ уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства государственныхъ и общественныхъ учреждений.

По обсужденіи проекта Д. Я. Самогвасова, комиссія въ полномъ своемъ составѣ одобрила таковой во всѣхъ его частяхъ, но сочла необходимымъ присоединить, въ видѣ дополненій, нижеслѣдующія положенія, отъ имени членовъ: П. Я. Голубовскаго, В. Н. Поливанова, А. А. Савельева, П. П. Дубасова, А. Н. Львова, П. В. Покровскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго, С. Д. Яхонтова и Д. Я. Самогвасова:

1. Губернскія ученые архивныя комиссіи, для храненія своихъ историческихъ архивовъ, пользуются особымъ помещеніемъ въ зданіи губернскаго центрального архива, а для научныхъ своихъ работъ и изданія историческихъ документовъ получаютъ отъ правительства особую необходимую субсидію.

2. Ходатайствовать предъ правительствомъ объ оказаніи существующимъ губернскимъ архивнымъ комиссіямъ пособія въ размѣрѣ до 1500 руб. ежегодно, въ виду того, что губернскія архивныя комиссіи являются пока единственными учреждениями, на которыя возложена правительствомъ обязанность охраны и собиранія древностей, какъ письменныхъ, такъ и предметныхъ, и на которыя въ будущемъ будетъ возложена важная задача при организаціи архивнаго дѣла въ Россіи.

Совѣтъ Археологическаго Съѣзда постановилъ подвергнуть къ столамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА просьбу о реформѣ архивнаго дѣла въ Россіи.

Картина наличнаго состоянія нашихъ областныхъ архивовъ, какъ выяснилось изъ рефератовъ: профессора Д. В. Пятътаева: „*О Варшавскихъ архивахъ*“ и О. Н. Левицкаго „*О судьбѣ актовъ князь. относящихся къ исторіи Юго-Западнаго края и Малороссіи*“, представляется самой безотраднѣйшей. Въ Варшавскихъ архивахъ хранятся миллионы дѣлъ, относящихся, между прочимъ, къ исторіи войнъ поляковъ съ русскими, и всѣ эти дѣла находятся въ хаотическомъ состояніи.

Въ докладѣ „*О Волынскихъ и Подольскихъ архивахъ*“ И. М. Каманищъ, осмотрѣвшій эти архивы, сообщилъ, что большая часть ихъ помещается въ подвальныхъ и сырыхъ этажахъ, дѣла

не защищены ничѣмъ отъ пыли и гніенія, и почти всеѣ дѣла, ненужныя для канцелярскихъ справокъ, уничтожены.

Относительно упорядоченія нашихъ архивовъ много дѣльных замѣчаній представлено было въ рефератѣ Г. Н. Шмелева: „*Теорія и практики архивныхъ описей*“. Г. Шмелевъ указывалъ, что описи дѣлъ должны подчиняться известной системѣ и отличаться краткостью.

Профессоръ П. В. Голубовскій сдѣлалъ къ этому реферату практическое добавленіе: архивныя матеріалы должны быть, при составленіи описи, подраздѣлены: 1) на документы, 2) дѣла и 3) сборники.

Занятія ученыхъ архивныхъ комиссій разсмотрѣны были въ рефератѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго: „*Обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ комиссій за послѣдніе три года*“. На Рижскомъ археологическомъ съѣздѣ постановлено было, чтобы архивныя комиссіи присылали Предварительному Комитету Съезда свои отчеты за три года. Оказалось, что къ настоящему съѣзду не всеѣ архивныя комиссіи прислали свои отчеты, а нѣкоторыя, въ томъ числѣ и Таврическая Ученая Архивная Комиссія, прислали свои печатные отчеты за два года. Изъ отчетовъ оказывается, что дѣятельность комиссій выражалась, главнымъ образомъ, въ разборѣ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ, въ археологическихъ раскопкахъ и изданіи ученыхъ изслѣдованій и историческихъ матеріаловъ. Главнымъ препятствіемъ для успѣшнаго дѣйствія архивныхъ комиссій служилъ недостатокъ средствъ. Иногда же архивисты получали запрещеніе пользоваться архивами, вслѣдствіе какого-то страннаго недоразумѣнія со стороны подлежащихъ властей.

Состояніе заграничныхъ областныхъ архивовъ, которые, повидимому, послужатъ образцомъ въ предполагаемой реформѣ нашихъ архивовъ, разсмотрѣно было въ рефератѣ А. П. Воропова: „*Французскій областной архивъ*“. Французскіе областные, департаментскіе архивы образованы были въ 1796 году. Сначала, около 40 лѣтъ, положеніе этихъ архивовъ было незавидно, именно до изданія закона 10-го мая 1838 г., который сдѣлалъ обязательными расходы департаментовъ на содержаніе архива и установилъ образовательный цензъ для департаментскихъ архивистовъ. Въ 1884 году департаментскіе архивы переданы въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Теперь это благоустроенные областные архивы, издающіе свои инвентари и содержащіе въ себѣ богатый историческій матеріалъ.

Въ предполагаемой реформѣ архивнаго дѣла и, въ частности, архивныхъ комиссій, и у насъ предполагается правительственная субсидія комиссіямъ и образованіе ученыхъ специалистовъ-архивистовъ.

Хр. Ящуржинскій.

ХІ * КІЕВСКІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪЪЗДЪ.

И ТРУДЫ ЕГО

ПО ИСТОРИИ НОВОРОССИЙСКАГО КРАЯ.

Археологическіе съѣзды представляютъ столь важное и интересное явленіе въ научной жизни общества, что обзоръ дѣятельности каждаго изъ нихъ въ общемъ или относительно какихъ либо частныхъ сторонъ, и притомъ сдѣланный лицомъ, принимавшимъ въ немъ дѣятельное участіе, представляется мнѣ не лишеннымъ значенія; это и было причиною, почему я позволилъ себѣ дать хотя бы бѣглый и неполный (какъ это видно будетъ далѣе) отчетъ о послѣднемъ ХІ-мъ Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ.

Когда на Х-мъ Рижскомъ Археологическомъ Съѣздѣ избиралось мѣсто для съѣзда послѣдующаго и обнаружилось, что почти общее желаніе членовъ съѣзда собраться въ Варшавѣ встрѣчаетъ значительныя препятствія, и въ томъ числѣ даже противодѣйствіе со стороны делегатовъ Варшавскаго университета, выборъ палъ на Кіевъ. Онъ обусловленъ былъ главнымъ образомъ заявленіемъ нашего знаменитаго ученаго В. В. Антоновича о необходимости познакомиться съ археологіей Волыни, весьма недостаточно изученной; а такъ какъ волынскіе городки едва ли въ состояніи соответствующимъ образомъ принять съѣздъ, то профессоръ Антоновичъ и предложилъ собраться въ Кіевѣ, откуда недалеко и до интересныхъ въ научномъ отношеніи волынскихъ мѣстностей. Но несомнѣнно, что успѣхъ этого предложенія былъ обусловленъ и свѣтлою памятью, которую оставилъ по себѣ III-й Кіевскій Археологическій Съѣздъ 1874 года, самый удачный изъ всѣхъ этихъ съѣздовъ.

Организація въ Кіевѣ съѣзда для Волыни сама собою предполагала необходимость разнообразныхъ и продолжитель-

ныхъ экскурсій; въ силу этого съѣзду опредѣленъ былъ не 2-хъ недѣльный, какъ обычно, а болѣе продолжительный 3-хъ недѣльный срокъ, при чемъ очень отдаленныя экскурсіи, какъ это всегда бывало, могли быть совершены и по закрытіи съѣзда. Планъ экскурсій былъ выработанъ, и съѣздъ обѣщаль быть вообще очень интереснымъ.

Дѣйствительность далеко не оправдала ожиданій: XI-й Съѣздъ былъ малооживленнымъ, особенно по сравненію его съ съѣздомъ 1874 года, которое само собою панправивалось. Вольнскій характеръ Съѣзда если и проявлялся въ его засѣданіяхъ, то отнюдь не рельефно; экскурсій на Вольнь вовсе не было, да и вообще экскурсіи были очень краткосрочныя; по-этому казалось, что Съѣздъ тянется долго; параллельныхъ засѣданій разныхъ отдѣленій Съѣзда было немного; чувствовалось общее утомленіе; при томъ нѣкоторые члены Съѣзда, въ виду длиннаго срока, пріѣхали поздно, другіе уѣхали слишкомъ рано; третьи просто безслѣдно промелькнули на Съѣздѣ и т. д.

Но, мнѣ кажется, можно указать и на болѣе основныя причины, вслѣдствіе которыхъ XI-й Съѣздъ уступалъ III-му. Тогда на съѣздѣ были крупныя, даже знаменитыя ученые (напр. Костомаровъ), которые успѣли скончаться и, къ сожалѣнію, остались незамѣненными. Увы! Мы встрѣчаемся здѣсь съ вопросомъ общаго характера, и не для одной только Россіи,—исчезновеніемъ въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и т. д. крупныхъ личностей, преемниками которыхъ являются люди весьма почтенные, но, такъ сказать, рядовые. Исключеніе составляетъ лишь технологія, царству которой теперь наступилъ расцвѣтъ. Остается только преклониться передъ практически-ея результатами, имѣющими въ виду улучшеніе чело-вѣческаго существованія, хотя бы главнымъ образомъ въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ.

Другіе крупныя ученые съ 1874 года уже состарѣлись, и участіе, принятое ими въ работахъ Съѣзда, не всегда соотвѣтствовало возлагавшимся надеждамъ. Что дѣлать? Опять встрѣчаемся съ неумолимымъ закономъ судьбы, „его же не преи-деши“. Гораздо болѣе страннымъ было отсутствіе нѣкоторыхъ, даже многихъ такихъ ученыхъ, съ которыми привыкъ встрѣчаться на съѣздахъ, и особенно замѣтно было отсутствіе кiev-скихъ университетскихъ и академическихъ ученыхъ. Конечно, тутъ дѣйствовали индивидуальныя причины; но не могло такое отсутствіе быть благопріятнымъ для Съѣзда условіемъ.

Оговоримся съ удовольствіемъ, что число лицъ, прибывшихъ на Съѣздъ изъ Одессы, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, было значительнымъ.

Въ сущности Съѣздъ былъ подготовленъ тремя кievскими учеными: И. М. Камалинымъ—часть археографическая, В. А. Бордтомъ—картографическая и г-жею Ю. П. Мельникъ—спеціально археологическая; присоединимъ и бывшего долго одесситомъ М. П. Истомина, подготовившаго для Съѣзда выставку воынскихъ иконъ. Заслуги этихъ лицъ тѣмъ выше, что сдѣланы были съ болѣе чѣмъ скромными средствами, отпущенными въ ихъ распоряженіе.

Душою Съѣзда, какъ и всегда, явился его предсѣдатель графиня П. С. Уварова, энергіей которой приходилось просто поражаться. Графиня не пропустила почти ни одного засѣданія Съѣзда и въ большинствѣ ихъ принимала самое активное участіе; она старалась заблаговременно познакомиться съ рефератами, сблизить членовъ Съѣзда и т. д.: словомъ, геройски и мученически совершила то, что должны были бы дѣлать многіе и многіе ея сотрудники.

Предсѣдателемъ Ученаго Комитета былъ, конечно, В. Б. Антоновичъ, которому тоже пришлось не мало поработать; но теперь онъ больше являлся создателемъ цѣлой школы ученыхъ, а не тѣмъ неутомимымъ дѣятелемъ, относительно котораго такъ громко воскликнулъ 25-тъ лѣтъ назадъ на III-мъ съѣздѣ И. П. Срезневскій: „Счастливо то общество, которое считаетъ В. Б. Антоновича въ числѣ своихъ сочленовъ, счастливъ университетъ, гдѣ онъ профессорствуетъ, счастливы студенты, имѣющіе его своимъ руководителемъ!“

Кто предсѣдательствовалъ въ Распорядительномъ Комитетѣ, и что такое вообще представлялъ собою этотъ комитетъ—члены Съѣзда опредѣлить не могли; только потомъ мы узнали, что комитетъ этотъ; въ составѣ котораго были и профессора, разбѣжался какъ разъ передъ открытіемъ Съѣзда. Отсутствіе этого комитета было источникомъ многихъ хотя и мелкихъ, но досадныхъ явленій, случившихся и безъ того тяжелой атмосферѣ Съѣзда. Нечего и говорить уже объ отсутствіи гостепріимства со стороны кievскихъ гражданъ: таковое не обязательно, да сверхъ того Кіевъ могъ утомиться пріемами съѣздовъ: въ 1897 году былъ съѣздъ медиковъ, въ 1898 году естественныхъ испытателей, и вдругъ въ 1899 году снова принимай археологовъ! Согласенъ, что это уже черезъ-чуръ, и назначеніемъ съѣзда въ Кіевъ была сдѣлана ошибка; но все

же неволью вставали въ памяти картины широкаго кіевского гостепріимства въ 1874 году и тотъ порядокъ, который тогда былъ слѣдствіемъ заботъ распорядительнаго комитета.

Самая погода оказалась для Съѣзда неблагопріятною; перепадали частые дожди, какъ нарочно отравившіе почти всё тѣ немногія экскурсіи, которыя имѣли мѣсто и были направлены въ ближайшія окрестности Кіева. Тутъ виноватыхъ нѣтъ, но точно такая же погода, во время другихъ съѣздовъ тоже мѣшавшая экскурсіямъ, не вызывала особеннаго раздраженія; теперь же всякое лыко пошло въ строку.

Но едва ли не болѣе всего разочаровалъ Съѣздъ пріѣхавшихъ членовъ своихъ слабостью, чтобы не сказать даже отсутствіемъ мѣстныхъ элементовъ, которыми именно и былъ такъ силенъ съѣздъ 1874 года; поэтому не было и соответствующаго мѣстнаго оживленія: Съѣздъ происходилъ по готовымъ формуламъ—не больше. Говорили, что на такой упадокъ духа на Съѣздѣ повліяло дѣйствительно не консеквентное разрѣшеніе вопроса о чтеніи рефератовъ на малорусскомъ языкѣ. Не вдаваясь въ глубь этого предмета, замѣчу только, что я не разъ высказывался печатно за необходимость для всѣхъ славянъ имѣть одинъ научно-литературный языкъ, и полагаю, что такимъ языкомъ суждено быть русскому литературному; далѣе, я вовсе не сочувствую галиційскимъ ученымъ въ ихъ уклоненіи отъ Съѣзда послѣ того, какъ отчасти желаемое ими разрѣшеніе было получено. Тѣмъ не менѣе я никакъ не пойму, въ чемъ могъ заключаться вредъ отъ болѣе ранняго и болѣе широкаго разрѣшенія чтенія рефератовъ на томъ языкѣ, парѣчи, говорѣ—все равно, хотя бы и очень искусственномъ, но на которомъ уже читаются лекціи въ университетахъ и издаются несомнѣнно ученныя произведенія, и, главное, почему профессора университета выступили въ данномъ вопросѣ не исключительно въ свойственной имъ роли—борцовъ за свободу научнаго изслѣдованія? Да если бы эсперантоисты желали читать рефераты на своемъ „языкѣ“ и пошли бы ихъ слушать охотники, въ количествѣ и свыше 25 лицъ, неудобно профессору являться противникомъ этого; необходима была бы лишь ученая цензура, а разъ она возможна—скатертью дорога! Между тѣмъ на Съѣздѣ говорили, что запоздалое разрѣшеніе чтенія рефератовъ на малорусскомъ языкѣ заставило большинство галицкихъ ученыхъ, стремившихся на Съѣздъ, разбѣжаться въ разныя стороны; другіе не сумѣли самостоятельно сообразоваться съ полученнымъ позд-

но разрѣшеніемъ и т. д. А такъ какъ ожидалось отъ нихъ многое, то разочарованіе постигло не однихъ галичанъ, но и мѣстныхъ ученыхъ, изъ коихъ не мало за отсутствіемъ у насъ спеціально научнаго органа, посвященнаго Южной Руси, работаетъ теперъ во Львовскихъ изданіяхъ: они и не захотѣли отдѣлиться отъ галичанъ. Были и еще условія, отвлекавшія вниманіе общества отъ Съѣзда, по всего не перескажешь. Но все же XI-й Кіевскій Съѣздъ представилъ кое-что и новое, и притомъ далеко не лишнее интереса.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить появленіе въ значительномъ числѣ членовъ Съѣзда изъ числа не русскихъ славянъ, при чемъ это были не гости, а работники, привезшіе съ собою рефераты по археологіи Волгаріи, Босніи, Герцоговины и пр.; рефераты и заявленія такихъ чешскихъ ученыхъ, какъ Нидерле и Пичъ, были украшеніемъ съѣзда. Всѣ эти славянскіе ученые, если только для нихъ представлялась малѣйшая возможность, читали свои рефераты на русскомъ языкѣ, и только тѣ отступали отъ такого правила, которые дѣйствительно совершенно не могли говорить порусски. Интереснѣе всего было дѣло съ поляками: какъ извѣстно, на Съѣздѣ разрѣшено было чтеніе рефератовъ на польскомъ языкѣ, и нѣкоторые, хотя и очень немногіе, такъ и читались; но большинство совершенно добровольно старалось дѣлать сообщенія и замѣчанія на русскомъ языкѣ, и такимъ образомъ вопросъ, о которомъ было такъ много разговоровъ, разрѣшенія котораго такъ боялись, въ дѣйствительности пересталъ существовать и свелся на ноль. Славянскіе ученые (напр. полякъ Пуласкій) представили рефераты, относящіеся къ русской археологіи, и наоборотъ, на Съѣздѣ были важныя работы русскихъ ученыхъ (напр. Милюкова) по археологіи Балканскаго полуострова и иныхъ славянскихъ земель—все какъ слѣдуетъ.

Чѣмъ объяснить такой общеславянскій характеръ Съѣзда? Усиленіемъ ли вообще въ послѣднее время общеславянскаго самосознанія, что всего желательнѣе было бы, или давнею симпатіей славянъ къ Кіеву, анализировать этотъ вопросъ я не берусь.

Кромѣ славянъ были на Съѣздѣ представители и иныхъ народностей: венгры, нѣмцы, французы; но это явленіе обычное, и ихъ всегда бываетъ очень мало; нечего и прибавлять, что отъ какихъ либо національныхъ столкновеній съѣзды всегда бываютъ очень далеки.

Разумѣется, доминировали на съѣздѣ все же наши собственные ученые.

Второю особенностью Съѣзда было значительное мѣсто, которое заняли въ немъ не строго археологическіе, а, такъ сказать, общіе вопросы, результатомъ разработки которыхъ явился цѣлый рядъ соответствующихъ ходатайствъ со стороны Съѣзда. Такъ, едвали не главный первъ Съѣзда составляла разработка вопроса объ архивахъ: затѣмъ, какъ мнѣ кажется, достаточно твердо былъ поставленъ вопросъ о принятіи мѣръ къ охраненію памятниковъ древности (моимъ рефератомъ) и въ частности къ охраненію древностей Ольвіи, въ пѣнѣшнемъ году подвергнувшихся особому расхищенію (рефератомъ Э. Р. фонъ-Птерна и дополнительнымъ заявленіемъ А. А. Павловскаго); наконецъ возбужденъ былъ графиней Уваровой вопросъ о преподаваніи въ университетахъ археологіи. Вѣроятно труды Съѣзда по этимъ вопросамъ не останутся безрезультатными, хотя для реализаціи проектовъ Съѣзда потребуется не мало и времени и средствъ.

Переходя къ рефератамъ частнаго характера, я оговорюсь, что не считаю возможнымъ сообщать не только о всѣхъ читанныхъ на Съѣздѣ рефератахъ, но даже о всѣхъ, посвященныхъ исторіи и археологіи вообще Южной Руси, а выбираю для себя еще болѣе тѣсную область—обзоръ рефератовъ, относившихся къ исторіи и археологіи народностей, населявшихъ въ разное время пѣнѣшнюю Новороссію.

Эпохи каменнаго вѣка въ нашемъ краѣ коснулись два доклада—г. г. Эварницкаго и Кнауэра. Первый дѣлалъ раскопки въ Херсонскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ, и въ с. Михайловѣ—Апостоловѣ (Херсонск. уѣзда) раскопалъ курганъ каменнаго вѣка, при чемъ скелеты въ нихъ, какъ это часто бываетъ, оказались различнымъ образомъ окрашенными въ красный цвѣтъ; профессоръ Кнауэръ дѣлалъ раскопки въ Аккерманскомъ уѣздѣ, и среди вскрытыхъ имъ кургановъ нашлись со слѣдами погребенія каменнаго вѣка, тоже съ окрашенными скелетами и очень скудною утварью.

Находки въ этихъ же могилахъ бронзовыхъ вещей дали основаніе профессору Кнауэру увидѣть въ нихъ переходъ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому, что весьма вѣроятно, хотя съ вопросомъ о преемственности эпохъ и переходѣ одной въ другую нужно обращаться очень осторожно, чему нѣсколько далѣе представленъ будетъ примѣръ.

Находкѣ окрашенныхъ скелетовъ посвятилъ обстоятель-

ный рефератъ профессоръ Кулаковскій; изложивъ существующія гипотезы, референтъ примкнулъ къ той, которая допускаетъ окраску трупа, а не скелета. Оригинальною же частью реферата былъ подборъ съ комментироваиіемъ фактовъ, что окраиваніе имѣло у римлянъ сакральное значеніе.

Скифскій бытъ въ Новороссіи раскрыли тѣ же раскопки г. Эварницкаго и Кнауэра. Первый раскопалъ въ Михайловѣ — Диостоловѣ три оказавшихся скифскими кургана: Бабы, Роскопану и Безыменну и нашелъ здѣсь много золотыхъ и другихъ вещей обычнаго характера, большой бронзовый котелъ тоже обычнаго типа и т. п.; очень любопытны были и найденные г. Эварницкимъ боковыя ходы въ курганы, при чемъ онъ отрицалъ обыкновенно приписываемое имъ хищническое происхожденіе.

Раскопки профессора Кнауэра были менѣе продуктивны; но и здѣсь нашлись вещи. напр. золотое кольцо, характерныя для скифской эпохи; при чемъ скифское погребеніе имѣло мѣсто въ верхнемъ слое такихъ кургановъ, гдѣ внизу было уже погребеніе каменнаго вѣка.

Къ скифамъ отнесъ г. Пуласкій и найденныя въ юго-западной Подоліи черпаки, различной величины, но всегда однообразной формы; г. Пуласкій полагалъ, что они привѣщивались (стоять они не могли), и сопоставлялъ ихъ съ тѣми чашами, которыя, по свидѣтельству Геродота, современные ему скифы носили у поясовъ въ память поясной чаши Геракла.

Переходя затѣмъ къ греческой эпохѣ нашего края, мы встрѣчаемъ чрезвычайно важный рефератъ профессора Э. Р. фонъ-Штерна: „*О значеніи керамическихъ находокъ для культурной исторіи Черноморской колонизаціи*“.

Указавъ на случайность нашихъ литературныхъ источниковъ относительно колонизаціи древними греками сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, докладчикъ подчеркнул особенную важность другого рода для исторіи этой колонизаціи: надписей и монетъ. Но въ виду того, что исторія черноморской колонизаціи до сихъ поръ все же еще неясна, всякое обогащеніе матеріала должно быть принято съ крайнимъ вниманіемъ. Такой новый матеріалъ, которымъ до сихъ поръ еще не пользовались историки, докладчикъ видитъ въ керамическихъ издѣліяхъ и ихъ фрагментахъ, которые открываются въ почвѣ нѣкогда бывшихъ греческихъ колоній. До сихъ поръ этотъ матеріалъ, если и обрабатывался, то лишь съ художественной точки зрѣнія (работы академика Стефани). Вотъ

выводы для исторіи культуры черноморскихъ колоній, къ которымъ приходится докладчикъ на основаніи керамическаго матеріала. Послѣдній подтверждаетъ и дополняетъ наши свѣдѣнія, которыя намъ даютъ источники литературные. Въ Ольвіи находимы были сосуды (примѣръ есть въ Одесскомъ музее Общества Исторіи и Древностей), которые, какъ показали изслѣдованія Бѣлау, должны быть милетскаго происхожденія. Мнѣніе Летке, что нигдѣ еще не докопались до милетскаго слоя, послѣ находенія этихъ сосудовъ, падаетъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что Милетъ въ VIII—VI вв. основалъ до 80 колоній. Въ самое цвѣтущее время Милетъ могъ имѣть *maximum* 100 тысячъ жителей. Вѣроятно, среди колоній, упоминаемыхъ въ древнемъ свидѣтельствѣ, не мало было простыхъ *факторій* со складами милетскихъ товаровъ. Въ V вѣкѣ Милетъ падаетъ, и на первое мѣсто въ Элладѣ выступаютъ Аѣины. Это краснорѣчиво слѣдуетъ и изъ керамическихъ находокъ. Среди античной посуды въ Ольвіи и Пантикапеевѣ видное мѣсто занимаютъ черно-фигурныя вазы (періодъ, когда Аѣины начинаютъ соперничать съ Милетомъ). Дальновидный аѣинскій тиранъ Пизистратъ вступаетъ въ сношенія съ черноморскими колоніями. Разъ завязанныя, эти сношенія продолжаются. Къ періоду послѣ Пизистрата о до греко-персидскихъ войнъ относятся красно-фигурныя вазы древнѣйшаго строгаго стиля, которыя лишь иногда находимы были въ Ольвіи, Пантикапеевѣ и на островѣ Левкѣ (Фидониси). Перерывъ, наступившій въ сношеніяхъ Аѣинъ съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, сказывается почти въ полномъ отсутствіи вазъ строгаго красно-фигурнаго стиля періода вышшаго его процвѣтанія. Мало встрѣчается на югѣ Россіи и вазъ переходнаго и прекраснаго стилей. Аѣины экспортируютъ въ это время въ Сицилію. Какъ скоро послѣдній рынокъ въ концѣ V вѣка былъ утерянъ, опять начипается ввозъ въ черноморскія колоніи; вотъ почему здѣсь очень много вазъ роскошнаго стиля (конецъ V и IV вѣка). Вскорѣ послѣ паденія Аѣинъ прекращается и выдѣлка красно-фигурныхъ вазъ. Въ III вѣкѣ въ могилахъ греческихъ колоній (гдѣ по традиціи призывали класть вазы) видимъ „каленскую“ и „мегарскую“ посуду: вазы этихъ типовъ дѣлались, вѣроятно, и въ самыхъ колоніяхъ и можетъ быть, дольше, чѣмъ въ Малой Азіи и Греціи. Когда фабрики въ Аѣинахъ закрылись, то колоніи, нуждавшіяся въ вазахъ для культа умершихъ, сами стали выдѣлывать вазы. Такихъ мѣстныхъ вазъ (Стефани ихъ не-

правильно называлъ „полуварварскими“) извѣстно теперь до ста (лишь одна такая ваза найдена въ Ольвіи, остальные—въ Керчи). Эти вазы чисто греческія по общему характеру, но отличаются отъ послѣднихъ лишь худшею техникою. Онѣ ясно говорятъ, что въ III вѣкѣ въ колоніяхъ господствовала греческая культура, и что онѣ состояли въ сношеніяхъ съ греческимъ міромъ. Со II вѣка колоніи находятся въ сношеніяхъ съ Италіей и Римомъ (ручки амфоръ и посуда апулійская (Гнатія), образцы которой есть въ Одесскомъ музеѣ изъ коллекціи Л. Ф. Бруна). Эти сношенія, впрочемъ, едва-ли были непосредственныя.

На интенсивность сношеній съ Римомъ, которыя продолжались до конца римскаго господства, указываютъ многочисленныя красно-лаковыя вазы („арретійскія“). Вопреки Драгендорфу, надо признать, что эти вазы не могутъ быть датированы въ III вѣкѣ до Р. Хр., и вывозъ ихъ изъ Италіи вполне возможенъ. Разумѣется, такія вазы могли дѣлаться и въ самыхъ колоніяхъ (особенно болѣе простыя). Глазурованныя вазы съ рельефами, найденныя на югѣ Россіи, говорятъ о сношеніяхъ черноморскихъ колоній съ *Александріей*.

Далѣе, докладчикъ указалъ на керамическій матеріалъ, который относится уже къ среднимъ вѣкамъ. На югѣ были находимы керамическія издѣлія византійскія, арабскія, итальянскія. Изученіе этого матеріала значительно труднѣе, чѣмъ изученіе античнаго, но и оно даетъ важные результаты для юга Россіи.

Мы передали подробно рефератъ профессора Штерна по бюллетенію Съѣзда въ виду его исключительной важности для исторіи нашего края; къ сожалѣнію, такихъ рефератовъ представлено было слишкомъ мало.

Вопросу о керамикѣ посвященъ былъ, впрочемъ, и еще одинъ любопытный рефератъ—В. А. Городцова: „*Необходимость выработки номенклатуры и системы описанія доисторической керамики*“; но онъ, какъ видно уже изъ заглавія, во-первыхъ, имѣетъ въ виду керамику доисторическую, во-вторыхъ, носитъ теоретическій характеръ. Авторъ предъявилъ очень систематическій рядъ керамическихъ рисунковъ съ объясненіемъ, какъ они дѣлались простѣйшими приѣмами, при помощи ногтей, палочекъ и пр.; все это было очень интересно и, повидимому, удачно опредѣляло керамическую систему; но для провѣрки такихъ группирующихъ рефератовъ необходимо, чтобы они

появлялись въ печати; тогда возможно будетъ въ нихъ разобратъся.

О римской эпохѣ въ Новороссіи на Създѣ не упоминалось; съ натяжкою развѣ можно отнести сюда рефератъ Н. И. Веселовскаго: „*Каменные орудія при вещахъ римской эпохи*“, при чемъ авторъ говорилъ о находкахъ въ Кубанской области, въ Майкопскомъ отдѣлѣ; но я отмѣчаю этотъ рефератъ именно ради того, что при орудіяхъ каменнаго вѣка профессоромъ Веселовскимъ найдены были вещи, которыя, по его вполне комитетному опредѣленію, указываютъ на римскую эпоху; подобное же сочетаніе находокъ имѣло мѣсто и въ другихъ случаяхъ раскопокъ референта и показываетъ, о чемъ я уже говорилъ выше, какъ осторожно нужно относиться къ вопросу о преемственности эпохъ.

Нѣкоторые изъ найденныхъ имъ въ Аккерманѣ погребеній профессоръ Кнауэръ отнесъ къ началу великаго переселенія народовъ, но потомъ самъ отказался отъ своего мнѣнія.

Уважаемый ученый В. И. Ламанскій предполагалъ прочесть на създѣ рефератъ „*Алланы-Ясы въ Молдавіи и Венгріи*“, но въ назначенномъ для того засѣданіи рефератъ за позднимъ временемъ былъ отложенъ, а затѣмъ В. И. Ламанскій уѣхалъ; но этотъ рефератъ цѣликомъ напечатанъ въ бюллетеняхъ създа (стр. 132—136). Въ виду его главнымъ образомъ филологическаго характера я затрудняюсь сдѣлать его изложеніе и укажѹ лишь, что, считая яссовъ—языговъ алланами, профессоръ Ламанскій хоть и бѣгло, но съ привлеченіемъ довольно разнообразныхъ и мало еще использованныхъ источниковъ, слѣдитъ исторію этого племени какъ въ Новороссіи, такъ и въ Молдавіи и Венгріи; попутно говорится и объ еще болѣе интересныхъ для насъ бродникахъ и берладникахъ, съ которыми смѣшивались алланы-ясы.

Не разъ уже указанныя раскопки Эварницкаго и Кнауэра обнаружили бытъ повороссійскихъ кочевниковъ, крайне бѣдный по сохранившимся памятникамъ. Черепамъ кочевниковъ посвященъ былъ рефератъ А. М. Покровскаго; но, къ сожалѣнію, докладчикъ оперировалъ всего надъ 4-мя черепами, а въ такихъ случаяхъ трудно сдѣлать какіе-либо выводы: повидимому, А. М. Покровскій относилъ черена къ монгольскому племени; венгерскій ученый Бѣлла-Помта одинъ изъ череповъ находилъ венгерскимъ; все это достаточно произвольно.

Византійская эпоха доставила другой важный для наше-

го края рефератъ профессора Ю. А. Кулаковскаго: „*Изъ исторіи Боспора (Керчи) въ XI—XII вѣкахъ*“. Отмѣтивъ непрерывность исторіи города, начавшаго свою жизнь подъ именемъ Пантикалея, продолжавшаго ее подъ именемъ Боспора, которое онъ смѣнилъ на Корчевъ, откуда произошло нынѣшнее его имя Керчь,—докладчикъ остановился на частномъ вопросѣ, а именно: входилъ ли этотъ городъ въ предѣлы Тмутараканскаго княжества, явившагося однимъ изъ удѣловъ по смерти Владиміра Святого? Наша лѣтопись въ сообщеніяхъ о войнахъ и побѣдахъ Тмутараканскихъ князей называетъ лишь сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей княжества: ясовъ, касоговъ, хазаръ, и не содержитъ ни одного упоминанія о Корчевѣ. Отмѣтивъ то обстоятельство, что рыбный промыселъ въ проливѣ является главнымъ жизненнымъ интересомъ того края, докладчикъ видѣлъ въ этомъ апріорное указаніе на необходимость соединенія обоихъ береговъ пролива подъ одной властью. Косвенное подтвержденіе того, что Тмутараканскіе князья держали западный берегъ пролива подъ своей властью, докладчикъ признавалъ въ слѣдующихъ фактахъ.—Интрига противъ князя Ростислава Владиміровича въ 1066 году, сгубившая его ядомъ, шла изъ Корсуня, и злой умыселъ на князя со стороны „котопана“ объясняется въ лѣтописи, какъ опасеніе грековъ за свою свободу. Если бы Боспоръ находился тогда подъ греческой властью, то князь могъ бы имѣть враговъ и ближе къ себѣ. Далѣе, текстъ знаменитой надписи князя Гдѣба 1068 года, въ которомъ дано разстояніе по льду отъ Тмутаракани до Корчева, вызываетъ общее представленіе, что князь дѣйствовалъ въ предѣлахъ *своего* удѣла. Наконецъ, находка 1872 года, о которой было впервые доложено на прошломъ Кіевскомъ Съѣздѣ, 25-ть лѣтъ тому назадъ, тогдашнимъ директоромъ Керченскаго музея, г. Люценко, —свинцовая печать, съ надписаніемъ „отъ Ратибора“ (бывшаго посадникомъ въ Тмутаракани, князя Всеволода въ 1078 году), сдѣлана была на западной сторонѣ пролива близъ Еникале. Хотя эта печать могла случайно попасть въ то мѣсто, но въ связи съ предшествующими указаніями ея мѣстонахожденіе какъ бы является свидѣтельствомъ принадлежности этой территоріи къ предѣламъ Тмутараканскаго княжества. Послѣ 1094 года наша лѣтопись хранить полное молчаніе о Тмутаракани. Повидимому, эта территорія подпала подъ власть Византіи. Въ договорѣ имп. Мануила съ генуэзцами, заключенномъ въ 1169 году, Византія открываетъ генуэзцамъ свободный доступъ во

всѣ порты Чернаго моря, кромѣ двухъ: Матраха (=Таматарха=Тмутаракань=Матрега итальянскихъ картъ) и *Rosata*. Проф. Васильевскій, соглашаясь съ Гейдомъ, искалъ этотъ второй портъ на устьяхъ Дона (русскій перевозъ, упоминаемый Рубрукомъ). Брунъ отстаивалъ признаніе въ *Rosata* нынѣшней Керчи. Съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ согласенъ докладчикъ. Ближайшее подтвержденіе отождествленію „*Rosata*“ съ Боспоромъ можно встрѣтить у арабскаго географа Эдризиди, трудъ котораго составленъ въ Сициліи въ 1153 году и покоится на свѣдѣніяхъ, какія были въ ту пору въ оборотѣ у купцовъ, плававшихъ въ дальнія земли. Эдризиди знаетъ городъ *Rusia* въ 20 миляхъ къ западу отъ „Матрахи“ (Таматарха), а въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ слѣдитъ линію берега отъ Корсуня къ востоку, онъ поминаетъ „устье русской рѣки“, какъ портъ, лежащій между Судакомъ (*Soldacia*—Судей) и Матрахой. (Уже у хрониста Теофана Керченскій проливъ является устьемъ рѣки Дона, и арабскій географъ унаслѣдовалъ это смѣшеніе).—Такимъ образомъ, имя Русь осталось жить на Боспорскомъ проливѣ въ ту пору, когда Византія наслѣдовала по какимъ-то причинамъ власть русскихъ князей въ Тмутаракани. Вѣроятно къ этому времени византійскаго господства въ тѣхъ предѣлахъ слѣдуетъ приурочить свинцовую печать Аркадія, „стратига Боспора“, какъ указалъ на то покойный Васильевскій, вопреки изъясненію этой печати, какъ было предложено ей первымъ издателемъ и собственникомъ, Плюмбергеромъ.—Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ возможность объяснить недавно изданную печать Теофана „архонтиссы Россіи“ (*ἀρχοντισσῆς Ρωσικῆς*) изъ рода Музалоповъ (въ которой г. Лопаревъ призналъ жену многоскитальнаго князя Олега Святославича) тѣмъ, что западная часть Тмутараканскаго удѣла носила имя Россіи, какъ оно ей дано въ договорѣ имп. Мануила съ Генуэзцами.

Почтенный профессоръ во время чтенія своего доклада выразилъ сожалѣніе, что въ Трудахъ III-го Кіевскаго Археологическаго Съѣзда не приведено лишь указаній о какихъ-либо замѣчаніяхъ по поводу реферата о Ратиборовой печати. Я присутствовалъ при сообщеніи этого реферата и помню, что вслѣдъ затѣмъ произошелъ оживленный споръ между графомъ Уваровымъ и профессоромъ Ф. К. Бруномъ относительно празднованія памяти св. Николая. Въ виду отрывочности своихъ воспоминаній я не рѣшился заявлять о нихъ публично, но частнымъ образомъ передалъ профессору Кула-

ковскому, которому, конечно, легко разобраться въ этомъ вопросѣ.

Пожалуй, во времени удѣльнаго періода исторіи нашего края можно бы отпестить рефератъ профессора П. В. Голубовскаго: „*Съ какого времени можно прослѣдить на югъ Россіи способъ защиты таборомъ?*“ Докладчикъ не соглашался съ общепринятымъ мнѣніемъ, что этотъ способъ защиты перешелъ къ намъ отъ чеховъ (на что указываетъ и его названіе, оставшееся отъ гуситскихъ временъ), и находилъ, что онъ существовалъ уже во время удѣльнаго періода: при чемъ, когда въ лѣтописяхъ указывается на организацію войскомъ этого способа защиты, то употребляется выраженіе, что оно „заложилось“. Докладчикъ привелъ указанія на существованіе подобнаго же способа защиты и у венгровъ.

Рефератъ вызвалъ большіе споры: одни ученые стояли за чешское происхожденіе табораго способа защиты; другіе отыскивали его въ болѣе раннее время у иныхъ, напр. классическихъ народовъ и полагали, что этотъ способъ естественно могъ возникнуть у разныхъ народовъ въ силу простоты и удобства. Важнѣе всего было дополненіе, сдѣланное профессоромъ Н. П. Дашкевичемъ, что слово таборъ встрѣчается въ польскомъ извѣстіи о вторженіи мадьяръ въ Мазовію въ 1383 году, т. е. раньше гуситскихъ войнъ: конечно, для окончательнаго рѣшенія вопроса это показаніе должно подвергнуться анализу.

Эпоха казачества была на Съѣздѣ очень мало затронута; кажется, въ этомъ случаѣ болѣе всего оказалось отсутствіе галиційскихъ рефератовъ. Н. П. Дашкевичъ сообщилъ „*Нѣсколько догадокъ о началъ южно-русскаго казачества (до XV в.)*“: при чемъ пытался найти первообразъ этого казачества въ военно-промышленныхъ отрядахъ, существовавшихъ раньше на Подоліи и въ Кіевщинѣ. Твердое установленіе такого факта дало бы возможность начать генезисъ его еще съ удѣльнаго періода, что весьма вѣроятно; но отсутствіе точныхъ историческихъ указаній (какихъ-либо новыхъ указаній референтъ, не смотря на громадное и разностороннее знакомство съ источниками, не отыскалъ) всегда отозвется на слабости гипотезы.

Неутомимый изслѣдователь запорожья Д. И. Эварницкій посвятилъ особый рефератъ вопросу о запорожскихъ сбѣгахъ, при чемъ нѣкоторыя приведенныя имъ данныя оправдываютъ положенія, высказанныя имъ въ прежнихъ трудахъ; къ сожа-

лѣнію, значительнѣйшую часть реферата онъ наполнилъ по-лемикой съ прежнимъ своимъ критикомъ г. Падалкой, на Създѣ не присутствовавшимъ. Важнѣе всего было заявленіе референта о найденномъ имъ описаніи Новой Сѣчи, сдѣланномъ войсковымъ писаремъ Иваномъ Гунцевцемъ въ 1766 г. Остається пожелать, чтобы оно было поскорѣе опубликовано, а также скорѣе изданы были заявленные Д. П. Эваршицимъ „*Источники для исторіи запорожскаго казачества въ XVII—XVIII в.*“.

Въ рефератѣ В. А. Кордта, посвященномъ обзорнѣю картѣ, находившихся на выставкѣ при Създѣ, названы были и такія, въ которыхъ изображенъ нашъ край, начиная съ XVI ст.; но какихъ-либо специальныхъ указаній при этомъ сдѣлано не было.

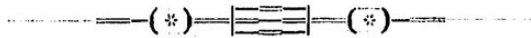
Наконецъ, сравнительною новизною повѣяло отъ реферата Д. П. Миллера „*Ликинерскія вербуики*“, гдѣ сообщалась курьзная, но и печальная исторія обращенія въ 1764 году генераломъ Мельгуновымъ въ ликинеры нѣсколькихъ сотенъ полтавскаго полка; къ сожалѣнію, референтъ разсказалъ этотъ маленькій эпизодъ съ черезчуръ уже детальными подробностями, которыя умѣстны въ печати, но трудно схватывались при слушаніи.

Вотъ и всѣ рефераты, имѣвшіе хоть какое-либо отношеніе къ нашему краю. Подведя имъ итогъ, нетрудно замѣтить, что существенное научное значеніе имѣли только два: профессора Ф. Штерна о керамикѣ и профессора Кулаковскаго о Боспорѣ. Подобный результатъ показался мнѣ не особенно утѣшительнымъ; но когда я сталъ разбираться въ другихъ, не затронутыхъ мною рефератахъ Създа, то увидѣлъ, что и здѣсь я нашелъ не особенно много рефератовъ съ крупнымъ научнымъ значеніемъ. Я не говорю, разумѣется, о тѣхъ, въ которыхъ сообщалось о сдѣланныхъ раскопкахъ, находкахъ предметовъ и пр.; здѣсь все хорошо, все идетъ къ дѣлу; сверхъ того раскопки В. Б. Антоновича, П. Н. Милокова и многія другія были произведены образцово; но помимо этого, заслуживаютъ быть отмѣченными лишь сообщенія В. Б. Антоновича о каменномъ вѣкѣ въ Волынской губерніи и Л. Нидерле о времени переселенія славянъ съ сѣвера горъ Карпатскихъ въ Венгрію, а также обширныя добавленія О. Пича, какъ къ этому реферату, такъ и къ сообщенію В. И. Сизова о раскопанныхъ имъ смоленскихъ такъ наз. длинныхъ курганахъ.

Оговорюсь, впрочемъ, что какъ я ни старался внимательно слѣдить за засѣданіями Съѣзда, по на всѣхъ быть не могъ,— частью потому, что бывали и параллельныя, при чемъ дѣлались доклады по научнымъ областямъ, мнѣ совершенно чуждымъ; частью и по случайнымъ причинамъ. Очень возможно, что въ силу этого мною пропущены доклады, хоть и не имѣвшіе отношенія къ нашему краю, но важные въ научномъ отношеніи.

Въ заключеніе укажу, что ко времени Съѣзда было издано нѣсколько трудовъ, имѣющихъ крупное научное значеніе, и въ томъ числѣ касающихся и Новороссійскаго края. Изданы: а) Кіевской Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ „*Палеографическій Сборникъ*, вып. I“, подъ редакціей И. М. Каманина; б) *Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII в.*, вып. I, подъ редакціей В. А. Кордта, и в) проф. Ю. А. Кулаковскаго „*Карта Европейской Сарматіи по Птоlemeю, въ присутствіи XI Археологическому Съѣзду*.“

Ал. Маревичъ.

По поводу отрывковъ двухъ свитковъ Пятикнижія изъ Θεодосійской еврейской синагоги.

Еврейская синагога въ Θεодосіи древнѣйшая въ Крыму. По описанію Хвольсона, ¹⁾ она находится у подошвы горы, окружающей Θεодосію почти съ трехъ сторонъ. Синагога эта построена на плоскости, образовавшейся вследствие срытія части подошвы горы. Распространенное между мѣстными евреями сказаніе, что она когда-то въ древности найдена была засыпанною и затѣмъ отрыта и реставрирована, не противорѣчитъ, такимъ образомъ, мѣстнымъ условіямъ. Среди синагоги (на возвышеніи, гдѣ читается тора) находятся четыре колонны, изъ которыхъ двѣ переднія изъ мрамора, а двѣ другія покрашены и сдѣланы изъ камня другой породы. Рассказываютъ, что еще двѣ колонны, мраморныя, первоначально также стоявшія въ синагогѣ, теперь находятся въ какой-то церкви. Входъ въ синагогу, также какъ и оправа ковчега, въ которомъ хранятся свитки Пятикнижія, состоятъ изъ мраморныхъ плитъ, украшенныхъ различною рѣзбой ²⁾.

Синагога эта несомнѣнно очень древняя. Въ сочиненіи профессора Хвольсона „Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма“ 1866 г., на стр. 140, упоминается, что „новая синагога новой нижней общины въ Каффы была освящена въ день новаго года 4610 по сотвореніи міра—850 г. по Р. Х., ... что Іосифъ сынъ Калеба, происходящій отъ священниковъ, которыхъ генеологія простирается до священника

¹⁾ Д. Е. Хвольсонъ. „Сборникъ еврейскихъ надписей“, 1884 г., стр. 194.

²⁾ По разсказу, слышанному мною отъ мѣстныхъ евреевъ, за достоверность котораго не ручаюсь, синагогой этой, по открытіи ея изъ-подъ земли, завладѣли караимы, какъ будто принадлежавшей когда-то караимской общинѣ; но когда впоследствии при синагогѣ была найдена миква (купальня), этимъ была доказана принадлежность синагоги евреямъ, такъ какъ только у евреевъ, а не у караимовъ, имѣется при синагогѣ миква, и синагога была передана евреямъ; бывшія же въ синагогѣ древнія рукописи и свитки Пятикнижія были забраны и отвезены еще раньше въ Петербургъ караимомъ Фирковичемъ.

Садока, отправлявшаго въ храмъ Божіемъ должность священника во время царя Соломона—да почіетъ онъ въ покоѣ,— подарилъ новой нижней общинѣ свитокъ Пятикнижія въ воскресенье, перваго числа седьмаго мѣсяца 4610 г. (=850 г. по Р. Х.), въ день освященія синагоги этой общины и обрѣзанія сына своего Хануки“. Относится ли это къ синагогѣ, о которой идетъ рѣчь теперь, сказать не могу. Точное указаніе на время основанія ея даютъ надписи, находящіяся въ самой синагогѣ и прекрасно сохранившіяся до настоящаго времени. Такихъ надписей двѣ: одна изъ нихъ высѣчена на мраморной доскѣ, на восточной стѣнѣ синагоги, и состоитъ изъ четырехъ строкъ, изъ которыхъ первыя двѣ замѣтнованы изъ притчей Соломона, а послѣднее слово 4-ой строки обозначаетъ дату; эта надпись изображена на таблицахъ перваго цитированнаго труда Хвольсона подъ № 133 и объяснена имъ на 195 страницѣ того-же сочиненія. Другая надпись находится надъ ковчегомъ, вырѣзана на деревянной доскѣ и состоитъ изъ трехъ строкъ, изъ которыхъ слова первой и послѣдней строкъ написаны крупнымъ каллиграфическимъ шрифтомъ, а второй—другимъ, совершенно отлѣннымъ, мелкимъ рукописнымъ шрифтомъ, обозначающимъ дату. Надпись эта изображена на таблицѣ № 127 и объяснена на стр. 196 того-же труда профессора Хвольсона.

Для того, чтобы понятны были эти даты, постараюсь, насколько хватитъ моихъ болѣе чѣмъ скромныхъ познаній, объяснить, какъ обозначаются даты въ рукописяхъ, книгахъ и памятникахъ у евреевъ. У евреевъ нѣтъ цифръ, какъ наши арабскія или римскія; ихъ замѣняютъ буквы алфавита, при чемъ буквъ алфавита хватаетъ для обозначенія всѣхъ единицъ и десятковъ, а сотенъ только до четырехъ; для обозначенія слѣдующихъ сотенъ пишутся рядомъ двѣ или нѣсколько буквъ, въ общей суммѣ составляющихъ требуемое число сотенъ, такъ: два *t* составляетъ 800, *t* и *g*—600, *t*, *g* и *k*—700 и т. д. Для тысячъ нѣтъ буквъ, а тысячи обозначаются значащими по-еврейски словами „алефъ, алуфимъ“, число же тысячъ—соотвѣтствующимъ еврейскимъ словомъ или буквой алфавита. Соотвѣтственно этому даты пишутся слѣдующимъ образомъ: или все число пишется полностью словами, т.-е. число тысячъ, сотенъ и пр. обозначаются соотвѣтствующими еврейскими словами; или же пишется только слово тысяча, тысячи—*alef*, *alufim*,—а число тысячъ обозначается буквой алфавита, обыкновенно *a*, *d* или *h*, сотни же, десятки и единицы числа обо-

значаются буквами алфавита; или же слово тысяча или тысячи обозначается начальной буквой слова „тысяча“—а, или же тысячи и числа тысячъ вовсе опускаются, какъ само собою разумѣющіяся, а сотни, десятки и единицы обозначаются, какъ при вышеописанномъ способѣ, соответственными буквами алфавита. Такъ въ настоящемъ тысячелѣтіи почти на всѣхъ памятникахъ опущены тысячи (5), какъ само собою разумѣющіяся. У Хвольсона описанъ одинъ памятникъ, о датѣ котораго полагаютъ, что опущены тысячи и сотни.

Покончивъ со способомъ обозначеніе чиселъ датъ, я долженъ объяснить, какія эры лѣтосчисления употребляются у евреевъ. Въ настоящее время употребляется эра отъ сотворенія міра; по этой эрѣ теперь 5660-й годъ. Какъ давно вошла въ употребленіе эта эра, не знаю; извѣстно, что она была извѣстна талмудистамъ, такъ какъ упоминается въ талмудѣ, но она не пользовалась правами гражданства—не была во всеобщемъ употребленіи; болыною же частью или, можетъ быть, единственно употреблялась эра Селевкидовъ, которая начинается съ 312—311 годъ до Р. X. Въ еврейскихъ надгробныхъ памятникахъ и въ припискахъ къ книгамъ Священнаго Писанія, найденныхъ караимомъ Фирковичемъ въ Крыму, употребляется эра „по нашему изгнаніи“; по мнѣнію Фирковича и первоначальному Хвольсона, эра эта начинается съ 696 года до Р. X. и относится къ Самаритянскому плѣненію; по измѣнившимся же впоследствии мнѣнію Хвольсона, начало ея относится къ 545 году—времени Вавилонскаго плѣненія. Но открытіямъ Фирковича не придается значенія достовѣрности, и нѣкоторые ученые, какъ напр. Гаркави, совершенно отрицаютъ существованіе этой эры и приписываютъ ее изобрѣтенію Фирковича.

На памятникахъ и въ рукописяхъ эра иногда обозначается, болыною же частью не обозначается; въ первомъ случаѣ она обозначается сейчасъ послѣ даты: иногда передъ датой. Иногда для обозначенія даты выбирается какой-нибудь стихъ, выраженіе изъ Священнаго Писанія, и на тѣхъ буквахъ послѣдняго, которыя должны обозначать дату, ставятся точки.

Примѣняя все вышесказанное о датахъ и эрахъ къ датамъ, найденнымъ въ сохранившихся надписяхъ въ Θεодосійской синагогѣ, найдемъ, что средняя строка надписи надъ ковчегомъ заключаетъ въ себѣ полную дату съ обозначеніемъ эры; въ переводѣ она значитъ: тысяча шестьсотъ двадцать эры Селевкидовъ, при чемъ тысяча обозначена еврейскимъ

словомъ тысяча—алефъ, шестьсотъ двадцать—буквами алфавита—с (20), т (400), г (200); по переводѣ этой даты на христіанскую эру, получимъ 1309 по Р. X. Что касается второй даты, на восточной стѣнѣ синагоги, то, какъ я уже выше упомянулъ, она обозначена въ послѣднемъ словѣ четверостишія точками на буквахъ с и г, что составляетъ с (20)+ г (200) = 220; эра не обозначена. Что это за число 220? Очевидно, тысячи опущены; прибавивъ недостающее число тысячъ, которое въ настоящемъ случаѣ можетъ быть 1, 4 или 5 тысячъ, получимъ 1220, 4220 или 5220. Въ такомъ случаѣ 1220 должно относиться къ эрѣ Селевкидовъ, а 4220 и 5220 къ эрѣ сотворенія міра: въ первомъ случаѣ 1220=909 по Р. X., въ остальныхъ случаяхъ 460 или 1460 по Р. X. Къ какому же изъ этихъ чиселъ относится наша дата 220? Обращаясь за разрѣшеніемъ этой задачи къ палеографическимъ даннымъ прифѣта, Хвольсонъ находитъ, что буквы h, k, g и пр., какъ они изображены на датѣ, относятся къ IX—XII вѣку по Р. X., а потому и дата 220 должна обозначать только 909 годъ, а не 460 или 1460 по Р. X., значить дату 220 надо читать 1220 по эрѣ Селевкидовъ. Да уже изъ того одного, что на одной датѣ обозначена эра Селевкидовъ, надо было полагать а priori, что и другая дата обозначена по той же эрѣ Селевкидовъ, и 220 надо было читать 1220 по эрѣ Селевкидовъ.

Что же это за двѣ даты 1220 и 1620 (т. е. 909 и 1309 по Р. X.)? Обращаясь за разрѣшеніемъ этого вопроса къ исторіи, Хвольсонъ приводитъ выписку изъ сочиненія W. Heyd'a: *Geschichte des Levantehandels im Mittelalter*, II, p. 172 и также *Anmerkung 1*: „Кафа въ 1308 году, въ царствованіе Тогтаи, была осаждена татарами, и гарнизонъ города, послѣ продолжительной храброй защиты его, отчаяваясь въ возможности дальнѣйшаго сопротивленія, зажечь городъ въ 1308 году 20-го мая, а самъ бѣжалъ“. Только послѣ того, конечно уже въ 1309 году, разрушенные дома и стѣны были снова построены ¹⁾.

На основаніи этой исторической справки Хвольсонъ полагаетъ, что синагога была построена въ 909 году, а реставрирована въ 1309 году по Р. X.

Представленные мною въ музей Таврической Ученой Архивной Коммиссіи два отрывка, взятые изъ сейчасъ описанной Феодосійской еврейской синагоги, составляютъ части свитковъ Пятикнижія. Изъ нихъ одинъ написанъ на пергаментѣ, другой на темной кожѣ. Верхніе края обоихъ отрывковъ ровны, и цѣль-

¹⁾ Хвольсонъ, I. с., стр. 196.

ность ихъ не нарушена; нижняго края недостаетъ; повидимому онъ оборванъ, обгрызанъ или обгорѣлъ. Сопоставляясь съ написаннымъ въ сохранившейся части обрывковъ текстомъ, можно заключить, что эти отрывки составляютъ только около половины первоначальной величины пергамента или кожи, а значить свитки имѣли ширину почти вдвое большую, сравнительно съ цѣльной частью отрывковъ. Текстъ пергамента принадлежитъ 2-й книгѣ, а кожи—5-й книгѣ Пятикнижія. Текстъ пергамента состоитъ изъ 4-хъ столбцовъ, изъ которыхъ 1-й начинается съ 21-го стиха 12-й главы 2-й книги, 2-й съ 41-го стиха той-же главы, 3-й съ 13-го стиха 13-й главы той-же книги, а текста 4-го столбца невозможно разобрать. Текстъ кожи состоитъ изъ трехъ столбцовъ, изъ которыхъ 1-й начинается съ 13-го стиха 31-й главы 5-й книги, 2-й—со стиха 42-го той-же главы, при чемъ конецъ 31-й главы и начало 32-й написаны болѣе мелкимъ шрифтомъ; текстъ начала 3-го столбца уничтоженъ.

Отрывокъ на кожѣ написанъ правильнымъ, можно сказать каллиграфическимъ, словно печатнымъ, квадратнымъ шрифтомъ, на пергаментѣ же—также квадратнымъ, но далеко не столь красивымъ и правильнымъ. Текстъ обоихъ отрывковъ не пунктированъ. Общій видъ письма указываетъ на то, что пергаментъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ кожа; за это говоритъ и характеръ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ: такъ въ буквѣ „кифъ“ лѣвая продольная пожка примыкаетъ къ верхней поперечной, въ буквѣ „гимель“ нижняя поперечная пожка стоитъ почти горизонтально, въ „гей“ (h) лѣвая продольная пожка доходитъ до верхней поперечной, а послѣдняя протянута влѣво за лѣвую продольную (хотя встрѣчаются буквы „гей“ другаго начертанія—съ лѣвой короткой пожкой). Характеръ этихъ буквъ, по Хвольсону, такой, какой встрѣчается на памятникахъ отъ IX до XII столѣтія, а потому можно предположить, что отрывокъ пергамента принадлежитъ свитку, написанному до XII—XIII столѣтія, а значить соответствуетъ періоду времени между основаніемъ и реставраціей синагоги; шрифтъ же кожного отрывка болѣе новый, значить и свитокъ, отъ котораго онъ взятъ, принадлежитъ болѣе позднему и, быть можетъ, даже очень недавнему (въ смыслѣ столѣтій) времени.

А. Гидалевичъ.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ
КОММИССИИ

за 1898-й годъ.

Со времени своего учрежденія Таврическая Ученая Архивная Коммиссія помѣщается въ зданіи Губернской Земской Управы. Настоящее помѣщеніе ея состоитъ изъ трехъ небольшихъ, съ низкими потолками комнатъ; оно недостаточно ни для размѣщенія въ немъ предметовъ древности, находящихся въ музей Коммиссіи, ни для цѣлесообразнаго устройства Историческаго архива, и крайне неудобно для занятій членовъ Коммиссіи. Кромѣ того, продолжительное пользованіе даже этимъ несоотвѣтствующимъ пуждамъ Коммиссіи помѣщеніемъ далеко не обезпечено, такъ какъ съ расширеніемъ дѣятельности Губернской Земской Управы она принуждена будетъ отказать Коммиссіи въ своемъ гостепріимствѣ.

Дѣятельность Коммиссіи по разсмотрѣнію предназначенныхъ къ уничтоженію архивныхъ дѣлъ разныхъ учрежденій выразилась въ истекшемъ году въ слѣдующемъ:

а) Согласно ходатайству Коммиссіи, на ея разсмотрѣніе препровождены были г. Предсѣдателемъ Симферопольскаго Окружнаго Суда описи и настольные реестры предназначенныхъ къ уничтоженію 28811 дѣлъ камеры прокурора этого суда съ 1869 по 1893 годъ. Эти описи и реестры были разсмотрѣны членами Коммиссіи А. О. Кашпаромъ, А. К. Романюкомъ и правителемъ дѣлъ, при чемъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что выборъ дѣлъ камеры прокурора для храненія въ архивѣ суда былъ сдѣланъ съ такою безукоризненною тщательностью, что членами Коммиссіи было указано изъ означенной массы дѣлъ кромѣ отобранныхъ судомъ только шесть дѣлъ, какъ заслуживающихъ храненія, которыя

и были, согласно заявленію Коммисіи, оставлены также на храненіи въ сосредоточенномъ архивѣ суда.

б) Членъ Коммисіи П. И. Поповъ разсмотрѣлъ опись 4519 дѣлъ архива Таврической Казенной Палаты, подлежащихъ уничтоженію, изъ которыхъ ни одно дѣло не признано заслуживающимъ храненія.

в) Членомъ Коммисіи П. И. Поповымъ были разсмотрѣны три описи дѣлъ архива Бессарабской Казенной Палаты, предназначенныхъ ею къ уничтоженію, — и изъ числа 3369 показанныхъ въ этихъ описяхъ дѣлъ признаны заслуживающими храненія 19 дѣлъ.

г) Правитель дѣлъ Коммисіи разсмотрѣлъ опись 87 предназначенныхъ къ уничтоженію дѣлъ той же Палаты, препровожденную на заключеніе Коммисіи, при чемъ заслуживающими храненія найдено 8 дѣлъ.

е) Членъ Коммисіи Э. Э. Лашковъ разсмотрѣлъ двѣ описи подлежащихъ уничтоженію дѣлъ Бессарабской Казенной Палаты, при чемъ изъ 1448 дѣлъ признаны заслуживающими храненія 5 дѣлъ.

Небольшое количество признанныхъ заслуживающими храненія дѣлъ архивовъ Таврической и Бессарабской Казенныхъ Палатъ, сравнительно съ общимъ числомъ ихъ по описямъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣлахъ, вошедшихъ въ означенныя описи, не представлялось никакихъ данныхъ, которые имѣли бы какое-либо значеніе для исторіи или характеристики жизни края.

Въ отчетномъ году Симферопольскимъ Окружнымъ Судомъ были препровождены на разсмотрѣніе Коммисіи: а) 33 реестра хранящихся въ архивѣ Суда уголовныхъ дѣлъ за 1879—1881 г.г. и гражданскихъ за 1874—1879 г.г.; б) 8 настоящихъ реестровъ уголовныхъ дѣлъ за 1878 г. и гражданскихъ за 1874; и в) 79 настоящихъ реестровъ архивныхъ дѣлъ суда: гражданскихъ съ 1881 по 1887 г. включительно и уголовныхъ съ 1882 по 1887 г.—съ просьбой дать свое заключеніе, какия изъ означенныхъ дѣлъ Коммисія признавала бы необходимымъ сохранить. Но такъ какъ эта масса дѣлъ (нѣсколько десятковъ тысячъ), не была разсмотрѣна еще самимъ судомъ, то Коммисія затруднилась дать свое заключеніе, основанное на разсмотрѣніи однихъ только препровожденныхъ реестровъ, и потому просила Судъ по разсмотрѣніи имъ самимъ этихъ архивныхъ дѣлъ и выдѣленіи изъ нихъ заслуживающихъ храненія по его усмотрѣнію, дѣла, которыя приз-

наны будутъ подлежащими уничтоженію, препроводить на разсмотрѣніе Коммисіи въ полномъ ихъ составѣ.

Заботы Коммисіи о сохраненіи памятниковъ древности въ Тавридѣ выразились въ истекшемъ году въ слѣдующихъ ея дѣйствіяхъ:

а) Испросивъ еще въ 1897 году разрѣшеніе г. Таврическаго Губернатора и согласіе Императорской Археологической Коммисіи на устройство въ Бахчисарайскомъ дворцѣ отдѣленія своего музея, Коммисія избрала во дворцѣ двѣ комнаты для помѣщенія въ нихъ предметовъ, касающихся исторіи и этнографіи крымскихъ татаръ. Въ виду однако перѣшеннаго вопроса о ремонтѣ ханскаго дворца, открытіе въ немъ означеннаго музея отложено Коммисіей на нѣкоторое время.

б) Согласно просьбѣ Таврическаго Губернскаго Правленія, указано значеніе въ археологическомъ отношеніи глиняной амфоры, найденной въ д. Кучукъ-Мускомья, Ялтинскаго уѣзда, и препровожденной на разсмотрѣніе Коммисіи.

в) Члены Коммисіи А. О. Кашпаръ, А. Г. Иваненко и правитель дѣлъ, обративъ вниманіе на слѣды древнихъ сооруженій въ ущельи Хаплы-дере въ Бахчисараѣ, произвели расчистку ближайшаго къ выходу изъ ущелья бугра отъ мусора, при чемъ открытъ былъ магометанскій мавзолей (тюрбе) XVII в., а можетъ быть и болѣе древній. Объ этомъ открытіи сообщено было Императорской Археологической Коммисіи, которая имѣетъ въ виду произвести въ этой мѣстности правильную раскопку.

г) Правитель дѣлъ былъ командированъ въ дер. Ени-Сала Феодосійскаго уѣзда, для осмотра находящихся тамъ развалинъ древней церкви, при чемъ осмотрѣлъ остатки древнихъ храмовъ, греческихъ и армянскихъ, также въ дер. Орталанѣ, Бакчи-Эли и Топлу Феодосійскаго уѣзда.

д) По ходатайству члена Коммисіи А. Л. Бертъе-Делагарда о необходимости принятія мѣръ къ сохраненію памятниковъ древности XII—XV вѣковъ въ д. Керменчикъ и Лака Ялтинскаго уѣзда, Біа-Сала и Шурю Симферопольскаго уѣзда, правитель дѣлъ Коммисіи былъ командированъ въ означенныя мѣстности для осмотра находящихся тамъ памятниковъ древности и принятія мѣръ къ ихъ охранѣ, и доставилъ въ музей Коммисіи четыре камня съ греческими надписями XIV вѣка, одинъ съ заслуживающими вниманія высѣченными

орнаментомъ и одинъ съ высѣченными изображеніями крестовъ.

Музей Коммисіи въ истекшемъ году продолжалъ пополняться главнымъ образомъ благодаря пожертвованіямъ Императорской Археологической Коммисіи и частныхъ лицъ, преимущественно членовъ Коммисіи. Въ цѣляхъ пополненія музея мѣстными памятниками древности, было испрошено распоряженіе Императорской Археологической Коммисіи на передачу въ музей Таврической Ученой Архивной Коммисіи дубликатовъ изъ Керченскаго и Херсонисскаго музеевъ, при чемъ завѣдующій послѣднимъ музеемъ г. Косцюшко-Валожницъ уже препроводилъ въ музей Коммисіи болѣе ста предметовъ древности.

Въ виду ограниченности средствъ Коммисіи, только самое небольшое количество предметовъ было приобрѣтено въ музей посредствомъ покупки. Изъ приобрѣтеній музея въ 1898 году особенно цѣнны могильные камни съ надписями XIV в. изъ д. Лака и Керменчикъ, а также пожертвованная почетнымъ членомъ Коммисіи А. Х. Стевенемъ фарфоровая копія знаменитой Чертомлыцкой вазы. Въ отчетномъ году было закончено опредѣленіе восточныхъ монетъ музея Коммисіи членомъ ея О. Ф. Ретовскимъ. Музей былъ открытъ для посѣщенія въ воскресные и праздничные дни отъ 12 до 2-хъ часовъ, и посѣтителей всегда бывало значительное число, при чемъ нѣкоторые посѣщали музей не только для обзоренія его, но и для занятій въ немъ и въ библіотекѣ.

Всего поступило въ музей въ отчетномъ году 583 монеты и 146 разныхъ предметовъ древности.

Коммисія продолжала обмѣшиваться своими изданіями со многими учеными учрежденіями и обществами, и путемъ этого обмѣна, а также пожертвованій членовъ Коммисіи продолжала пополняться и ея библіотека, въ которую въ отчетномъ году поступило 124 экземпляра книгъ и брошюръ.

Въ личномъ составѣ Коммисіи произошли въ 1898 году слѣдующія перемѣны. Товарищъ Предсѣдателя Коммисіи д. с. с. Н. А. Султанъ Крымъ-Гирей, состоящій на службѣ въ Тифлисѣ, избранъ въ почетные члены Коммисіи, въ Товарищи же Предсѣдателя избранъ членъ Коммисіи В. П. Ласковскій, который взялъ на себя и обязанности казначея. За выѣздомъ

изъ Симферополя на жительство за-границу А. О. Кашпара, завѣдующимъ музеемъ и библіотеккой Коммиссіи избранъ членъ Коммиссіи А. В. Ивановъ.

Въ члены Коммиссіи было избрано въ 1898 году *семь* лицъ.

Истекшій годъ омраченъ былъ кончиной нѣсколькихъ высокопочтенныхъ членовъ Коммиссіи. 6-го іюля 1898 года въ Бозѣ почилъ почетный членъ Коммиссіи высокопреосвященный Мартиніанъ, архіепископъ Таврической и Симферопольской, сочувственно относившійся къ дѣятельности Коммиссіи со времени ея открытія.

19-го августа 1898 года, послѣ продолжительной болѣзни, почилъ преосвященнѣйшій Михаилъ, епископъ Таврической и Симферопольской. Всего два года былъ онъ членомъ Коммиссіи, и не пришлось ему осуществить своего желанія—сообщить ей въ копіяхъ архивные матеріалы, касающіеся христіанства въ Тавридѣ и находящіеся въ Константинопольскомъ патріаршемъ архивѣ, но и самое уже живое сочувствіе къ нуждамъ Коммиссіи со стороны почившаго архипастыря всегда будетъ ей дорого и памятно.

23-го ноября 1898 года скончался въ Одессѣ почетный членъ Коммиссіи, заслуженный профессоръ Новороссійскаго Университета и вице-президентъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Владиславъ Норбертовичъ Юргевичъ. Въ теченіе сорока лѣтъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ дѣятелей этого Общества и обогатилъ науку многочисленными трудами по археологіи и исторіи Новороссійскаго края, и въ частности Тавриды.

28-го декабря истекшаго года скончался въ Одессѣ же престарѣлый членъ Коммиссіи Аполлонъ Александровичъ Скальковскій, Несторъ исторіи Новороссійскаго края, въ теченіе семидесяти лѣтъ неуспѣшно трудившійся на поприщѣ изслѣдованія его исторіи и статистики и первый изслѣдователь ея архивныхъ матеріаловъ.

17-го апрѣля 1898 года умеръ болѣе скромный, но весьма полезный членъ Коммиссіи, Инспекторъ Симферопольскаго духовнаго училища Анатолій Николаевичъ Феноменовъ, всегда находившій время для разбора архивныхъ дѣлъ среди своихъ служебныхъ обязанностей.

Въ отчетномъ году состоялось шесть засѣданій Коммиссіи, въ которыхъ, кромѣ обсужденія текущихъ дѣлъ, сдѣлано было шесть крупныхъ и нѣсколько мелкихъ сообщеній, напечатанныхъ въ №№ 28 и 29 „Извѣстій“ Коммиссіи.

Средства Комиссии, какъ видно изъ слѣдующей вѣдомости, не улучшились и въ истекшемъ году и состояли почти исключительно изъ пособія Таврическаго Губернскаго Земства и пожертвованій г.г. членовъ губернскаго земскаго собранія. Этимъ недостаткомъ средствъ обуславливается въ значительной степени и менѣе широкая и энергичная, чѣмъ слѣдовало бы, дѣятельность Комиссии по изслѣдованію и предохраненію отъ разрушенія и гибели памятниковъ древности въ краѣ, особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, болѣе отдаленныхъ отъ вниманія мѣстныхъ членовъ Комиссии.

ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ ВѢДОМОСТЬ
за 1898 годъ.

Оставалось отъ 1897 года 198 р. 91 к.

Поступило въ 1898 году:

1. Пожертвованій и членскихъ взносовъ	299 р. — к.
2. Пособіе отъ Губернскаго Земства	300 р. — к.
3. Отъ продажи „Извѣстій“ Комиссии	42 р. — к.
4. Случайныхъ поступленій	2 р. 75 к.

Итого въ 1898 г. приходъ . . . 643 р. 75 к.

Въ теченіе 1898 года израсходовано:

1. На печатаніе „Извѣстій“ Комиссии	461 р. — к.
2. На устройство музея и переплеты	49 р. 53 к.
3. На перевозку и покупку муз. вещей	12 р. 15 к.
4. На раскопки и командировки членовъ	46 р. 77 к.
5. На наемъ сторожа и содержаніе помѣщенія	37 р. 90 к.
6. Почтовые и канцелярскіе расходы	25 р. 3 к.
7. Случайные расходы	2 р. — к.

Итого въ 1898 г. расходъ . . . 634 р. 38 к.

Въ остаткѣ за 1898 годъ. 9 р. 37 к.

А всего въ остаткѣ на 1899 годъ . . . 208 р. 28 к.

И з ъ н и х ъ:

Членскій взносъ въ Об-въ Взаимн. Кредита . . 25 р. — к.

На текущемъ счету въ Об-въ Взаимн. Кредита.	70 р. — к.
Въ наличныхъ деньгахъ	113 р. 28 к.
	<hr/>
Итого	208 р. 28 к.

Правитель дѣлъ
Таврической Ученой Архивной Коммисіи
Арсеній Маркевичъ.

ПРОТОКОЛЫ

Засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Засѣданіе 27-го марта 1899 года.

Подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Коммиссіи В. П. Ласковскаго присутствовали г.г. члены: П. С. Грушинскій, А. В. Ивановъ, Аблякимъ Куламетъ-оглу эфенди, Ф. Я. Ребець, А. К. Романюкъ, И. М. Сочевановъ и правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ.

I. Читанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Постановлено: протоколъ утвердить.

II. Доложено письмо г. Товарища Предсѣдателя Коммиссіи Н. А. Султанъ Крымъ-Гирея отъ 26-го января этого года, въ которомъ Его Превосходительство выражаетъ глубокую признательность за избраніе его въ почетные члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

III. Доложено письмо дѣлопроизводителя Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ С. С. Слущкаго съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Доложено отношеніе Предварительнаго Комитета по Кіевскому Археологическому Съѣзду отъ 20-го января сего года за № 127, съ просьбой доставить ему краткій отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за послѣдніе три года, съ цѣлію составленія къ Кіевскому Съѣзду общаго обзора дѣятельности архивныхъ коммиссій, а также выработать проектъ правилъ по вопросу о томъ, какія дѣла могутъ подлежать уничтоженію, и какія должны оставаться на храненіи въ качествѣ историческаго матеріала.

Постановлено: представить въ Предварительный Комитетъ по Кіевскому Съѣзду отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за послѣдніе годы; что же касается проекта инструкціи относи-

тельно выдѣленія старыхъ дѣлъ на храненіе, увѣдомить Комитетъ, что за краткостью времени остающагося до Съѣзда, подобная инструкція не можетъ быть выработана Коммисією въ настоящее время.

V. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 1-го февраля сего года за № 333 съ препровожденіемъ нижеслѣдующаго проекта профессора Д. Я. Самоквасова централизаціи архивовъ въ Россіи, съ просьбой доставить отзывъ о немъ въ возможно непродолжительное время. Въмѣстѣ съ тѣмъ Императорское Московское Археологическое Общество препроводило выработанныя его Археографической Коммисіей вопросныя пункты для описанія архивовъ, съ просьбой сообщить на нихъ отвѣты и свѣдѣнія.

„По предложенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и состоящей при немъ Археографической Коммисіи профессоръ Д. Я. Самоквасовъ принялъ на себя составленіе для предстоящаго въ августѣ с. г., въ г. Кіевѣ, XI Археологическаго Съѣзда доклада о состояніи архивнаго дѣла въ Россіи и соотвѣтствующихъ научнымъ требованіямъ времени мѣрахъ организаціи архивовъ.

По проекту профессора Самоквасова основанія сего должны заключаться въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ, уже разработанныхъ раньше Высочайше учрежденной въ 1873 году Коммисіей объ устройствѣ архивовъ, труды коей изданы въ кн. I „Сборника Археологическаго Института“, и дополненныхъ докладчикомъ, а именно:

1. Учредить состоящей при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія *центральный органъ управленія архивами* государственныхъ и общественныхъ учреждений Россійской имперіи (на основ. „Положенія о Главной Архивной Коммисіи“, проектъ Высочайше учр. Коммисіи 1873 г., Сборн. Инст., отд. 3, стр. 46).

2. Дѣлопроизводства по 1800 годъ включительно упраздненныхъ и дѣйствующихъ *столичныхъ* правительственныхъ и общественныхъ *учрежденій*, за исключеніемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, уже обладающаго благоустроеннымъ центральнымъ архивомъ, *сосредоточить въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи*, владѣющемъ нынѣ обширнымъ помѣщеніемъ, специально построеннымъ и приспособленнымъ для хра-

ненія древнихъ актовъ (предл. Высочайше учр. Коммиссіи 1873 г., засѣд. 24 фаврала 1875 г.).

3. *Уредить въ центральныхъ городахъ учебныхъ округовъ, за исключеніемъ столичныхъ городовъ и городовъ: Кіева, Вильны и Варшавы, гдѣ архивы древнихъ актовъ уже существуютъ, мѣстные центральные архивы древнихъ актовъ и сосредоточить въ нихъ дѣлопроизводства по 1800 годъ всѣхъ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений (засѣд. Высочайше учр. Коммиссіи 1873 г., 19 ноября 1874 г.).*

4. *Дѣлопроизводства по рѣшеннымъ дѣламъ высшихъ и центральныхъ учреждений Имперіи истекающаго столтія сосредоточить въ Архивъ Государственнаго Совѣта, владѣющимъ нынѣ обширнымъ помѣщеніемъ, построеннымъ и приспособленнымъ специально для храненія архивныхъ матеріаловъ (предл. Высочайше учр. Коммиссіи 1873 г., засѣд. 10 мая 1874 г.).*

5. *Уредить въ губернскихъ городахъ мѣстные центральные архивы и сосредоточить въ нихъ дѣлопроизводства губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений истекающаго столтія (предл. Высочайше учр. Коммиссіи 1873 г., засѣд. то же).*

6. *Снабдить всѣ центральные архивы древнихъ и новыхъ актовъ дѣлопроизводства правительственныхъ и общественныхъ учреждений помѣщеніями, приспособленными для храненія рукописей.*

7. *Снабдить всѣ центральные архивы штатами, проектированными для центральныхъ архивовъ Высочайше учрежденной Коммиссіей 1892 года.*

8. Нынѣ существующія мѣстныя ученія архивныя коммиссіи соединить съ проектируемыми центральными архивами.

Обсудивъ изложенный проектъ централизаціи архивовъ, Императорское Московское Археологическое Общество, въ засѣданіи своемъ 13-го сего января, постановило:

а) Напечатать основанія проекта и разослать завѣдующимъ архивами и археографическими и учеными архивными коммиссіями, а равно г.г. профессорамъ кафедръ русской исторіи и исторіи русскаго права.

б) По возвращеніи изъ-за границы проф. Д. Я. Самоквасова, командированнаго по Высочайшему повелѣнію для обозрѣнія архивовъ западно-европейскихъ государствъ, созвать при Обществѣ совѣщательное собраніе архивистовъ для детальной обработки проекта организаціи архивнаго дѣла въ Россійской имперіи.

в) Срокомъ для представленія Императорскому Московскому Археологическому Обществу отзывовъ и отвѣтовъ по вышеизложеннымъ основаніямъ доклада проф. Самоквасова назначить 10 марта с. г.

Сверхъ вышеизложеннаго Общество имѣеть честь приложить при семъ выработанные его Археографической Комиссіей вопросы пункты по собиранію свѣдѣній объ архивахъ, покорнѣйше прося не отказать ему въ сообщеніи отвѣтовъ и свѣдѣній въ порядкѣ указанныхъ пунктовъ.

Вопросы для описанія архивовъ.

- 1) **Названіе архива?**
- 2) **Гдѣ находится архивъ (губернія, уѣздъ, городъ, волость, село, деревня, усадьба, монастырь, церковь и пр.)?**
- 3) **Какого онъ вѣдомства (принадлежитъ правительственному, общественному учрежденію, частному лицу, церкви, монастырю)?**
- 4) **Каково зданіе архива:**
 - a) казенное, частное?
 - b) каменное, деревянное?
 - c) сколько комнатъ?
 - d) свѣтло ли и сухо?
 - f) безопасно ли въ пожарномъ отношеніи?
- 5) **Если особаго зданія нѣтъ, то гдѣ помѣщается архивъ (въ башнѣ, колокольнѣ, чердакѣ, сараѣ)?**
- 6) **Каковъ личный составъ архива:**
 - a) сколько человекъ заняты исключительно архивомъ?
 - b) штатный ли составъ или по найму?
 - c) есть ли отдѣльное лицо (архивариусъ), завѣдующее архивомъ?
 - d) если нѣтъ, то—кто именно завѣдуетъ?
 - e) полагаются ли сторожа и сколько ихъ?
- 7) **Каковъ ежегодный расходъ на содержаніе лицъ, служащихъ въ архивѣ? Если лицъ нѣсколько, то—сколько получаетъ каждый?**
- 8) **Сколько расходуется на содержаніе помѣщенія архива (отопленіе, освѣщеніе, хозяйственные и канцелярскіе расходы)?**
- 9) **Способы храненія дѣлъ (полки, коробка, шкафы, сундуки, мѣшки, свалены въ кучи)?**
Если на полкахъ и въ шкафахъ, то—какъ они устроены?
- 10) **Формы рукописей:**
 - a) столбцы, книги, вязки, дѣла въ оберткахъ, картонахъ, конвертахъ, безъ обертокъ?

- b) есть ли переплетенныя въ книги?
- c) какъ велики на масть вязки и картоны?
- d) есть ли общая нумерація вязкамъ и картонамъ?

11) Каково количество дѣлъ?

- a) по описи—если есть.
- b) приблизительно, сотни, тысячи, десятки тысячъ номеровъ: книгъ, столбцовъ, отдѣльныхъ актовъ.

12) Если есть опись, то:

- a) существуетъ ли она отдѣльной книгой?
- b) или—написана на ярлыкахъ при дѣлахъ?
- c) когда и къмъ и по какому поводу она составлена?

Прим. Желательно составить изъ дѣлъ архива выписку, какія правила указаны были для описей. Если планъ составленія мѣнялся, то желательна выписка о каждомъ планѣ описи.

- d) все ли документы архива вошли въ опись?
- e) если не все, то какихъ больше—описанныхъ или не описанныхъ?
- f) есть ли составленные алфавиты и какъ они составлены (по фамилиямъ, мѣстностямъ, содержаніямъ дѣлъ)?
- g) есть ли общій алфавитъ всему архиву или его отдѣламъ?

Прим. Нельзя ли доставить въ Коммиссію нѣсколько копій съ отрывковъ этихъ описей и алфавитовъ?

13) Нѣтъ ли книгъ, документовъ и дѣлъ XVI, XVII и XVIII вв.?

Если есть, то желателенъ перечень ихъ по содержанію (м.-б. въ ихъ числѣ находятся книги св. писанія, бого-служебныя, историческія?).

14) Находятся ли въ архивѣ документы съ 1800 г. до настоящаго времени и сколько ихъ?

15) Нѣтъ ли среди дѣлъ архива:

- a) предметовъ древности?
- b) писемъ государственныхъ и должностныхъ лицъ?
- c) старинныхъ картъ и плановъ?

16) Продолжаютъ ли поступать въ архивъ документы. или пріемъ ихъ уже прекратился?

17) Если пріемъ прекращенъ, то—съ какого времени?

18) Если же документы продолжаютъ поступать, то—имѣтъ указанія, насколько возможно:

- a) сколько принимается ихъ въ годъ?
- b) изъ какихъ вѣдомствъ, канцелярій, учреждений?

19) Не хранятся ли въ архивѣ документы, попавшіе какъ-нибудь отъ частныхъ лицъ?

О нихъ желательны болѣе подробныя свѣдѣнія.

- 20) Хранятся ли въ архивѣ дѣла только того вѣдомства, отъ котораго онъ зависитъ, или въ немъ находятся дѣла другихъ учреждений, канцелярій?
- Если находятся, то—какихъ именно?
- 21) Нѣтъ ли въ архивѣ документовъ изъ учреждений уже несуществующихъ (упраздненныхъ): напр. управы благочинія, земскихъ судовъ, расправы, шестигласной думы и пр.?
- 22) Если документы уничтожались, то:
- а) продавались ли?
 - б) вовсе—истреблялись?
 - в) и то и другое—съ чьего разрѣшенія?
 - г) виды уничтоженныхъ дѣлъ (вѣка, учрежденія)?
- 23) Не передавались ли изъ архива дѣла, и какія именно, въ другіе архивы, учрежденія, канцеляріи?
- Если передавались, то—временно или на постоянное храненіе?
- 24) Нельзя ли сообщить указаній о такихъ распоряженіяхъ правительства и мѣстнаго начальства, которыя касаются только архива (правила о храненіи, описаніи, уничтоженіи документовъ, о сдачѣ дѣлъ въ архивъ и проч. свѣдѣній по исторіи архива)?

Прим. Желательно знать, открытъ ли архивъ для ученыхъ занятій, какія на этотъ счетъ правила, и бываютъ ли (или бывали), и въ какомъ числѣ, лица для ученыхъ занятій въ архивѣ?⁶⁶

Постановлено: увѣдомить Императорское Московское Археологическое Общество, что Коммиссія вполне раздѣляетъ проектъ профессора Д. Я. Самогвасова, и доставить Обществу свѣдѣнія по означеннымъ вопросамъ пунктамъ относительно состава и состоянія архива Коммиссіи.

VI. Доложено отношеніе Московскаго Отдѣла Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора отъ 10-го марта сего года за № 40 съ просьбой о высылкѣ изданій Коммиссіи, по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ.

Постановлено: Высылать „Извѣстія“ Коммиссіи, начиная съ № 29-го.

VII. Доложено отношеніе Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи съ просьбой высылать ей изданія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Постановлено: высылать Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи „Извѣстія“, начиная съ № 29-го.

VIII. Доложено отношеніе г. Предсѣдателя той-же Коммисіи отъ 12-го февраля сего года за № 246 съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о порядкѣ изданія трудовъ Таврической Ученой Архивной Коммисіи.

Постановлено: доставить означенныя свѣдѣнія.

IX. Доложено отношеніе Библиотечной Коммисіи Императорскаго Университета Св. Владиміра отъ 24-го декабря 1898 года за № 38 съ просьбой высылать „Извѣстія“ Коммисіи въ обмѣнъ на „Извѣстія“ означеннаго Университета.

Постановлено: высылать въ бібліотеку Университета Св. Владиміра „Извѣстія“ Коммисіи, начиная съ № 29-го, въ обмѣнъ на „Извѣстія“ означеннаго Университета.

X. Доложено отношеніе Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ отъ 17-го марта 1899 года за № 168, съ препровожденіемъ изданныхъ ею томовъ I—III-го „Памятниковъ“.

Постановлено: благодарить за присылку этого цѣннаго изданія.

XI. Правитель дѣлъ доложилъ письмо къ нему почетнаго члена Коммисіи А. Х. Стевена отъ 21 декабря 1898 г. съ сообщеніемъ о высылкѣ для музея Коммисіи фарфоровой копии знаменитой серебряной вазы, найденной въ 1863 г. И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ на Днѣпрѣ и хранящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. При этомъ правитель дѣлъ доложилъ, что тотчасъ по полученіи вазы Его Превосходительству А. Х. Стевену была выражена благодарность отъ имени Коммисіи за это цѣнное пожертвованіе для ея музея.

Постановлено: драгоценный подарокъ А. Х. Стевена помѣстить въ музей въ особой витринѣ.

XII. Доложено препровожденное г. Директоромъ народныхъ училищъ Таврической губерніи „Положеніе о Съѣздахъ (конгрессахъ) на всемірной выставкѣ 1900 года въ Парижѣ“.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XIII. Доложено сообщеніе учителя народнаго училища Д. Я. Сердюкова: „Чмырева могила“, со свѣдѣніями о раскопкѣ этого кургана профессоромъ Ѡ. А. Браунномъ.

Постановлено: благодарить за сообщеніе и напечатать его въ „Извѣстіяхъ“ Коммисіи.

XIV. Правитель дѣлъ заявилъ о томъ, что Коммисіи слѣдовало бы принять посильное участіе въ чествованіи памяти А. С. Пушкина, по случаю предстоящей столѣтней го-

довщины со дня его рожденія. Это предложеніе было принято съ горячимъ сочувствіемъ, и постановлено: а) устроить 25-го или 26-го мая торжественное засѣданіе Коммиссіи, съ участвіемъ публики и б) просить правителя дѣлъ изготovitъ къ этому случаю соотвѣтственную рѣчь, на что правитель дѣлъ заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ исполнитъ порученіе Коммиссіи и прочтетъ рѣчь на тему: „А. С. Пушкинъ и Крымъ“. Составленіе подробной программы торжественнаго засѣданія Коммиссіи постановлено отложить до слѣдующаго засѣданія.

XV. По предложенію правителя дѣлъ постановлено обратиться къ Его Преосвященству Епископу Таврическому и Симферопольскому съ просьбой принять званіе почетнаго члена Коммиссіи.

XVI. Предложены въ члены Коммиссіи правителемъ дѣлъ слѣдующія лица:

Профессоръ Новороссійскаго Университета *Эрнстъ Романовичъ фонъ-Штеризъ*, академикъ *Никодимъ Павловичъ Кондаковъ*, профессоръ Московскаго Университета *Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ*, Товарищъ Предсѣдателя Симферопольскаго Окружнаго Суда *Иванъ Антоновичъ Выставкинъ* и учитель *Демьянъ Яковлевичъ Сердюковъ*,

XVII. А. К. Романюкъ заявилъ о разсмотрѣнной имъ описи 658 дѣлъ пристава 2-го стана Симферопольскаго уѣзда съ 1856 по 1899 годъ, при чемъ только одно оказалось заслуживающимъ храненія, именно дѣло № 78 1866 года „О дозволеніи купцу Козьмѣ Щетинину занятья вытаскиваніемъ изъ моря вещей“.

Постановлено: возвратить означенную опись съ просьбой о препровожденіи въ Коммиссію означеннаго дѣла на храненіе.

XVIII. Г. Товарищъ Предсѣдателя Коммиссіи В. П. Ласковскій сдѣлалъ подробный докладъ о разсмотрѣнннхъ имъ описей Ялтинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, и представилъ результаты своего труда въ слѣдующей таблицѣ:

Просмотрѣно описей:

	Число описей.	Число дѣлъ.	Оставить на храненіи.
Общаго архива Ялтинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія. 1869—1879 г. вкл.	1	5400	1066

Гражданскаго стола Ялтинскаго уѣзднаго полиц. управленія. 1880—1886 г. вкл.	6	407	118
Уголовнаго стола Ялтинскаго уѣзднаго полиц. управленія. 1880—1886 г. вкл.	2	289	73
Арестнаго стола Ялтинскаго уѣздн. полиц. управленія. 1879—1888 г. вкл.	1	49	17
Пристава 1 участка г. Ялты. 1882—1892 г. вкл.	2	112	13
Пристава 2 участка г. Ялты. 1881—1886 г. вкл.	6	87	5
Завѣдующаго Ялтинскимъ арестантскимъ помѣщеніемъ. 1881—1886 г. вкл.	1	25	1
Пристава 1 стана Ялтинскаго уѣз. 1880—1889 г. вкл.	1	361	107
Пристава 2 стана Ялтинскаго уѣз. 1880—1886 г. вкл.	1	259	65
Ялтинскаго уѣздн. исправника. 1880—1890 г. вкл.	4	503	292
Пристава г. Карасубазара 1883—1892 г. вкл.	1	187	27
Ѳеодосійскаго уѣздн. полицейскаго управленія. 1871—1879 г. вкл.	1	1536	231
Пристава 2 стана Ѳеодос. уѣзда 1864—1870 г. вкл., 1871—1874 г. вкл.		137	32
	27	9352	2039

Постановлено: возвратить означенныя описи съ просьбой о препровожденіи въ Коммиссію отмѣченныхъ дѣлъ, какъ заслуживающихъ храненія въ Историческомъ архивѣ.

XVIII. Г. Товарищъ Предсѣдателя Коммиссіи представилъ для храненія въ музей Таврической Ученой Архивной Коммиссіи „книгу (рукописную, на татарскомъ языкѣ) на записку вакуфныхъ имуществъ, капиталовъ и судебныхъ дѣлъ по городу Евпаторіи“. Эта книга разсмотрѣна членомъ Коммиссіи Измаиломъ мурзою Гаспринскимъ, который въ докладѣ о ней

Коммисіи сообщаетъ слѣдующее: „Эта книга представляетъ: а) списокъ вакуфныхъ недвижимостей, приписанныхъ мечетямъ и медресе г. Евпаторіи; б) записи о небольшихъ денежныхъ суммахъ, по счету на пластры, пожертвованныхъ разными лицами на поминованіе, освѣщеніе мечетей и ихъ ремонтъ; в) протоколы судебныхъ и бракоразводныхъ дѣлъ, представляющіе главный матеріалъ книги, въ коей записи о вакуфахъ разбросаны въ безпорядкѣ. Книга не имѣетъ особой помѣты о времени своего начала, ни названія“. Перечисливъ вакуфныя недвижности, означенныя въ книгѣ болѣе или менѣе ясно, г. Гаспринскій замѣчаетъ, что все записи въ книгѣ относятся къ началу настоящаго столѣтія и лишь немногія къ ближайшему времени.

Постановлено: благодарить В. П. Ласковскаго за передачу на храненіе въ музей Коммисіи означенной книги, а г. Гаспринскаго за трудъ разсмотрѣнія и описанія ея.

XIX. Доложено о книгахъ и брошюрахъ, поступившихъ въ бібліотеку Коммисіи.

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: т. IX, № 5, т. X, №№ 1 и 2 ея „Извѣстій“.

2. Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: а) т. XXI-й его „Записокъ“; б) Отчетъ о дѣятельности его за 1897 годъ.

3. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: „Матеріалы по Археологіи Кавказа“, вып. VI; б) „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“ № 11—12 за 1898 г. и 1—2 за 1899 годъ.

4. Отъ Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ издаваемые ею „Памятники“, т. 1—11 и III, изд. 2-ое.

5. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: № 5-й „Ученыхъ Записокъ“ его за 1898 г. и № 1-й за 1899 годъ.

6. Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: его „Извѣстія“ т. XIV, вып. 5 и вып. 6; т. XV, вып. 1—2: „Бытъ Калмыковъ Ставропольской губерніи“, изслѣдованіе Я. П. Дубровы.

7. Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества: т. XI-ый его „Сборника“.

8. Отъ Русскаго Археологическаго Иститута въ Константинополѣ: т. III-й его „Извѣстій“.

9. Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммисіи: т. XIII, вып. 2 и вып. 3-й ея „Трудовъ“ за 1899 г.

10. Отъ Ярославской Ученой Архивной Коммисіи: а)

Отчетъ о дѣятельности ея за 1896—1898 г.г.; б) Описание русскихъ монетъ ея музея, пожертвованныхъ И. А. Вахромѣвымъ; в) Дѣятели Ярославскаго Края. Сост. Головщиковъ. Вып. 1; г) Мелочи Ярославской Исторіи XVIII и XIX вѣковъ. Мизинова; д) Упраздненные храмы въ б. Борисоглѣбскомъ приходѣ г. Ярославля, прот. Израилева; е) О находкѣ мамонта въ дилловіи г. Ярославля на берегу р. Волги. Бруно Доссъ, пер. Берентса; ж) Отчетъ о раскопкахъ въ Ярославской губ. и уѣздѣ, Ил. А. Тихомірова.

11. Отъ Калужской Ученой Архивной Коммисіи: вып. 7—8 и 9—10 ея „Извѣстій“ 1898 г.

12. Отъ Оренбургской Ученой Архивной Коммисіи: вып. IV-ый ея „Трудовъ“.

13. Отъ Науковаго Товариства имени Шевченка, т. XXVII, кн. I. его „Записокъ“ 1899 г.

14. Отъ Крымскаго Горнаго Клуба: № 1-ый его „Записокъ“ за 1899 г.

15. Отъ Севастопольской морской офицерской библіотеки: отчетъ за 1897 г.

16. Отъ Директора народныхъ училищъ Таврической губерніи: „Положеніе о Съѣздахъ“ (конгрессахъ) на всемирной выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ.

17. Отъ проф. В. Д. Смирнова его трудъ: „Турецкія легенды о святой Софіи и о другихъ Византійскихъ древностяхъ“. Спб. 1898 г.

18. Отъ В. В. Латышева его статья: „Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ изъ Крыма“. Одесса 1898 г.

19. Отъ Н. Н. Оглоблина: „Изъ жизни Кіевской губерніи конца прошлаго вѣка“. Кіевъ 1898 г.

20. Отъ П. П. Короленка: „Путешествіе Н. И. Гаджанова по Арменіи въ 1804 г.“. Одесса 1899 г.

Постановлено: благодарить за означенныя пожертвованія для библіотеки Коммисіи.

XX. Доложено о поступившихъ въ музей Коммисіи слѣдующихъ предметахъ древности:

а) Пожертвована А. Х. Стевеномъ фарфоровая копія Чертомлыцкой вазы.

б) Куплены у крестьянина Пашковскаго, найденные на Неаполисѣ слѣдующіе предметы древности: 4 браслета мѣдныхъ, 1 фибула мѣдная, 32 бусы, куски фибулъ, обломки перержавѣвшихъ пожей за 1 руб. и глиняная урна за 1 рубль.

Постановлено: вещи передать въ музей и расходъ утвердить.

Засѣданіе 12-го мая 1899 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Комиссіи А. П. Ильина присутствовали г.г. члены: кафедральный протоіерей Пазаревскій, А. Л. Высотскій, П. С. Грушинскій, А. В. Ивановъ, Р. Г. Касабовъ, Ф. Ф. Лашковъ, Д. С. Матвѣевъ, Измаилъ мурза Муфтіязадѣ, С. А. Пласкишъ, П. Н. Поповъ, М. О. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, А. А. Смирновъ и правитель дѣлъ Арс. П. Маркевичъ.

I. Читашъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Постановлено: протоколъ утвердить.

II. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Предварительнаго Комитета по XI Кіевскому Археологическому Съѣзду отъ 28-го марта сего года за № 494, съ просьбой принять участіе въ созываемомъ 1-го августа сего года въ г. Кіевѣ XI-мъ Археологическомъ Съѣздѣ назначеніемъ делегатовъ.

Постановлено: благодарить Императорское Московское Археологическое Общество за означенное приглашеніе и просить принять участіе въ XI-мъ Археологическомъ Съѣздѣ, въ качествѣ делегатовъ Комиссіи, слѣдующихъ ей членовъ: профессоровъ Н. И. Веселовскаго, Ал. И. Маркевича, Ю. А. Кулаковскаго, а также г.г. О. Ф. Ретовскаго, Х. П. Яцуржинскаго и правителя дѣлъ Комиссіи.

III. Доложено отношеніе Императорской Археологической Комиссіи отъ 28-го марта сего года за № 425, съ препровожденіемъ въ даръ Таврической Ученой Архивной Комиссіи пятнадцати серебряныхъ юзльковъ турецкаго султана Селима III-го, чеканенныхъ въ Константинополѣ, изъ числа найденныхъ въ 1898 году въ селеніи Бріентъ, Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской губерніи.

Постановлено: выразить Императорской Археологической Комиссіи искреннюю признательность за означенное пожертвованіе.

IV. Доложено письмо преосвященнѣйшаго Николая, епископа Таврическаго и Симферопольскаго, отъ 8-го апрѣля сего года за № 377 съ выраженіемъ согласія Его Преосвященства принять званіе почетнаго члена Комиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Обсуждался вопросъ объ участіи Комиссіи въ предстоящемъ чествованіи памяти великаго русскаго поэта А. С. Пушкина, по случаю столѣтія со дня его рожденія, и по одобре-

ни конспекта рѣчи правителя дѣлъ, составленной къ произнесению въ засѣданіи Коммисіи, а) *постановлено*: 25-го мая, наканунѣ знаменательнаго дня рожденія поэта, въ 1 часть дня, почтить его память торжественнымъ публичнымъ засѣданіемъ Коммисіи, на которое пригласить Его Превосходительство г. Непремѣннаго Попечителя Коммисіи Таврическаго Губернатора П. М. Лазарева и Преосвященнаго Николая епископа Таврическаго; б) просить Таврическую Губернскую Земскую Управу уступить на этотъ день большой залъ ея для засѣданія Коммисіи; в) для свѣдѣнія публики напечатать объявленіе о днѣ и часѣ засѣданія въ мѣстныхъ газетахъ.

VI. Поступили въ бібліотеку Коммисіи слѣдующія книги:

1. Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ т. XV, вып. 3-ій его „Извѣстій“ 1899 года.

2. Отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи: Отчетъ за 1898 годъ.

3. Отъ Калужской Ученой Архивной Коммисіи: Вып. 11—12 „Извѣстій“ за 1898 годъ.

4. Отъ Симбирской Ученой Архивной Коммисіи: Отчетъ о дѣятельности ея за 1898 годъ.

5. Отъ Костромской Ученой Архивной Коммисіи: журналъ засѣданія 25-го мая 1898 года и отчетъ ея за 1897 г.

6. Отъ Крымскаго Горнаго Клуба № 2-й „Записокъ“ его за 1899 годъ.

7. Отъ Науковаго Товариства имени Шевченки: кн. II-я его Записокъ за 1899 годъ.

8. Отъ Одесской Городской Публичной бібліотеки: Отчетъ за 1898 годъ.

9. Отъ С. А. Селиванова его актовая рѣчь: „О Херсонисѣ Таврическомъ“.

10. Отъ А. Л. Бертъе-Деларгарда брошюра: Керменчикъ (Крымская глушь).

11. Отъ проф. Нидерле: „Věstnik Slovanských Star, zítčnosti“. Svazek II. Praha 1899 года.

12. Отъ А. В. Иванова: рецензія труда Епископа Михаила Таврическаго: „Воскресная Ночь“.

Постановлено: благодарить за присылку означенныхъ книгъ и статей.

Засѣданіе 25-го мая 1899 года.

Подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Попечителя Комиссіи г. Таврическаго Губернатора Шталмейстера Двора Его Величества П. М. Лазарева, присутствовали: Преосвященный Николай Епископъ Таврической и Симферопольской, Предсѣдатель Комиссіи А. Н. Ильинъ, г.г. члены: кафедральный протоіерей Назаревскій, А. Л. Высотскій, С. П. Грушинскій, А. Н. Дьяконовъ, А. В. Ивановъ, С. Θ. Коропачинскій, Аблякимъ Куламетъ-оглу эфенди, Д. С. Матвѣевъ, С. А. Мокржецкій, Измаиль мурза Муфтіязде, А. О. Народоставскій, С. А. Плаксинъ, П. И. Поповъ, А. К. Ромашукъ, А. И. Съницкій, Ф. А. Шпигель и правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ.

Засѣданіе происходило въ большомъ залѣ Таврической Губернской Земской Управы, въ которомъ находился красиво драпированный и убранный тропическими растеніями бюстъ величайшаго русскаго поэта А. С. Пушкина. Въ аванзалѣ и боковой залѣ за колоннами размѣстилась публика.

Ровно въ часъ дня Его Превосходительство г. Непремѣнный Попечитель Комиссіи объявилъ торжественное засѣданіе Таврической Ученой Архивной Комиссіи, по случаю наступающаго столѣтія со дня рожденія великаго поэта А. С. Пушкина, открытымъ, послѣ чего предсѣдатель Комиссіи А. Н. Ильинъ, указавъ въ краткомъ словѣ на общерусское значеніе событія, вызвавшее настоящее торжество, обратилъ вниманіе въ общемъ объемѣ дѣятельности А. С. Пушкина и на архивныя его занятія при написаніи „Исторіи Пугачевского бунта“ и составленіи Исторіи Петра Великаго, послѣ чего слово предоставлено было правителю дѣлъ Комиссіи А. И. Маркевичу. Въ своей рѣчи г. Маркевичъ представилъ въ краткомъ очеркѣ обстоятельства пребыванія поэта въ Крымѣ и выяснилъ вліяніе этого момента жизни поэта на его творчество.

По выслушаніи рѣчи г. Маркевича, было постановлено послать слѣдующія привѣтственные телеграммы:

1. С.-Петербургъ. Императорская Академія Наукъ.

Чествуя сегодня въ торжественномъ засѣданіи память А. С. Пушкина, объединившаго цѣпью всю Россію во имя русскаго слова, русскаго гения, русской культуры, Таврическая Ученая Архивная Комиссія считаетъ долгомъ принести свое почтительное поздравленіе съ настоящимъ всероссійскимъ торжествомъ высшему просвѣтительному учрежденію Россіи, членомъ котораго (Россійской Академіи) былъ и нашъ великій поэтъ. Предсѣдатель *Ильинъ*.

2. Москва. Общество Любителей Россійской Словесности. Чествуя нынѣ въ торжественномъ засѣданіи память А. С. Пушкина, которому не чужда была и архивная дѣятельность, Таврическая Ученая Архивная Коммиссія мысленно присоединяется къ торжествамъ „святой родины“ его и шлетъ глубокой привѣтъ Обществу, членомъ котораго былъ и чествуемый нынѣ великій поэтъ. Предсѣдатель *Ильинъ*.

Засѣданіе 25-го сентября 1899 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Товарища предсѣдателя Коммиссіи В. П. Ласковского присутствовали г.г. члены: П. С. Грушинскій, А. П. Дьяконовъ, А. В. Ивановъ, Р. Г. Касабовъ, Аблякимъ Куламетъ-оглу эфенди, Ѳ. Ѳ. Лашковъ, Д. С. Матвѣевъ, С. А. Мокряевицкій, Измаиль мурза Муфтійзаде, А. К. Ромашокъ, правитель дѣлъ Арс. Н. Маркевичъ и гость М. И. Филишовъ.

I. По объявленіи засѣданія открытымъ, г. Предсѣдательствующій напомнилъ собранію о смерти 12-го числа истекшаго іюня мѣсяца члена Коммиссіи, инспектора Симферопольскаго епархіальнаго женскаго училища священника о. Димитрія Якимовича. Присутствующіе, по предложенію предсѣдательствующаго, почтили память почивнаго вставаніемъ.

II. Правитель дѣлъ доложилъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за 1898 годъ.

Постановлено: отчетъ утвердить и напечатать въ ближайшемъ номерѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

III. По предложенію предсѣдательствующаго, избрана была Коммиссія изъ г.г. членовъ—А. П. Дьяконова, Д. С. Матвѣева и Ѳ. Ѳ. Лашкова для провѣрки денежнаго отчета Коммиссіи и приходо-расходныхъ книгъ. Коммиссія нашла записи въ книгахъ правильными и остатокъ отъ расхода на лицо.

IV. Доложены письма академика П. П. Кондакова, профессора А. И. Кириичникова и профессора Э. Р. фонъ-Штерна съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ дѣйствительные члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Доложено отношеніе Московскаго Отдѣла Общаго Архива Министарства Императорскаго Двора отъ 17-го іюня этого года за № 74 съ выраженіемъ благодарности за присылку „Извѣстій“ Коммиссіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VI. Доложено отношеніе редакціи „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли“, „Указателя Правительственныхъ распоряженій по Министерству Финансовъ“ и „Торгово-Промышленной газеты“ отъ 8-го мая сего года за № 665 съ просьбой о высылкѣ ей трудовъ Коммисіи.

Постановлено: вступить въ обмѣнъ изданіями Коммисіи съ редакціей органовъ Министерства Финансовъ.

VII. Доложено отношеніе состоящаго подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича Русскаго Генеалогическаго Общества, отъ 12-го мая этого года за № 264, съ просьбой о высылкѣ въ бібліотеку Общества изданій Коммисіи.

Постановлено: выслать въ Русское Генеалогическое Общество вышедшіе нумера „Извѣстій“ Коммисіи и высылать дальнѣйшіе по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ.

VIII. Доложено отношеніе Общества Любителей изученія Кубанской Области отъ 26-го марта сего года съ просьбой о высылкѣ для его бібліотеки трудовъ Коммисіи.

Постановлено: выслать въ означенное Общество № 29-ый „Извѣстій“ Коммисіи и высылать дальнѣйшіе по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

IX. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммисіи отъ 3-го августа этого года за № 1295 съ препровожденіемъ для музея Таврической Ученой Архивной Коммисіи трехъ червонцевъ Венеціанскихъ дожей, изъ числа найденныхъ въ г. Старомъ Крыму.

Постановлено: выразить Императорской Археологической Коммисіи искреннюю признательность за означенный даръ музею Таврической Ученой Архивной Коммисіи.

X. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Правленія отъ 31 іюля сего года за № 1214 съ увѣдомленіемъ о томъ, что, согласно ходатайству члена Коммисіи землевладѣльца Соломона Самойловича Крыма, г. управляющимъ губерніей разрѣшено просителю произвести раскопки шести кургановъ въ имѣніи его „Зеврунъ“ Феодосійскаго уѣзда, Владиславской волости, при ближайшемъ руководствѣ директора Феодосійскаго музея древностей О. Ф. Ретовскаго и при его, просителя, непосредственномъ наблюденіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XI. Доложено отношеніе Симферопольской уѣздной земской управы отъ 8-го іюля сего года за № 2144, съ препровожденіемъ найденныхъ при рытьѣ фундамента подъ по-

стройку въ г. Бахчисараѣ арестнаго дома, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ аршина, четырехъ водопроводныхъ трубъ и пушечнаго ядра, а также доставленныхъ въ управу восьми мѣдныхъ монетъ (1700 года).

Постановлено: благодарить управу за доставленіе въ музей Коммиссіи означенныхъ предметовъ, съ присовокупленіемъ, что присланные монеты русскія 1823 года.

XII. Доложено отношеніе Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 2-го сентября сего года за № 370 съ увѣдомленіемъ о чествованіи 19-го сентября въ г. Ярославлѣ историческаго дѣятеля Ярославскаго края святаго благовѣрнаго князя Смоленскаго и Ярославскаго Феодора Ярославича по случаю 600-лѣтія со дня его блаженной кончины.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XIII. Доложено отношеніе Ставропольской Казенной Палаты отъ 17 іюля сего года за № 1363 съ препровожденіемъ описи на разсмотрѣніе Коммиссіи подлежащимъ уничтоженію архивнымъ дѣламъ контрольнаго отдѣленія бывшей Ставропольской Палаты Государственныхъ Имуществъ съ 1830 по 1869 годъ.

Постановлено: разсмотрѣть означенную опись.

XIV. Доложено отношеніе Коммиссіи по устройству Донскаго музея отъ 24-го іюля этого года за № 410, съ препровожденіемъ изданій Областнаго Правленія войска Донскаго и просьбой о присылкѣ для бібліотеки при Донскомъ музеѣ трудовъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Постановлено: выслать Донскому музею вышедшіе нумера „Извѣстій“ Коммиссіи и высылать впредь, по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

XV. Положено отношеніе товарища председателя Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи А. В. Селиванова отъ 3-го іюня этого года, съ препровожденіемъ нижеслѣдующаго составленнаго имъ проекта учрежденія Центральныхъ Губернскихъ Архивовъ, и просьбой о его разсмотрѣніи въ связи съ проектомъ профессора Самогвасова.

1. Во всѣхъ губернскихъ городахъ учреждаются мѣстные центральные архивы, въ коихъ сосредоточиваются ¹⁾ всѣ архивныя дѣла губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, какъ граждан-

¹⁾ Соединеніе съ архивомъ губернскаго правленія архивовъ другихъ присутственныхъ мѣстъ предусматрѣно ст. 590 и 594 т. II, ч. 1, св. закон.

скаго, такъ и духовнаго вѣдомствъ (кромѣ нотаріальнаго архива).

2. Существующіе нынѣ губернскіе историческіе архивы, образованные на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ 13-го апрѣля 1884 г. ¹⁾, входятъ въ составъ губернскихъ центральныхъ архивовъ.

3. Центральные губернскіе архивы образуются при ближайшемъ содѣйствіи и участіи ²⁾ ученыхъ архивныхъ комиссій тамъ, гдѣ послѣднія существуютъ или имѣютъ быть учреждены.

4. Главное наблюденіе ³⁾ за губернскимъ центральнымъ архивомъ въ каждой губерніи возлагается на особый архивный комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ губернатора (какъ непремѣннаго попечителя губернской ученой архивной комиссіи) изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя, товарища предсѣдателя и правителя дѣлъ ученой архивной комиссіи, двухъ членовъ архивной комиссіи, по избранію послѣдней, представителей разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений: вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, управляющаго государственными имуществами, управляющаго контрольной палатой, управляющаго акцизными сборами, губернскаго предводителя дворянства, городского головы (губернскаго города), предсѣдателя губернской земской управы, предсѣдателя окружнаго суда, директора народныхъ училищъ, члена отъ духовной консисторіи (по назначенію епархіальнаго архіерея), представителя отъ удѣльнаго вѣдомства и завѣдывающаго архивомъ (съ правами члена-докладчика). Въ городахъ, гдѣ имѣются университеты или лицеи, въ составъ архивныхъ комитетовъ входятъ представители и этихъ учреждений.

5. Ближайшее завѣдываніе архивомъ лежитъ на обязанности завѣдывающаго архивомъ, одного старшаго и четырехъ младшихъ архиваріусовъ.

6. На завѣдывающаго губернскимъ центральнымъ архи-

¹⁾ На основаніи 1 п. означеннаго положенія. „для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихъ для текущаго дѣлопроизводства, по болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждены въ губерніяхъ мѣстные историческіе архивы“.

²⁾ По 2 пункту Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ 13-го апрѣля 1884 г. „собіраніе и приведеніе въ порядокъ архивныхъ дѣлъ и документовъ“, поступающихъ въ историческіе архивы, возлагаются на учрежденныя для сего въ губерніяхъ ученые архивныя комиссіи.

³⁾ Въ нашемъ законодательствѣ существуютъ примѣры возложенія обязанностей по наблюденію за архивами на постороннія вѣдомства: такъ наблюденіе за центральнымъ архивомъ въ Кіевѣ принадлежитъ правленію университета св. Владиміра.

вомъ и архиваріусовъ, помимо храненія и пріема къ храненію дѣлъ и документовъ, возлагается также: 1) изготовленіе, выдача и доставленіе справокъ и выписей, снятіе копій и повѣрка представляемыхъ документовъ съ находящимися въ архивѣ актами, по требованію правительственныхъ установленій и по прошеніямъ частныхъ лицъ; 2) разборъ и приведеніе въ порядокъ архивныхъ дѣлъ и документовъ, составленіе описей и указателей къ нимъ, а также научная разработка и изданіе ихъ; 3) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ вѣчному храненію, и 4) исполненіе другихъ порученій, возлагаемыхъ комитетомъ и архивнымъ управленіемъ на архивъ, соотвѣтственно его назначенію и обязанностямъ.

7. Въ приведеніи въ порядокъ и разборкѣ архивныхъ дѣлъ и документовъ, какъ равно и въ научной разработкѣ архивнаго матеріала, могутъ принимать участіе члены губернской ученой архивной комиссіи, съ разрѣшенія комитета, и съ обязательствомъ подчиняться инструкціямъ и правиламъ, которые будутъ выработаны подлежащею властью относительно храненія, приведенія въ порядокъ архивныхъ дѣлъ и составленія къ нимъ описей и указателей.

8. Центральный губернский архивъ помѣщается въ особомъ зданіи, приспособленномъ для храненія архивныхъ документовъ, при чемъ въ томъ же зданіи отводится особое помѣщеніе для засѣданій ученой архивной комиссіи, какъ равно для принадлежащихъ послѣдней библиотеки и музея.

9. На архивный комитетъ возлагается обсужденіе всѣхъ вопросовъ, относящихся до архива и его дѣятельности, разработка плана занятій и составленіе инструкцій по разбору, приведенію въ порядокъ и описанію архивныхъ дѣлъ и по составленію и изданію архивныхъ описей и указателей, представленіе на утвержденіе подлежащей высшей власти означенныхъ плановъ и инструкцій, какъ равно годовыхъ отчетныхъ вѣдомостей и свѣдѣній по состоянію архива, установленіе порядка занятій въ архивѣ для лицъ постороннихъ и правилъ выдачи справокъ, выписей съ документовъ, хранящихся въ архивѣ, контроль и наблюденіе за дѣятельностью должностныхъ лицъ, служащихъ въ архивѣ, и представленіе ихъ къ наградамъ и пособіямъ.

10. Завѣдывающій архивомъ и старшій архиваріусъ опре-

дѣляется центральнымъ архивнымъ управленіемъ изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ и, по возможности, имѣющихъ соотвѣтствующую ихъ обязанностямъ спеціальную подготовку. Младшіе архивариусы назначаются архивнымъ комитетомъ изъ лицъ, окончившихъ курсы въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Канцелярскіе служители и сторожа опредѣляются по усмотрѣнію завѣдующаго архивомъ.

11. Штатъ содержанія служащихъ въ архивѣ:

	Классъ должности.	Содержаніе.
1 Завѣдывающій	VI	2500 р.
1 Старшій архивариусъ	VII	1500 р.
4 Младшихъ архивариуса	VIII	4000 р.
Итого.		8000 р.
На наемъ писцовъ и сторожей		2500 р.
На канцелярскіе расходы, составленіе описей и указателей и изданіе ихъ		1500 р.
ВСЕГО		12000 р.

Примѣчаніе: По собраннымъ свѣдѣніямъ, на содержаніе существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ архивовъ Владимірской губерніи ассигнуется:

1. На жалованье и содержаніе личнаго состава служащихъ въ архивахъ—губернскаго правленія 1000 р., казенной палаты 700 р., окружнаго суда 1444 р., духовной консисторіи 620 р., губернской земской управы 360 р., всего 4124 р.

2. На отопленіе архивовъ губернскаго правленія, губернской чертежной, окружнаго суда и нѣкоторыхъ другихъ архивовъ, гдѣ производится отопленіе, около 800 р.

Итого. 4924 р.

Во всѣхъ прочихъ архивахъ, а именно: губернской чертежной, городскихъ и уѣздныхъ полицейскихъ управленій, губернскаго присутствія, уѣздныхъ съѣздовъ, почтово-телеграфной конторы, казначействъ, губернскаго и окружныхъ акцизныхъ управленій, отдѣленія государственнаго банка, губернскаго прокурора, енархіальнаго училищнаго совѣта, духовной семинаріи, духовныхъ училищъ и правленій, контрольной палаты, депутатскаго собранія, дворянской опеки, уѣздныхъ земскихъ управъ, городскихъ управъ, дирекціи народныхъ училищъ, мужской гимназіи, управленій уѣздныхъ воинскихъ

начальниковъ, управленія государственныхъ имуществъ, мѣс-
ничихъ, земскихъ начальниковъ и пр. особыхъ архиваріусовъ
не имѣется, но завѣдываніе архивами поручается кому-либо
изъ чиновниковъ, что несомнѣнно отвлекаетъ послѣднихъ отъ
ихъ прямыхъ обязанностей по службѣ. Если перевести на
деньги трудъ этихъ лицъ, завѣдывающихъ архивами, то онъ
выразится въ суммѣ примѣрно до 3600 р. (полагая для ар-
хива управленія государственныхъ имуществъ 200 р., кон-
трольной палаты 100 р., губернскаго присутствія и губернской
чертежной по 100 р., а въ остальныхъ архивахъ по 25 р.).

Всѣ перечисленные архивы размѣщаются въ казенныхъ
или наемныхъ здачійхъ, при чемъ въ общей сложности зани-
маютъ собою около 175 комнатъ. Оцѣнивая стоимость каж-
дой комнаты по 20 р. въ годъ, общая стоимость всѣхъ по-
мѣщеній составитъ 3500 р.

Такимъ образомъ, всѣ расходы на содержаніе нынѣ су-
ществующихъ губернскихъ и уѣздныхъ архивовъ можно опре-
дѣлить въ 12024 р. ¹⁾

Потребныя на содержаніе архива деньги могутъ быть по-
лучены путемъ опредѣленнаго отчисленія изъ смѣтъ разныхъ
вѣдомствъ, въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ	3800 р.
„ министерства финансовъ	1500 „
„ министерства юстиціи	2000 „
„ государственнаго контроля	200 „
„ министерства военнаго	600 „
„ министерства народнаго просвѣщенія	150 „
„ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ	600 „
„ духовнаго вѣдомства	1400 „
„ дворянства	150 „
„ земствъ	1000 „
„ городскихъ управленій	600 „

По заслушаніи этого проекта, присутствующіе выразили
сожалѣніе, что онъ былъ полученъ во время каникулъ и не
могъ быть разсмотрѣнъ до бывшаго въ истекшемъ августѣ
мѣсяцѣ археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, и постановлено:
проектъ г. Селиванова принять къ свѣдѣнію.

XVI. Членъ Коммиссіи Аблякимъ Куламетъ-оглу эфенди
передалъ пожертвованные въ музей Коммиссіи М. П. Ширин-

¹⁾ Сюда не вошли архивы волостныхъ правленій и многіе другіе мелкіе архивы
различныхъ учебныхъ заведеній, благотворительныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ.

скимъ три ханскихъ ярыка: Селимъ-гирей, сына Батыръ-гирей, 1084 (1749) г., Инайеть-гирей, сына Гази-гирей, 1045 (1710) г., и Адиль-гирей, сына Девлетъ-гирей, 1076 (1741) г. Всея ярыки сходнаго содержанія и заключаютъ въ себѣ привилегіи, данныя завѣдующимъ ханскою соколиною охотою лицамъ.

Постановлено: благодарить за пожертвованіе и передать ярыки въ музей Коммиссіи.

XVII. Слушали сообщеніе члена Коммиссіи Измаила мурзы Муфтіязеде: „*Очеркъ военной службы Крымскихъ татаръ въ русской арміи (съ 1783 по 1899 годъ)*“, составленный по мѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ.

Постановлено: благодарить Измаила мурзу за сообщеніе, которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

XVIII. Слушали заявленіе правителя дѣлъ о томъ, что обсуждавшійся въ 1897 году въ Коммиссіи вопросъ о сохраненіи угрожающихъ паденіемъ древнихъ башенъ въ Алуштѣ долженъ придти къ благопріятному результату. Именно, г. Таврическій Губернаторъ возбудилъ ходатайство о необходимости ремонта развалинъ древней византійской крѣпости въ Алуштѣ, и Департаментъ общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отпустилъ 800 рублей на производство работъ по укрѣпленію и приведенію въ безопасное состояніе означенныхъ развалинъ. По просьбѣ губернскаго инженера г. Геккера, которому поручена эта работа, правитель дѣлъ въ началѣ сентября мѣсяца ѣздилъ съ нимъ въ с. Алушту, при чемъ были внимательно осмотрѣны всея остатки означенной древней крѣпости, тщательно провѣренъ планъ ея, помѣщенный Кеппеномъ въ его „Крымскомъ Сборникѣ“ (стр. 154) и оказавшійся вполне вѣрнымъ, и выяснено, что для приведенія въ безопасное состояніе уцѣлѣвшихъ донынѣ двухъ башенъ необходимо сдѣлать контрфорсы къ нимъ, разсѣбениить самыя башни въ нѣсколькихъ мѣстахъ и заложить пустыя мѣста унавшими оттуда камнями, чтобы придать башнямъ по возможности первоначальный видъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XIX. Правитель дѣлъ заявилъ, что ходатайство Коммиссіи предъ свѣтлѣйшимъ княземъ Долгорукимъ, владѣльцемъ имѣнія Мамуть Султанъ, о необходимости ремонта развалинъ находящейся въ его имѣніи Эски-Сараѣ древней мечети было уважено, и князь Долгорукій препроводилъ въ распоряженіе

г. Таврическаго Губернатора 500 рублей на ремонтъ означенной мечети. Губернскій инженеръ Ивановъ, по порученію г. Губернатора, произвелъ означенный ремонтъ въ теченіе лѣта нынѣшняго года, состоявшій въ возобновленіи обрушившагося купола мечети и исправленіи обвалившихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ карнизовъ. Реставрація сдѣлана внимательно, и первоначальный видъ мечети возстановленъ вполнѣ. При этомъ правитель дѣлъ передалъ для музея Коммиссіи сдѣланные С. П. Ивановымъ рисунки мечети въ Эски-Сараѣ, представляющіе видъ ея, планъ и разрѣзъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XX. Слушали заявленіе хранителя музея древностей А. В. Иванова о томъ, что онъ, въ виду частыхъ отлучекъ его по дѣламъ службы изъ Симферополя затрудняется завѣдываніемъ музея, особенно постояннымъ присутствіемъ въ музеѣ въ воскресные дни во время обозрѣнія его публикой.

Постановлено: просить члена Коммиссіи П. С. Грушинскаго взять на себя обязанности помощника хранителя музея, на что г. Грушинскій изъявилъ свое согласіе.

XXI. Правитель дѣлъ заявилъ, что изъ числа членовъ Коммиссіи, бывшихъ депутатами на XI-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, два лица, именно: Алексѣй Ивановичъ Маркевичъ и Хрисанфъ Петровичъ Ящуржинскій готовятъ отчеты о Съѣздѣ, которые пришлютъ въ Коммиссію въ скоромъ времени.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XXII. Предложенъ правителемъ дѣлъ въ члены Коммиссіи *Михаилъ Ивановичъ Филипповъ* бухгалтеръ Таврической Казенной Палаты.

XXIII. Доложено о поступившихъ въ бібліотеку Коммиссіи слѣдующихъ сочиненіяхъ.

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Записки“ ея, т. 3, №№ 2—5 и „Извѣстія“ №№ 3 и 4-й за 1899 годъ.

2. Отъ Императорской Археологической Коммиссіи: „Матеріалы по Археологіи Россіи“, №№ 21, 22 и 23, и Отчеты за 1895 и 1896 годы.

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: „Труды X-го Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ въ 1896 г., т. 1 и 2-й“ и „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“, за 1899 г. №№ 3—5 и 6—7.

4. Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: „Записки Восточнаго Отдѣленія“, т. XI, в. I—IV и т. XII, в. I-й.

5. Отъ Университета св. Владиміра: № 8 „Университетскихъ Извѣстій“ за 1899 годъ.

6. Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ: „Лѣтопись“ его, т. VII, 1899 года.

7. Отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи: вып. II-й его „Чтеній“ за 1899 г.

8. Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: т. XV, вып. 4-й его „Извѣстій“.

9. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: № 3-й „Ученыхъ Записокъ“ его за 1899 годъ.

10. Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: т. XXI-й его „Записокъ“.

11. Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи: „Описаніе документовъ и бумагъ“ этого архива, т. XI-й М. 1899 года.

12. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: „Матеріалы по Археологіи Кавказа“, вып. XI-ый М. 1899 г. и „Древности“, Труды Археологическаго Коммисіи Имп. Моск. Арх. Общества, т. I, вып. 3-ий, М. 1899 года.

13) Отъ Крымскаго Горнаго Клуба: „Записки“ его: №№ 3, 4 и 5—6 за 1899 годъ.

14. Отъ Троицко-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: т. I, вып. 1 и 2-й его: „Трудовъ“ за 1898 годъ.

15. Отъ Общества Любителей изученія Кубанской Области: вып. I-й его „Извѣстій“ за 1899 годъ.

16. Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммисіи: т. XIV, вып. I-ый „Трудовъ“ ея, 1899 года.

17. Отъ Калужской Ученой Архивной Коммисіи: „Извѣстія“ ея, вып. I, за 1899 годъ.

18. Отъ „Науковаго Товариства імени Шевченки“ въ Львовѣ: т. XXIX, в. III его „Записокъ“ за 1899 годъ и брошюра: „Украинсько-руський Універзитет.“ М. Крушельницкаго.

19. Отъ Археологической Коммисіи при Чешской Академіи Императора Франца Іосифа: Památky archaeologicke a mistopisné, т. XVIII, вып. III—IV и V за 1899 годъ изданіе Starozitnosti zeme české, т. I, и сочиненіе Czechy predhistoricke d-ra J. L. Pic.

20. Отъ Редакціи газеты „Переводчикъ“: номеръ этой га-

зеты отъ 26 мая 1899 года, посвященный памяти А. С. Пушкина, на русскомъ и татарскомъ языкахъ.

21. Отъ Виленской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ: XXV-ый томъ изданія его „Актовъ“, за 1899 годъ.

22. Отъ Историко-Филологическаго института кн. Безбодроко въ Нѣжинѣ: т. XVII-ый „Извѣстій“ Института.

23. Отъ Коммисіи Донскаго музея изданія: а) Статистическое описаніе Области Войска Донскаго. Новочеркасскъ 1884 г.; б) Акты, относящіяся къ исторіи Войска Донскаго т. I и т. II, ч. I. Новочеркасскъ 1891—4 г.; в) Высочайшія грамоты и регалии, пожалованныя Войску Донскому. Новочеркасскъ 1887 года; г) Празднованіе 200-лѣтія взятія Азова (1896 года).

24. Отъ профессора Э. Р. фонъ-Штерна оттискъ его статьи: „О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи“.

25. Отъ И. И. Казаса: Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines, вып. 26-ой.

26. Отъ Т. В. Кибальчича его статьи: „Каталогъ геммъ, собранныхъ преимущественно въ южной Россіи“ и „Древніе драгоценные амулеты, найденные въ южной Россіи“.

27. Отъ А. Н. Норцова его статья: „Губернскія Ученыя Архивныя Коммисіи и ихъ значеніе“.

Засѣданіе 15-го ноября 1899 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Коммисіи А. Н. Ильина присутствовали: Товарищъ предсѣдателя В. П. Ласковскій, г.г. члены: каѳедральный протоіерей Назаревскій, А. Я. Гидалевичъ, А. Н. Дьяконовъ, А. В. Ивановъ, Д. С. Матвѣевъ, С. А. Плаксинъ, М. И. Филипповъ и правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ.

I. Читанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Постановлено: протоколъ утвердить.

II. Членъ Коммисіи М. И. Филипповъ выразилъ благодарность Коммисіи за избраніе его въ число ея членовъ.

III. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Правленія отъ 9-го сентября сего года за № 1456, съ увѣдомленіемъ о томъ, что въ началѣ мѣсяца текущаго года крестьянинъ села Рождественки, Днѣпровскаго уѣзда, Карпъ Коваль, совместно съ шестью односельчанами, тайно произвелъ раскоп-

ку двухъ кургановъ, находящихся на землѣ Рождественскаго сельскаго общества, при чемъ имъ найдены были слѣдующіе древніе предметы: 1) два золотыхъ не спаянныхъ кольца; 2) мѣдная пряжка; 3) клинокъ сабли, изломавшійся въ куски при раскопкѣ; 4) куски кольчуги, слившейся отъ ржавчины, и 5) стремяна и куски удила. Вся эта находка была препровождена въ Императорскую Археологическую Коммиссію, которая, отношеніемъ отъ 23-го августа сего года за № 1445, увѣдомила г. Губернатора, что находка эта будетъ передана Коммиссіей въ музей Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IV. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Правленія отъ 29-го сентября сего года за № 1570, съ увѣдомленіемъ о томъ, что въ текущемъ году поселянинъ деревни Біюкъ-Мускомья, Ялтинскаго уѣзда, копая усадебное мѣсто, нашелъ два глиняныхъ кувшина, первый—высотой въ 1 арш. 14 вершковъ и наибольшемъ діаметрѣ 1 арш. 8 вершковъ, съ тремя боковыми дырами въ ладонь и сбитой верхушкой, при чемъ на кувшинѣ замѣтны выпуклые обручки; второй кувшинъ гладкій, высотой 1 арш. 4 вершка и $\frac{3}{4}$ арш. въ діаметрѣ, считая таковой въ наиболѣе широкой его части; кувшинъ этотъ имѣетъ небольшую трещину. Сообщая объ этомъ, Губернское Правленіе проситъ Коммиссію сообщить, не желаетъ ли она, согласно предложенію Императорской Археологической Коммиссіи, приобрести эти сосуды для своего музея.

Постановлено: просить Губернское Правленіе о доставленіи этихъ сосудовъ въ музей Коммиссіи.

V. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Правленія отъ 8-го октября сего года за № 5217, съ препровожденіемъ двухъ описей дѣламъ Симферопольскаго уѣзднаго полицейскаго управленія съ 1786 года по гражданскому и съ 1788 по уголовному столамъ и просьбой, по разсмотрѣніи означенной описи, увѣдомить, какія дѣла заслуживаютъ храненія въ Историческомъ архивѣ. При этомъ правитель дѣлъ заявилъ, что членъ Коммиссіи А. К. Романюкъ изъяснилъ согласіе разсмотрѣть не только описи, но и самыя дѣла, значащіяся въ ней, въ помѣщеніи Симферопольскаго уѣзднаго полицейскаго управленія.

Постановлено: просить А. К. Романюка взять на себя этотъ трудъ.

VI. Доложено письмо правленія Крымскаго Горнаго Клуба отъ 16-го октября сего года за № 886 съ выраженіемъ благодарности хранителю музея Коммисіи А. В. Иванову, за содѣйствіе, оказанное лѣтомъ настоящаго года организованной Клубомъ, подъ руководствомъ его члена Е. В. Князева, экскурсіи, при осмотрѣ музея древностей Коммисіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VII. Доложено сообщеніе члена Коммисіи профессора Ал. И. Маркевича: „*XI-ый Кіевскій Археологическій Съездъ и труды его по Исторіи Новороссійскаго края*“.

Постановлено: благодарить за сообщеніе и напечатать его въ № 30-мъ „Извѣстій“ Коммисіи.

VIII. Доложено сообщеніе члена Коммисіи Х. П. Ящуржинскаго: „*Архивовѣдніе на XI-мъ Археологическомъ Съездѣ*“.

Постановлено: благодарить за сообщеніе, которое напечатать въ № 30-мъ „Извѣстій“ Коммисіи.

IX. Членъ Коммисіи А. Я. Гидалевичъ представилъ для музея Коммисіи два отрывка свитковъ Пятикнижія изъ древней Θεодосійской еврейской синагоги, съ сообщеніемъ: „*По поводу отрывковъ двухъ свитковъ Пятикнижія изъ Θεодосійской еврейской синагоги*“.

По выслушаніи доклада г. Гидалевича, *постановлено:* благодарить его, а сообщеніе напечатать въ № 30-мъ „Извѣстій“ Коммисіи.

X. Правитель дѣлъ доложилъ, что онъ ѣздилъ въ д. Стили, Ялтинскаго уѣзда, и привезъ оттуда плиту, упоминаемую Кешпеномъ на стр. 16 его „Сборника“, съ надписью: „*Γερβασίου ιερομοναχου σουμελιωτης ΤΑΞΙΜ 1754; 176; 1765* Гервасій Гермонахъ изъ Сумелы (монастырь), путешествіе. Эта плита находилась надъ входомъ церкви, которая теперь представляетъ однѣ развалины. Среди развалинъ этой церкви (15:9 аршинъ), и на обширномъ кладбищѣ вблизи ея никакихъ другихъ надписей не оказалось. Упомянутая плита оказалась разбитою на три части. Надпись на ней издана акад. В. В. Латышевымъ, по эстампажу проф. Ю. А. Кулаковскаго.

Постановлено: благодарить правителя дѣлъ за доставку означенной плиты въ музей Коммисіи, и расходъ по поѣздкѣ его въ д. Стили и перевозкѣ плиты возратить изъ средствъ Коммисіи.

XI. Правитель дѣлъ доложилъ, что, по приглашенію члена Коммисіи А. Г. Иваненко, которому поручено Императорской Археологической Коммисіей производство раскопокъ

въ урочищѣ Ханлы-дере въ Бахчисараѣ, онъ имѣлъ возможность обозрѣть эти работы и считаетъ долгомъ сообщить Коммиссии объ ихъ результатахъ, въ дополненіе къ сообщенію, доложенному въ засѣданіи 20-го апрѣля 1898 года и напечатанному въ № 29-мъ „Извѣстій„ Коммиссии.

„Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1898 года произведена была первая раскопка въ урочищѣ Ханлы-дере въ Бахчисараѣ, при чемъ открытъ былъ магометанскій мавзолей (тюрбе). Въ кучѣ мусора, находившейся надъ этимъ мавзолеемъ и образовавшей цѣлый бугоръ, найдена была надгробная плита съ рельефнымъ изображеніемъ креста и стертой надписью (Рис. 1-й) и два небольшихъ камня съ грубыми изображеніями крестовъ (Рис. 2 и 3-й). Какъ попали сюда эти христіанскіе памятники, неизвѣстно, но, очевидно, неиздалека, — и слѣдовательно въ ближайшей мѣстности были христіанское кладбище и церковь, въ стѣнахъ которой находились указанные камни. На стѣнахъ древнихъ церквей въ д. Шурю и Лакъ (св. Троицы) имѣются подобныя изображенія. Раскопанный мавзолей обычной въ Крыму архитектуры (Рис. 4 и 5-ый), Паруса и подпружные арки его украшены цвѣтнымъ орнаментомъ (Рис. 6 и 7-ой), а въ поясѣ между парусами и куполомъ идетъ арабская надпись въ одну линію, представляющая стихъ (суру) изъ корана о неисланіи побѣды и счастья въ этомъ и загробномъ мирѣ (часть ея на рис. 8). На полу усыпальницы находилось около 13 костяковъ; вперемѣшку съ костями лежали истлѣвшія доски гробовъ (табудъ), и валялись куски толстаго сафьяна и парчи.

Къ юго-востоку отъ этого мавзолея, саженьхъ въ 30-ти, нынѣшнею осенью раскопана была г. Иваненко другая усыпальница, гораздо проще первой, безъ всякихъ украшеній внутри и съ массой перемѣшанныхъ человѣческихъ костей, лежавшихъ на небольшомъ возвышеніи, противъ входа; между прочимъ оказались и дѣтскія кости. Средній костякъ, оказавшійся нетронутымъ и цѣльнымъ, лежалъ головой къ югу. Среди костей найдены истлѣвшіе куски сафьяна. Въ переднемъ углу обнаружено отверстіе, показывающее, что эта гробница была давно разграблена; это подтверждаютъ и куски глинянаго кувшина и полуистлѣвшая лопата, найденные тутъ же. Черепа ни одного не сохранилось.

Затѣмъ къ юго-востоку отъ перваго мавзолея, саженьхъ въ 20-ти, А. Г. Иваненко откопалъ третью усыпальницу, похожую видомъ своимъ на предыдущую (Рис. 9). Въ ней

найдено десять нетлѣвшихъ гробовъ, изъ которыхъ 8 стояли въ рядъ, и два впереди, справа отъ входа. Доски крышекъ гробовъ лежали на костяхъ; средній гробъ стоялъ на двухъ желѣзныхъ четырехножникахъ. Этотъ гробъ былъ обитъ парчей малиноваго цвѣта съ золотыми цвѣтами. Покойники были завернуты въ шелковые саваны, гробы обиты сафьяномъ. Всѣ костяки обращены головой къ западу. Сохранился въ этой усыпальницѣ только одинъ черепъ, и очень плохо другой. Вообще во всѣхъ трехъ усыпальницахъ оказалось очень мало череповъ. Никакихъ другихъ предметовъ въ гробницахъ не оказалось, и вообще по результатамъ раскопки въ урочищѣ Ханлы-дере не оправдали ожиданій. Предполагается расчистить и бургоръ въ средней части ущелья, но и эта раскопка, по всей вѣроятности, не представитъ ничего важнаго“.

Въ заключеніе г. Марзевичъ сообщилъ, что члены Комиссіи г. Иваницко и Измаиль мурза Гаспринскій обратили вниманіе на урочище Юртъ-лукъ, вблизи Бахчисарая, на горѣ надъ Успенскимъ монастыремъ, вблизи урочища Юзь-Чокракъ,—гдѣ находятся слѣды обширнаго поселенія; здѣсь разбросано много кусковъ древнихъ глиняныхъ сосудовъ, и татары находятъ древнія монеты. Предполагается произвести въ этой мѣстности пробную раскопку въ двухъ—трехъ мѣстахъ.

По выслушаніи сообщенія г. Марзевича, постановлено: внести его въ протоколъ настоящаго засѣданія.

ХІІ. Членъ Комиссіи М. И. Филипповъ доложилъ о разсмотрѣнныхъ имъ описяхъ предназначенныхъ къ уничтоженію дѣлъ Таврической Казенной Палаты, при чемъ онъ призналъ заслуживающими храненія слѣдующее число дѣлъ:

1. Изъ 4519 дѣлъ Таврическаго Губернскаго Казначейства съ 1798 по 1881 г. включительно признаны заслуживающими храненія 15 дѣлъ.

2. Изъ 2322 дѣлъ Приказа Общественнаго Призрѣнія съ 1805 по 1859 г. признаны заслуживающими храненія: по 1-й части—три дѣла, по 2-й—шесть дѣлъ.

4. Изъ 930 дѣлъ Таврической Казенной Палаты акцизнаго стола, нитейнаго отдѣленія, съ 1835 по 1863 г. признаны заслуживающими храненія 4 дѣла.

4. Изъ 9804 дѣлъ рекрутскаго стола съ 1795 по 1862 г. ни одно дѣло не признано заслуживающимъ храненія.

5. Изъ 15698 дѣлъ солянаго отдѣленія Палаты съ 1184 по 1824 г. признаны заслуживающими храненія 87 дѣлъ.

6. Изъ 3419 дѣлъ хозяйственнаго отдѣленія палаты съ 1832 по 1848 г. выдѣлено для храненія три дѣла.

Изъ доклада М. И. Филиппова видно, что разсмотрѣнїе описей было сдѣлано имъ весьма тщательно. Особенно интересными представляются дѣла сольнаго отдѣленія Палаты, изъ которыхъ многія касаются учрежденія Таврической губерніи и устройства присутственныхъ мѣстъ, путешествія Императрицы Екатерины II-й въ Крымъ, Феодосійскаго монетнаго двора. Но, принимая во вниманіе невозможность уничтоженія дѣлъ на основаніи однихъ описей, тѣмъ болѣе, что Коммиссіи имѣеть полную возможность изучить и самыя дѣла, предназначенныя Палатой къ уничтоженію, *постановлено*: просить г. Филиппова, правителя дѣлъ и другихъ членовъ Коммиссіи о разсмотрѣнїи означенныхъ дѣлъ, до уничтоженія ихъ, на мѣстѣ, о чемъ увѣдомить и Таврическую Казенную Палату.

XIII. Членъ Коммиссіи М. И. Филипповъ доложилъ о разсмотрѣнной имъ описи предназначенныхъ къ уничтоженію 1067 дѣлъ Бессарабской Казенной Палаты съ 1853 по 1874 годъ, препровожденную при отношеніи отъ 3-го іюля 1898 г. за № 15400, при чемъ нашелъ заслуживающими храненія 41 дѣло.

Постановлено: возвратить опись по принадлежности, съ просьбой о передачѣ ея вмѣстѣ съ дѣлами на разсмотрѣнїе Бессарабской Ученой Архивной Коммиссіи, а также возвратить въ Бессарабскую Казенную Палату и неразсмотрѣнныя еще описи уѣздныхъ казначействъ Бессарабской губерніи, для передачи ихъ на разсмотрѣнїе въ мѣстную Архивную Коммиссію.

XIV. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: т. X-й, № 5-й и т. XI-й, № 1-й (1899 года) ея „Извѣстій“.

2. Отъ Университета св. Владимира: „Университетскія Извѣстія“, № 9. (сентябрь) 1899 года.

3. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета №: 4-й „Ученыхъ Записокъ“ его за 1899 годъ.

4. Отъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: т. XV. выш. 5—6 его „Извѣстій“.

5. Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи трудъ Д. Я. Самоквасова: „Централизація государственныхъ архи-

вовъ Западной Европы, въ связи съ архивной реформой въ Россіи“. Москва 1899 года.

6. Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи: вып. XVIII ея „Извѣстій“ (1899 г.).

7. Отъ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи: вып. V-ый ея „Трудовъ“ (1899 г.).

8. Отъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края: Отчетъ за 1897 годъ.

9. Отъ Науковаго Товариства имени Шевченка въ Львовѣ: т. XXX, кн. IV его „Записокъ“ (1899 г.).

10. Отъ Орловской Ученой Архивной Коммиссіи: вып. I-ый ея „Трудовъ“ за 1899 годъ.

11. Отъ Х. П. Ящуржинскаго: а) „Извѣстія XI-го Археологическаго Съѣзда въ г. Кіевѣ“ 1899 года; б) Каталогъ выставки XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ 1899 г. и в) Краткій перечень рукописей и старопечатныхъ книгъ на выставкѣ XI-го Археологическаго Съѣзда, сост. И. М. Каманинымъ.

12. Отъ А. Орѣшникова его труды: а) Матеріалы къ русской нумизматикѣ до царскаго періода: 1) Древнѣйшее изображеніе двухглаваго орла; 2) О монетахъ удѣльнаго княжества Ростовскаго; 3) О монетахъ удѣльнаго княжества Ярославскаго; 4) О монетахъ великаго княжества Суздальскаго и Нижегородскаго и б) Золотой статиръ архонта Игіэнонта.

13. Отъ редакціи „Вѣстника Финансовъ“, „Свода тиражей и Торгово-промышленной газеты“—эти изданія за октябрь—ноябрь 1899 года.

14. Отъ г. Директора народныхъ училищъ Таврической губерніи—брошюра: Курсы ручного труда, педагогическіе и сельско-хозяйственные для учителей и учительницъ народныхъ училищъ Таврической губерніи въ 1890 и 1899 г.г. Симф. 1899 года.

Постановлено: благодарить за означенныя пожертвованія для бібліотеки Коммиссіи.

XV. По выслушаніи заявленія правителя дѣлъ объ имѣющемся матеріалѣ для „Извѣстій“ Коммиссіи и о средствахъ ея, *постановлено:* выпустить въ свѣтъ № 30-й „Извѣстій“ Коммиссіи, въ которомъ помѣстить „Отчетъ“ за 1898 годъ, протоколы за 1899-й годъ и сообщенія г.г. членовъ Коммиссіи: Измаила мурзы Муфтійзаде „Очеркъ военной службы Крымскихъ татаръ“, Хр. П. Ящуржинскаго и проф. Ал. И. Маркевича ихъ Отчеты объ XI-мъ Археологическомъ Съѣздѣ,

Д. Я. Сердюкова „Чмырева могила“, А. Я. Гидалевича „По поводу отрывковъ двухъ свитковъ Пятикнижія изъ Θεодосійской еврейской синагоги“ и правителя дѣлъ Арс. И. Маркевича его рѣчь: „А. С. Пушкинъ и Крымъ“.

Крым. Комитетъ
 БИБЛИОТЕКА
 Государственнаго архивнаго
 Крыма
 Инв. № 1537.

Крым.

г. Симферополь
БИБЛИОТЕКА
ГО УЗНАВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
СЯСОНЕСКОГО
УЗВЕЯ

Инв. № 1532.

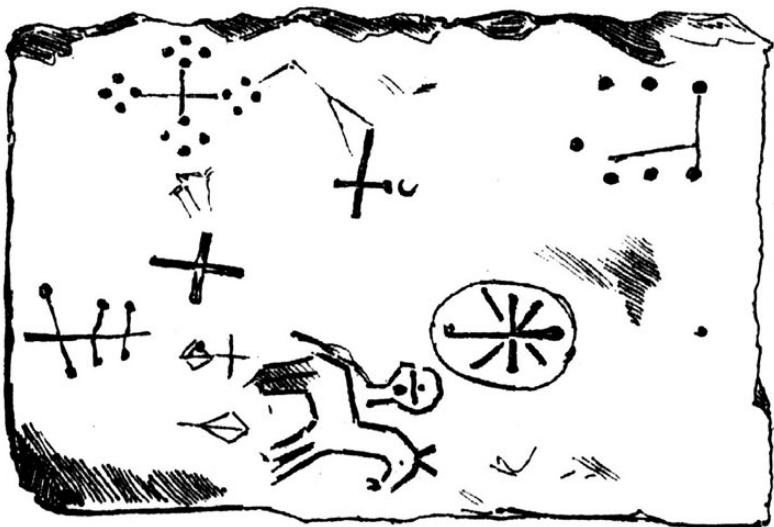

Рис. 3.

Рис. 2.

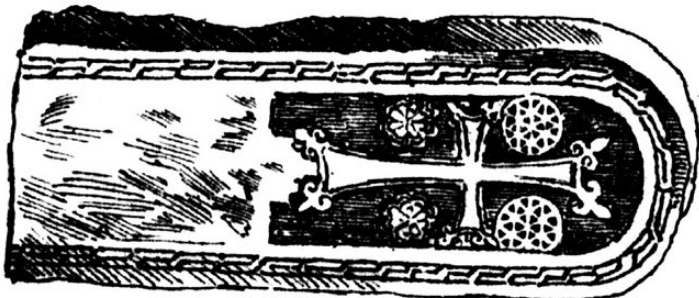
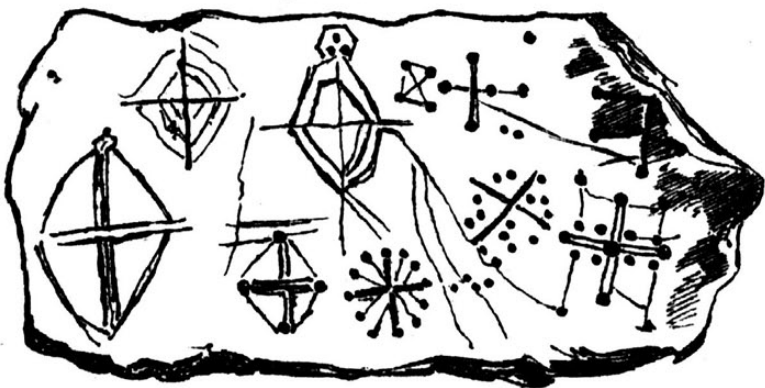
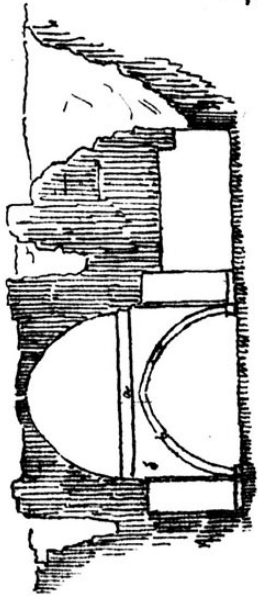

Рис. 1.

Puc. 4.

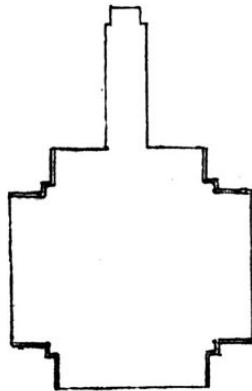
Puc. 6.

Puc. 7.

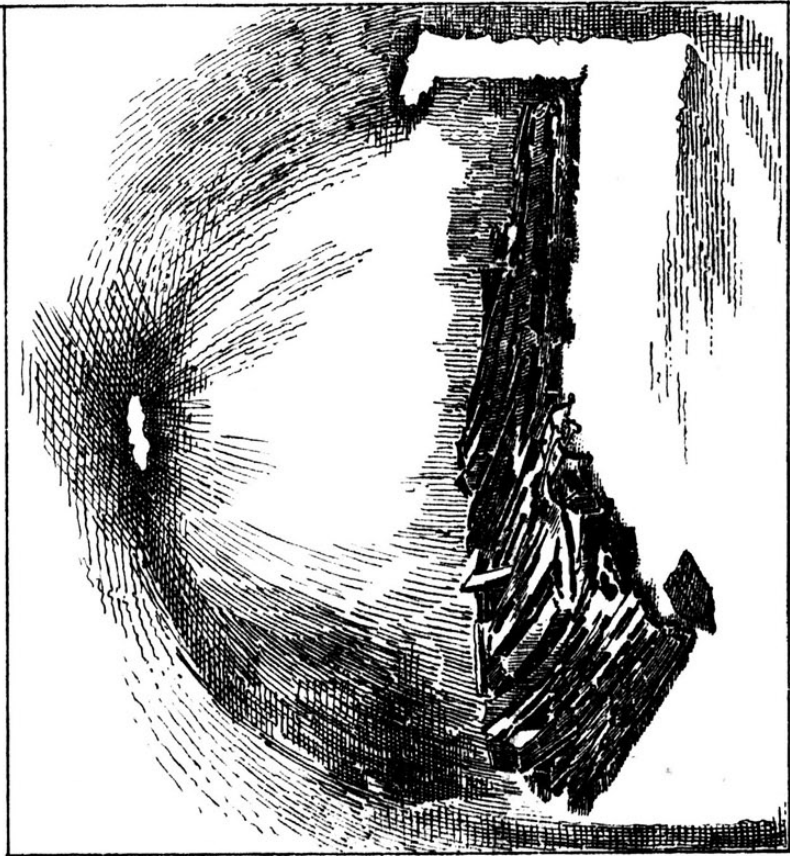
Puc. 5.

Puc. 8.

قوس المسجد الكبير

Puc. 9

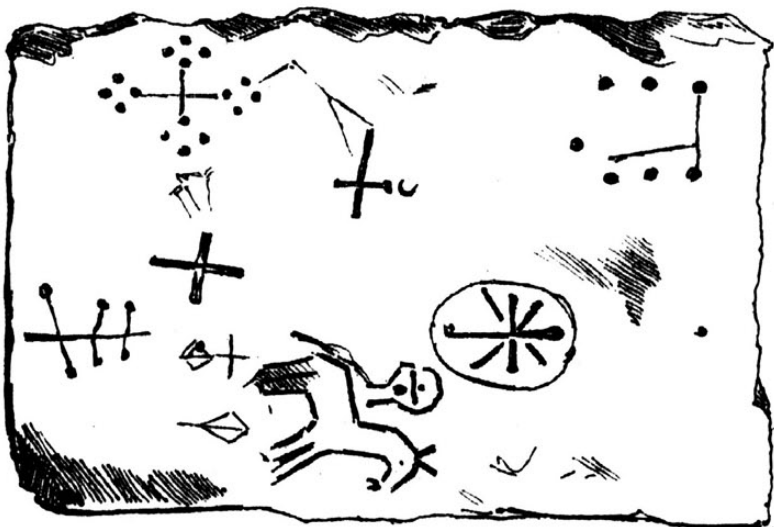

Рис. 3.

Рис. 2.

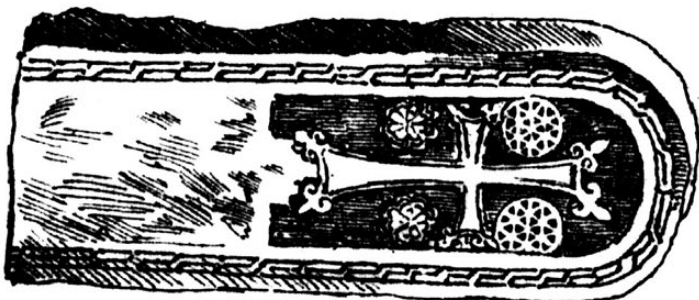
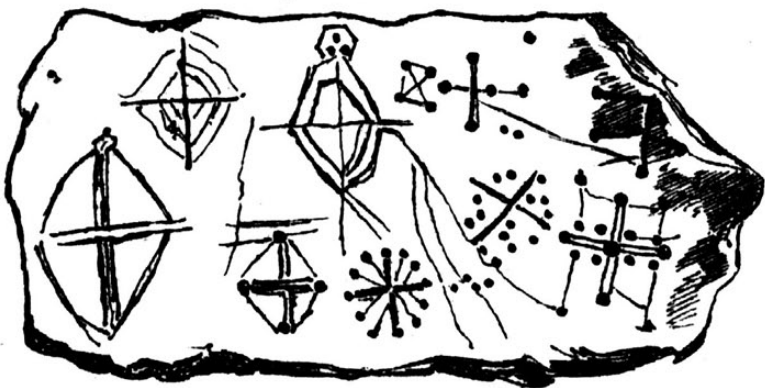
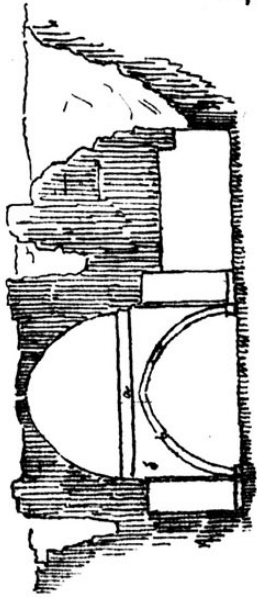

Рис. 1.

Puc. 4.

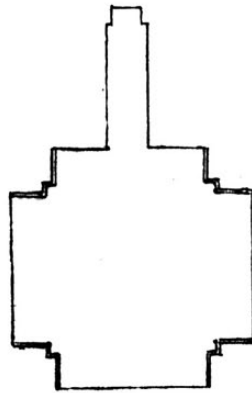
Puc. 6.

Puc. 7.

Puc. 5.

Puc. 8.

قوس المسكن للرب

Puc. 9

